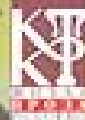

1800-1809

ИЮЛЬ 2011

Е. Маурин

ВЕНЦЕНОСНЫЙ РАБ КРОВАВЫЙ ПИР НА ОБЛОМКАХ ТРОНА

ХІІІ

Annotation

В романах Евгения Ивановича Маурина разворачивается панорама исторических событий XVIII века. В представленных на страницах двухтомника произведениях рассказывается об удивительной судьбе французской актрисы Аделаиды Гюс, женщины, через призму жизни которой можно проследить за ключевыми событиями того времени.

Во второй том вошли романы: «Венценосный раб», «Кровавый пир», «На обломках трона».

- [Евгений Иванович Маурин](#)

- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)

- [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)

- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)

- [I](#)
 - [II](#)

- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)

- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)

- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

Евгений Иванович Маурин

Венценосный раб

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Самсон и Далила

I

– Нет, что же это такое? – кричал русский посланник на стокгольмском дворе Аркадий Марков, топая ногами и размахивая носовым платком, на котором виднелись причудливо расшитые инициалы «I.A.». – Что же это такое, позвольте вас спросить, а?

Аделаида Гюс, занятая в этот момент какими-то счетами со своим секретарем – вашим покорным слугой Гаспаром Тибо Лебеф де Бьевром, – спокойно вскинула на взбешенного Маркова взор зеленоватых кошачьих глаз и ответила с легким ироническим подергиванием хищных губ:

– Мне кажется, что это... носовой платок!

– Ах, вот как? Носовой платок? Маленький,

ничтожный носовой платок, только и всего, не правда ли?

— О, нет! Он довольно большой и очень хорошего качества...

Марков сделал шей и ртом какое-то судорожное движение, словно рыба, которую вытащили на сушу.

— Какая напость! Какое беспримерное бесстыдство! — глухо кинул он с хриплым, прерывистым воем. — Нет-с! На этот раз вы не отделаетесь от меня глупыми шуточками! Я требую ответа и имею право на это, да-с! Слышите: я требую ответа! Что это значит?

— Мне кажется, милейший Марков, это я должна спросить вас, что значит эта глупая, смешная сцена! — с неподражаемым спокойствием ответила Адель.

— Нет, это переходит все границы... Помилуйте, вчера вечером являюсь невзначай — у горничной смущенное лицо. «Барышня нездорова... слегла в постель... сильный жар...». Слышу какой-то шепот в спальне. «Кто же там разговаривает? С кем барышня?» — «Помилуйте, сударь, барышня одна... Это — бред от сильного жара». Я, словно идиот, бросаю утром все дела и лечу сюда, чтобы проведать больную. Вбегаю в спальню... Постель еще не убрана, и из-под подушки торчит вот этот самый платок!

— И что же вы из этого заключаете? — с прежним ироническим спокойствием спросила Адель.

— Что я обманут... полно обманут наглой

развратницей. Вы мне изменяете!

Адель лениво потянулась.

— Милый Марков, вы — глупы! — ответила она пожевывая, затем встала, не торопясь подошла к Маркову, взяла его под руку и подвела к большому стенному зеркалу. — Ну, посмотрите: вот вы, вот я! Посмотрите на себя! Обратите внимание на эту круглую лысеющую голову, на этот сдавленный лоб, на глуповатые рачьи глаза, оттопыренные уши, словно шпором прорубленный рот, неуклюжий мясистый нос! Посмотрите дальше! Коротенькое, толстое, нескладное туловище, отвислый живот, кривые ноги... Красавец, что и говорить! Ну вот! А теперь взгляните на меня... Ведь я царственно красива, изящна, грациозна. Так, казалось бы, вы должны благодарить судьбу, что она послала вам такую подругу. А вы вместо этого устраиваете дикие, смешные сцены ревности! Да вы только посмотрите, посмотрите на себя хорошенько! Разве такие мужчины, как вы, имеют право претендовать на верность женщины? Ведь если бы я изменила вам, это было бы только законно и естественно!

Адель выпустила руку Маркова, которую он тщетно выдергивал во время ее иронического монолога, и вернулась обратно на свое место. Казалось, Марков вот-вот задохнется от бешенства. У него покраснели даже

белки глаз, он судорожно дергал сею за воротник и тяжело переводил дыхание.

После нескольких секунд молчаливого созерцания распетушившегося дружка Адель невозмутимо продолжала:

– Дурачок! Ты не хочешь понять, что из-за излишней мнительности только ставишь себя же самого в смешное положение. Повторяю, даже если бы я и на самом деле изменяла тебе, это было бы настолько законно и естественно, что тебе оставалось бы лишь «строить веселое лицо при плохой игре». Но тем более нелепо поднимать историю, не имея для этого ни малейших оснований... Да, да, ни малейших, сударь, ни малейших!

– Как! А этот платок...

– Заладил «платок» да «платок»! Чем он тебе так не нравится? Отличный батист и дорогое кружево, придающее ему скорее дамский вид, если бы не величина... А метка! Да ведь она сделана просто художественно! Мне так и представляется любящая сестра, которая перед отправлением брата из родимого замка ко двору сидит ночи напролет над вышиванием. Я уверена, что бедный мальчик будет очень огорчен, когда...

– Мальчик?

– Ну да, мальчик. Ведь «I. A.», это – Иоганн Анкарстрем, тот самый милый паж, который...

— Хорош мальчик! — иронически воскликнул Марков. — Да ему добрых двадцать лет!

— Нет, ему нет и восемнадцати. Но даже если и все двадцать! Вспомни, сколько мне лет! И к этому-то ребенку ты позволяешь себе ревновать меня?

— Но... как же... под подушкой...

— И это гораздо проще, чем ты думаешь. Вчера милый мальчик зашел ко мне под вечер — ведь я при тебе просила его не забывать меня и заходить. Во-первых, я ему очень обязана за его рыцарскую защиту, когда эти ведьмы из рыбацкой деревушки с руганью набросились на меня... Ну, да ты это знаешь! Во-вторых, у меня здесь все еще очень мало знакомых, и порой я очень скучаю; в-третьих, Анкарстрем мне действительно очень нравится. Прелестный ребенок! Сколько в нем внутреннего огня, недетской серьезности, порывов, стремлений...

— Но это не объясняет мне...

— Погоди! Анкарстрем посидел у меня около получаса, как вдруг я стала чувствовать себя нехорошо. Я выпроводила его и пошла к себе переодеться. Одев капот, я вернулась в будуар и вдруг заметила на ковре платок. Очевидно, мальчик уронил его. Я подняла платок и положила на этажерку рядом с собой, а сама взяла книгу и стала читать. Но с каждой минутой мне делалось все хуже: то меня знобило, то вдруг мне становилось так жарко, что пот крупными каплями

выступал на лбу. Очевидно, по рассеянности я стала вытираться платком Анкарстрема и, зажав его в руке, машинально унесла в спальню. Вот и все! Не правда ли, как просто развеиваются все призраки, созданные твоей ревнивой фантазией?

Марков, мрачно шагавший взад и вперед по комнате, остановился перед столом, у которого сидела Адель, оперся на него обеими руками и глухо сказал:

— Да, это просто, Адель, просто и правдоподобно... даже слишком просто, слишком правдоподобно, чтобы быть вероятным! Но... я должен сложить оружие! Я внутренне чувствую, что ты нагло обманываешь меня, но что я могу поделать? Пусть в данном случае я попал на ложный след, пусть Анкарстрем — только забавный ребенок для тебя, но внутренне я убежден, что есть какой-то другой «стрем», «стиерн», «гаупт» или «гильм», с которым ты смеешься над моей слепотой и доверчивостью! И берегись, Адель! Тоньше играй в свою недостойную игру! Помни, что я уже в силу своего положения не могу позволить ставить себя в смешное положение. Не думай и того, что я допущу открытую измену, что я позволю тебе в случае разрыва между нами броситься в чьи-либо другие объятия здесь! Каковы бы ни были отношения между Швецией и Россией, но русский посланник — слишком большая величина, которой нетрудно будет добиться высылки особы порочного поведения! И если ты не чувствуешь

особы порочного поведения: и если ты не чувствуешь себя в силах отказаться от обычной для тебя разнузданности, то лучше не доводи дела до открытого скандала, а добровольно уезжай отсюда. Помни это, Адель! Ну а теперь я спешу. До свиданья!

Он бросил платок Анкарстрема на стол, сделал резкое движение головой, которое должно было обозначать прощальный поклон, и быстро вышел из комнаты.

II

Адель с ироническим презрением смотрела вслед Маркову. Когда в конце коридора смолк шум его шагов, она взяла в руки платок, мельком взглянула на него и обратилась к секретарю:

— Ну, Гаспар, что ты думаешь обо всем этом?

— Гм... думаю, что в известных случаях жизни платки без метки гораздо удобнее платков с метками!

Адель рассмеялась.

— Bravo, братишка, ты делаешь значительные успехи! Ты уже не морализируешь, не пылаешь сдержанным негодованием, не смотришь на меня так, словно вот сию минуту меня испепелит огненный дождь, а спокойно подходишь к вопросу с разумной стороны. Bravo, bravo!

Секретарь грустно посмотрел на свою госпожу.

– Помнишь, Адель, как ты крикнула мне: «Чтобы я больше не слыхала от тебя слова «я»! Тебя нет, помни это! Существует только машина, которая будет...»?

– Фу, какой ты злопамятный! Мало ли что может сказать женщина, когда она встала с левой ноги? Милый мой Гаспар, женщинам потому только и прощают так много, что с ними нельзя серьезно считаться!

– Да разве я к тому, Адель. Поверь, у меня так пустынно в душе, что там нет места никаким сильным чувствам. Я напомнил тебе твою фразу вовсе не для того, чтобы посчитаться с тобою. Я просто объясняю тебе, как произошла во мне та перемена, которую ты отмечаешь. Ведь действительно было бы просто смешно, если бы я еще стал моралистом в своем теперешнем положении! Это положение само по себе настолько находится вне морали, что слово «мораль» звучало бы даже дико в моих устах. Нет, оставим это... Кто я такой? – секретарь Аделаиды Гюс, живущей любовью. На моей обязанности лежит учитывать практическую сторону этого существования, помогать Аделаиде Гюс всем своим практическим опытом и юридическими знаниями, чтобы она могла извлечь для себя из жизни как можно больше. Только и всего... Что думает обо всем этом Гаспар Тибо Лебеф де Бьевр, как он относится к происходящему – совершенно не важно. Важно лишь знать мнение секретаря девицы Гюс...

– И в качестве такового ты и выводишь мудрое

заклучение о превосходстве платков без метки?

— Совершенно верно. Я нахожу, что ты вообще стала в последнее время неосторожной и нерассудительной.

— Да я, что ли, оставила этот платок?

— Нет, но ты вступаешь в интимные отношения с мальчиками достаточно неопытными, чтобы сделать это! Я вообще не понимаю этого каприза. Он — мальчик, ты — зрелая женщина.

— Может быть, именно поэтому.

— До сих пор ты руководилась не чувством, а рассудком.

— И интересом тоже, Гаспар! Ах, ты не можешь себе представить всю наивную прелесть, которую дает общение вот с такими молодыми существами! Это божественно! Ощущать, как для тебя первой раскрывается причудливый цветок чувства, впивать в себя первый лепет впервые всколыхнувшейся страсти... Пусть там, впоследствии, придут другие, пусть впоследствии явятся бури зрелой страсти, покой брачного очага — все равно, того, что имела я, сорвавшая нежный цвет пробуждающейся зрелости, не будет иметь от него более никто и никогда!.. А потом, они такие смешные, эти мальчики! Возьми хоть Анкарстрема. Он говорит, пламенеет, рвется: весь он полон неистовой страсти. Он готов опрокинуть весь мир только, чтобы схватить меня в свои объятия. А чуть утопился жажда

схватить меня в свои объятия. А чуть утихла жажда, он хватается за голову и с ужасом говорит: «Меня мучит сознание, что мы делаем что-то дурное!» Но стоит мне подойти к нему, стоит мне прижаться в нежном лобзании, и он опять горит и пламенеет, опять отброшены в сторону сомнения и угрызания... Анкарстрем и вообще-то – удивительно интересная натура. В нем чувствуется какая-то вечная борьба двух начал. Несмотря на молодость, он уже терзается религиозными сомнениями, политическими разногласиями. Это удивительно необузданная натура; она одинаково может превратиться впоследствии и в великого государственного деятеля, и в преступника! Ах, а вообще, какие смешные, милые, забавные эти пажики!

– Но у них имеется дурная привычка разбрасывать платки с метками! Смотри, Адель, погубит тебя когда-нибудь вот такой милый пажик с платком!

Ах, если бы знали и госпожа, и ее секретарь, насколько пророческими окажутся их слова!.. Госпожу действительно погубил вот такой «милый пажик» с платком, а Анкарстрем действительно оказался преступником большого калибра^[1], как предрекала госпожа!

Но в данный момент слова де Бьевра совершенно не произвели желаемого действия на Гюс.

– Ну, ну! – рассмеялась она. – Авось пронесет Господь! Мужчины в общем – порядочные дураки, и

обойти их не так-то трудно! Уж вывернусь как-нибудь... Но мы значительно отклонились от темы. Когда я спросила тебя, что ты думаешь обо всем этом, я совершенно не имела в виду самой истории с платком. Анкарстрема я выдеру за уши, и делу конец. Но как тебе нравится этот пузырь Марков? Да он совсем от рук отбился! О, такие сцены происходили у нас не раз, – ты это знаешь! – но каждый раз бывало, что он быстро спадал с тона и первый начинал просить прощения, в конце концов сознаваясь в необоснованности обвинения... А теперь... Как тебе понравились его слова? Ведь он и в самом деле способен наделать мне неприятностей!

– Но ведь я уже сказал тебе, Адель, что пажики не доведут тебя до добра. Раз ты так дорожишь жизнью с Марковым, тебе следует...

– Ах, ты ровно ничего не понимаешь, Гаспар! Ведь должен же ты вспомнить, ради чего я сошлась с Марковым, ради чего терпела и терплю около себя эту подлую образину! Марков – лишь ступень, по которой я решила добраться до этого венценосного шута, торжественно именуемого Густавом III! Не думай, пожалуйста, что его угроза выслать меня в случае разрыва имеет хоть какие-нибудь основания. Этому ему никогда не добиться! Да и дойди до этого дело, я сумею доказать, что красивая женщина сильнее русского посла. Но Марков сам не понимает, что тем не менее его угроза

очень серьезна. Густав только потому и отказался от меня, что до него дошли слухи о частой перемене моих дружков. Следовательно, всякий скандал в этой области может только отдалить, а то и окончательно лишить меня возможности приблизиться к намеченной цели. Тем более дело осложнится, если хотя бы только возникнет вопрос о моей высылке за пределы Швеции!

— Но если дело обстоит так, то тебе тем более надо воздержаться.

— Да не говори ты хоть глупостей, Гаспар! Представь себе, что тебя посадили перед накрытым столом и говорят: «Воздержись от пищи, и тогда ты получишь миллион!» Конечно, если ты жаждешь этого миллиона, то ты проголодаешь и день, и два, и даже три, быть может. Но обещаю тебе хоть все блага мира, ты все-таки не выдержишь неопределенно долгого времени! Вот так и я... Конечно, знай я, что мне нужно терпеть только какой-нибудь месяц, и Густав будет моим, то я и думать не стала бы. Пажики от меня не ушли бы... Но весь ужас в том, что могут пройти и год, и два, пока я добьюсь своего. Все мои попытки до сих пор терпели крушение — вечно вмешивается досадный случай. Я нарочно достала в театре ложу рядом с королевской, и в этот день Густава в театре не было. И вот так бывало несколько раз... А как хорошо пошло дело с первых шагов! Помнишь, и двух недель не прошло со времени моего приезда в Стокгольм, как я встретилась в парке с

нашего приезда в Стокгольм, как я встретила в парке с королем. Он даже остановился от неожиданности, покраснел, смутился. Он хотел заговорить со мной, но я сделала вид, будто не замечаю этого желания, и с гордым кивком пошла дальше. Встретяся я с ним на другой, третий день, и дело сразу пошло бы на лад... О, я добила бы своего! Но мне не представляется случай действовать. Я рассчитывала, что мне удастся устроить два-три гастрольных спектакля в здешней французской труппе. Так надо же было случиться такому несчастью, что режиссером здесь Дешанель, с которым у меня было столько неприятностей, что на мои роли у них уже имеется Госсю и что в составе труппы находятся такие влиятельные актрисы и мои личные враги, как старая ломака Белькур и проныра Флери. А ведь дай мне только случай выступить на сцене, и Густав снова будет моим. Да, вот не везет, так не везет!

— Но, Адель, тем более...

— Ах, что там «тем более»! Что же мне от скуки лопнуть, что ли? Ты только подумай, какую скучную жизнь я веду здесь! Это ведь не Россия, да и не Франция. Такого милого, непритязательного общества, как там, тут не найдешь. Развлечений никаких. Шведский театр слаб, да и неприятно высиживать пьесы из чуждой жизни на плохо понимаемом языке. Во французский театр я нарочно не хочу ехать. Марков мне надоед до ужаса. Приятелей у него почти нет, так как его

не любят ни в обществе, ни в дипломатическом корпусе. Изредка разве привезет он ко мне каких-то дикарей. Да и то, чем они занимаются? Ни забавного разговора, ничего. Напьются, как свиньи, только и всего... Господи, да я даже за чтение взялась от скуки – куда уж дальше идти! И я еще должна отказываться от таких невинных развлечений, как игра в любовь с пажиками?

– Но если это так, то не лучше ли нам уехать отсюда и попытать счастья в другом месте?

– Нет! Я не уеду отсюда, не восторжествовав над этим... О, он осмелился отвергнуть меня, я для него недостаточно нравственна! Ну, так погоди же!.. А потом, милый Гаспар, помимо вопроса самолюбия здесь и чисто практические соображения. Ведь ты-то знаешь, что мне уже тридцать пять лет! Тридцать пять лет, Гаспар! Ведь уже двадцать лет я живу жизнью женщины! Надолго ли меня хватит? Я теперь в самом опасном периоде. Я могу продержаться и пятнадцать лет, но легко может случиться, что года через четыре я вдруг проснусь увядшей и постаревшей. Конечно, я не сдамся старости без боя, я сумею придать себе обаяние молодости. Но... это уже будет не то, с этим уж не захватишь жирного кусочка. Мне пора обеспечить себя, а это обеспечение может дать только такой простофиля, как Густав Шведский! И он не уйдет от меня, я чувствую это, Гаспар! Мне не везло в последнее время, но теперь – я верю этому! – с минуты на минуту счастье

постучится ко мне в дверь!

Не успела Адель сказать эти слова, как в дверь громко постучали.

III

И Адель, и ее секретарь не могли не вздрогнуть в этот момент. Далекие от суеверия, они тем не менее были поражены этим стуком, так совпавшим с последней фразой Адели. Ведь бывают в жизни такие совпадения, которые кажутся по своей разительности окруженными мистическим ореолом. Да и полно, только ли совпадением бывает это. Или рок, судьба, или как там ни назови таинственное сцепление элементов бытия, время от времени доказывают человеку его зависимость от высших законодательных сил мироздания?

Словом, как бы то ни было, но далекие от суеверия Адель и ее секретарь были настолько поражены этим стуком, что в первый момент не смогли вымолвить ни слова.

Стук повторился.

– Войдите! – крикнула наконец Адель.

Вошла Роза, камеристка и наперсница Адели, с редкой для прислуги искренностью привязанная к своей госпоже.

– Простите, барышня, – сказала она, – тут пришел месье Ленанель из французского театра. Он велел

месье Дешанель из французского театра. Он велел передать вам, что очень просит, как милости, разрешения переговорить с вами!

Адель густо покраснела, затем побледнела. Неизвестно зачем, она взяла с этажерки вазу и переставила ее на стол, поправила прическу, взяла вазу и переставила ее обратно на этажерку.

Затем, на вид спокойным, но подозрительно глухим голосом она сказала:

— Попросите месье Дешанеля войти... Проведите его в гостиную!.. А вы, месье де Бьевр, потрудитесь пока принять гостя и извиниться... Я не одета... Я сейчас же выйду.

Анри Дешанель был мужчиной лет сорока пяти, плотным, хорошо сложенным и вполне приспособленным для роли любовников как в жизни, так и на сцене. Только с одной разницей: на сцене он неизменно был первым любовников, а в жизни... последним, так как злые языки окружили его эпитетом «утешителя старости». При этом он был очень милым человеком в обществе, умел держать себя, обладал большим запасом анекдотов и острот и не менее большим запасом самообладания и наглости.

Секретарь девицы Гюс был не из разговорчивых, а потому время, пока не появилась Аделаида, прошло довольно томительно, хотя Дешанель и старался болтать как можно непринужденнее о разных безобидных

пустынях.

Но вот дверь открылась, и на пороге показалась Адель.

– Дешанель! Вы... и у меня? – воскликнула она, приветливо протягивая руку врагу. – Поистине, должно быть, свет перевернулся!

Дешанель при появлении Адели упал на одно колено и, почтительно поцеловав ее руку, напыщенно воскликнул:

– Божественная! Бей, но выслушай!

Лицо Адели сразу стало серьезным.

– Я нужна вам Дешанель, я вижу это! Ну, так бросьте паясничать, встаньте, присаживайтесь и поговорим! В чем дело?

Они сели друг против друга, и Дешанель приступил к изложению дела. О, он знает, что он лично очень виноват перед Аделью. Но ведь в их театральном мире не редкость, когда два человека, имеющих полное право рассчитывать на взаимное уважение, вдруг ни с того, ни с сего начинают враждовать, осыпать друг друга самыми грязными обвинениями!.. А из-за чего все это? Только из-за того, что нервы у них, артистов, слишком истрепаны и не могут подойти под общую мерку.

– К делу, Дешанель, к делу! Я давно знаю, что в тех случаях, когда человек нужен, нуждающийся находит тысячу сладких, извинительных слов... Мы – старые знакомые! Приступайте к делу!

Ну да, к делу... Конечно, божественная Гюс может отказать, но он, Дешанель, позволит себе почтительнейше заметить, что в данном случае на карту поставлена честь корпорации, даже больше — национальная честь, черт возьми!

Дело в следующем. Как-то на одном из придворных вечеров его величество король Густав поспорил с его высочеством герцогом Зюдерманландским относительно художественных достоинств шведской и французской драм. Ну... передавать их доводы за и против вряд ли стоит. Важно то, что спор было решено разрешить чисто практическим путем. Сегодня в шведском театре должна идти какая-то трагедия с таким варварским именем, которого не произнесешь, не изломав себе языка, а завтра — во французском «Заира». И вот судьи должны вынести свой приговор.

Ну-с, что же! Риск не велик. Вся-то шведская трагедия родилась, можно сказать, вчера, а французская — слава Богу — существует уже достаточно времени. Но недаром говорят, что «человек предполагает, а Бог располагает». Сегодня вдруг выяснилось, что Госсю играть не может, а заменить ее некем. Значит, играть завтра нельзя. Но ведь это будет, наверное, сочтено уклонением от состязания. Боже мой! Вся кровь вскипает при одной мысли, что французских артистов могут заподозрить в желании уклониться от соперничества. Ла что поделаешь. раз обстоятельства так

собираются? И вот вся труппа постановила: командировать Дешанеля к Гюс, которая одна только может спасти честь французского театра.

— А что же случилось с Госсю? — спросила Адель.

— Нечто весьма для нее неожиданное: Госсю готовится стать матерью, и этот период протекает для нее так болезненно, что...

— Госсю готовится стать матерью? — смеясь переспросила Адель. — Вот уж чего никто не мог ожидать от нее! Кто же счастливый папаша?

— Этого не знает никто!

— А что говорит сама Госсю?

— На все расспросы она отвечает: «Ах, право, не знаю! Ведь я так близорука!»

Гюс рассмеялась.

Дешанель весело вторил ей, а затем сказал:

— Ну да! Теперь я смеюсь, но в первый момент мне было далеко не до смеха. Вы можете быть какого угодно мнения обо мне как о человеке, но что я искренне люблю свое дело, что я страстно предан родному искусству, этого не отнимет у меня и злейший враг. То же самое я могу сказать и о вас. Когда выяснилось, что Госсю ни в коем случае играть не может и что в такой короткий срок мы не можем подготовить ничего другого — да ничего другого и поставить нельзя, потому что шведская пьеса, которая идет сегодня для соревнования,

написана прилизительно на тот же сюжет, — ну-с, так вот, когда все это стало ясно, то я сразу сказал: «Ребята, дело наше еще не пропало, нас выручит Аделаида Гюс». Когда же кто-то из группы высказал предположение, что Гюс захочет свести теперь счета, я прямо сказал: «Дети мои, не болтайте плупостей! Гюс — прежде всего большая артистка, и этим все сказано!»

— Спасибо за комплимент! — сказала Адель с иронической усмешкой.

— О, это — не комплимент! — спокойно возразил Дешанель. — Впрочем, не будем тратит время на слова. Я знаю, вы будете играть, потому что не захотите покинуть в беде товарищей!

— Ну, эти «товарищи» выказали мне еще недавно очень мало товарищеских чувств!

— И все-таки вы будете играть, Гюс, я знаю это! Я знаю, что там, где на первый план выдвинут вопрос торжества родного искусства, все остальное отходит для вас далеко назад. И пусть все мы очень виноваты перед вами, пусть даже эта гастроль не представит для вас никаких выгод, пусть вы будете знать, что уже на другой день после того, как вы окажете эту бесценную услугу, труппа по-прежнему повернется к вам спиной, — все равно вы будете играть, потому что вы Аделаида Гюс! Но этого не будет, мы не допустим, чтобы вы оказались великодушнее нас. Поэтому вот! — Дешанель встал, взял с ближайшего стула положенный им при входе

маленький портфель и достал оттуда две бумаги. — Сначала вот это! Здесь вся наша труппа обращается к вашей помощи, Гюс, и сознается в своей неправоте перед вами. А вот это — контракт, Гюс, который вам стоит только подписать, чтобы занять первое место в нашей труппе. Взгляните на условия: вы увидите, что я предоставляю вам все права и преимущества, какие только могу в силу своих полномочий. Ну, что же вы скажете, Гюс? Согласны вы?

Адель встала. На ее лице отразилось глубокое, с трудом сдерживаемое волнение, и ее голос слегка дрожал, когда она ответила:

— Да, вы правы, Дешанель, я согласилась бы играть даже и в том случае, если бы не было ни этого лестного обращения, ни этого выгодного контракта. Я не нашла бы в себе сил отказать товарищам в беде. Передайте всем, что я глубоко тронута, благодарна и с удовольствием принимаю предложение. Но я должна поставить одно условие: пусть ни одна душа не знает о том, что я буду играть. Можете анонсировать о замене перед самым открытием занавеса, но до того мое выступление в «Заире» должно оставаться в строжайшей тайне!

Дешанель с чувством поцеловал руку Адели.

— У меня нет слов, чтобы поблагодарить вас! А теперь позвольте мне удалиться: вся наша труппа собралась в театре и с трепетом ждет, какой ответ я

привезу. Поспешу успокоить их, что честь французского театра спасена!

Когда Дешанель ушел, Адель взволнованно сказала:

— Предчувствие не обмануло меня — счастье действительно постучалось ко мне в дверь! Ты только подумай, Гаспар, как все удивительно хорошо складывается. Во-первых, я выступаю неожиданно и при исключительно выгодных обстоятельствах; во-вторых, теперь я вошла в состав труппы, и никакой Марков не страшен мне! Я дождалась, Гаспар, дождалась! Ну, теперь посмотрим! — Она повернулась, чтобы уйти, но в дверях снова остановилась. — Пожалуйста, Гаспар, кто бы ни пришел, я никого не принимаю! Эти два дня я работаю над ролью!

IV

— Имею честь довести до сведения почтеннейшей публики, что по болезни госпожи Госсю роль Заиры исполнит госпожа Гюс!

В публике пробежал тот неопределенный рокот, которым зрители обыкновенно встречают известия о безразличных для них переменах исполнителей. Театралы знали, что Гюс — известная трагическая актриса, но и к Госсю в Стокгольме относились очень хорошо, хотя и не настолько, чтобы уж очень сожалеть о

ее замене. Поэтому анонс был принят вполне равнодушно.

Только два человека были поражены этим известием. Это были посол Марков и король Густав. Последнего до такой степени взволновало это, что его состояние не укрылось от Софии Магдалины, его болезненной, некрасивой и очень ревливой супруги.

— Болезнь госпожи Госсю, кажется, очень взволновала ваше величество? — с ядовитой иронией сказала она. — Кстати, правду ли говорят, что она готовится стать матерью? Вашему величеству это должно быть хорошо известным; недаром же вы так много и часто бываете за кулисами!

Густав с нескрываемым изумлением обернулся к королеве, но сейчас же опять отвернулся, небрежно пожав плечами и затаив внутреннюю усмешку. На этот раз ревность королевы направилась по ложном следу.

Но вот послышались три мерных удара, и занавес плавно раздвинулся.

Затаив дыхание, король откинулся в угол и с напряженным вниманием впился лихорадочным взором в сцену, полузакрываясь складками портьеры.

Перед зрителями был убранный с восточной пышностью сераль иерусалимского судана. Утопая в шелковых подушках, две рабыни — Фатма и Заира — ведут разговор. Плавно льются дивные стихи Вольтера, выражая удивление грациозной Фатмы.

Ужель Солим милее вам сенских берегов?

И в ответ ей раздается такой мечтательный, такой завоораживающий, пленительно-томный голос, что в зале сразу воцаряется мертвая тишина, а Густав чувствует, как вся его душа уплывает куда-то далеко, за берега сознания, увлекаемая безудержным потоком возвращающейся страсти...

Могу ль желать того, чего не знаю я?

На этих берегах прошла вся жизнь моя...

Неубедительными кажутся Фатьме доказательства Заиры. Как, ведь еще недавно... А тот рыцарь, Нерестан, который отправился во Францию доставать средства на выкуп пленников-христиан? И чем дальше льются ответы Заиры, тем все более растет недоумение ее подруги. А, так Оросман, их повелитель, любит Заиру? Неужели...

Нет, не жертвой минутного каприза избрал Оросман Заиру, а своей законной женой хочет он сделать ее.

Но ведь Заира родилась христианкой, а теперь она готова стать женой победителя ее единоверцев?

И снова мечтательной томностью льстит ответ

Заиры. Вдруг волна страсти подхватывает ее, зной
всесжигающего чувства развеивает эту томность, и
палящим вихрем сирийской пустыни несется в зал от
сердца к сердцу ее свистящий шепот. Ведь она любит
Оросмана и ради этой любви готова пожертвовать всем,
даже верой.

Объятая страстным волнением Заира вскакивает,
подходит к рампе и, упав на колени, простирая руки
туда, где из-за складок портьеры королевской ложи на
нее смотрит пылкий взор чьих-то восторженных глаз,
она, задыхаясь от страсти, говорит, что ее взор видит
только возлюбленного повелителя, созерцание которого
наполняет ее душу невыразимым блаженством. И что-то
больно колет Густава в сердце, когда жалобной
укоризной льется признание Заиры: ведь не корона
Оросмана привлекает ее, а он сам, и лишь человека, не
государя, боготворит она в нем.

Не успел сомкнуться занавес, как Марков встал со
своего места и поспешно направился к выходу.
Пробираясь за кулисы, он слышал, как буря восторгов
разразилась в зале. Гюс имела подавляющий успех, и
даже ее товарищи по сцене должны были признать, что
артистка сумела вознести трагедию на трудно
достижимые высоты искусства. Игра Гюс была даже не
высокохудожественной интерпретацией, а нарастающим
вихрем безумия, способным все закрутить и увлечь в

своем неистовом стремлении. Со многим из ее игры нельзя было согласиться. К чему это коленопреклонение у рампы? Откуда эта страстная тоска, временами пронизывавшая ее признания? И все же это было так прекрасно, так увлекательно, что критика должна была отступить на задний план.

Марков сознавал это и потому особенно негодовал. Смутные, не вполне оформленные подозрения роились в нем. Ведь что-то было у Адели со шведским королем еще в Париже? Да, да! Русский посол в Париже подробно докладывал Панину о том, в какой обстановке Густав получил известие о смерти короля-отца! Уж не потому ли Адель, никогда не выказывавшая ему, Маркову, особенной склонности, приняла его предложение, как только выяснилось, что он будет отправлен в Стокгольм? Да, это было очевидно! Она затеяла интригу за его спиной; обнимая его, она в то же время ковала планы измены и предательства!

Конечно, если Адель и уйдет от него, жалеть об этом не приходится. Она надоела Маркову своей расточительностью, лживостью, капризами. Но было слишком чувствительно самолюбию, что не он первый оттолкнул ее, а она ушла сама, и вот поэтому-то это удачное выступление и было так неприятно.

Но, может быть, Адель не руководилась в данном случае никакими тайными планами? Ну, нет! Достаточно было видеть волнение короля, когда она с

такой наглостью упала на колени, обращаясь к королевской ложе! Надо было спасать свое положение. Сию же минуту он объяснится с ней и оттолкнет ее от себя. Правда, после этого успеха разрыв не будет так чувствителен для Адели, как он мог бы казаться еще неделю тому назад. Но все же лучше сделать самому первый шаг, чтобы сегодня же в кругу знакомых объявить об «отставке», данной им своей возлюбленной. Все-таки первым окажется он!

Думая все это, Марков пробирался за кулисами, направляясь к уборной Адели. У двери уборной он почти столкнулся с нею. Адель взглянула на него безразличным, отсутствующим взором и вошла в уборную. Марков последовал за нею. Скрестив руки, он остановился посредине комнаты, в то время как Адель, совершенно не обращая на него внимания, села к туалетному столу и принялась подправлять кое-где грим.

— Адель, что это значит? — начал Марков, нахохлившись, словно рассерженный воробей. — Этому просто имени нет! Да как же ты решилась поставить меня в такое нелепое положение? Во-первых, это выступление на сцене не только без моего согласия, но даже и без всякого уведомления. Потом эти неприличные выходки... а как же вы осмелились, сударыня, пользуясь моими милостями, моим великодушием, моей щедростью, так открыто предлагать себя на глазах у всей публики?

Адель мельком посмотрела на него через плечо; ничего не отвечая, она взяла со столика тетрадку и принялась перечитывать роль.

— Я требую ответа! — взбешенно крикнул Марков, топая ногой.

— Пошел вон отсюда, дурак! — спокойно ответила Адель, не отрываясь от роли.

В дверях послышалось ироническое покашливание. Марков обернулся: там стояли король Густав и герцог Зюдерманландский.

— Здравствуйте, здравствуйте, ваше превосходительство! — сказал король, небрежно отвечая кивком головы на почтительный поклон посла. — Вы, кажется, собрались уходить? Так мы вам не мешаем! Посторонитесь, милый герцог, вы стали на пути его превосходительства!

«Ах, вот как! — с бешенством подумал Марков, выходя из уборной. — Дело-то пошло действительно на лад? Так вы ошибаетесь в расчетах, ваше величество! Погоди и ты, подлая змея! С позором будешь ты изгнана из Швеции и вспомнишь тот час, когда доставила мне это новое унижение!».

Он поспешил разыскать одного из атташе, бывшего тоже в театре, и приказал во что бы то ни стало, какой бы то ни было ценой достать грандиозный и роскошный букет. Затем он написал на своей карточке несколько

слов. Он приветствовал Адель, как великую, недостижимую актрису, и извинялся за свою грубость, оправдываясь нервным состоянием, в которое его привела потрясающая игра Адели. И собственное нервное состояние заставило его забыть о нервном состоянии артистки, только что пережившей ряд сложных чувств и готовившейся к переживанию новых.

Распорядившись, чтобы букет с запиской подали Адели после третьего акта, Марков отправился дальше. В фойе он выразительно посмотрел на господина, стоявшего у окна в полной достоинства позе и лениво посматривавшего на проходивших дам. При этом Марков провел рукой по кружевным жабо, как бы проверяя, все ли в порядке, и сейчас же направился к длинному столу, за которым хорошенькая шведка продавала прохладительные напитки. Через минуту господин, стоявший у окна, тоже подошел к буфетному столу и стал рядом с Марковым. Тогда последний, не оборачиваясь к соседу и почти не шевеля губами, сказал:

— Сейчас же окружите дом Гюс людьми. Перед окончанием спектакля сядете в мою карету. Нам нужно поговорить.

Господин методически допил бокал лимонада и прежней ленивой походкой вышел из фойе.

«Ладно! — думал Марков. — Так скоро вы еще не споетесь, а тем временем я успею застать эту подлую змею с каким-нибудь франтом и произведу такой

скандал, что небу станет жарко! А тогда получайте, ваше величество, выгнанную из дома в одной рубашке неверную любовницу русского посла!»

В первый момент появление короля сильно смутило Адель: она не ожидала такого быстрого результата. Но король и сам был явно взволнован, сам старался скрыть под маской шутливой снисходительности свое смущение, так что Адель имела время оправиться и овладеть собою.

Как объяснил король, он привел к ней побежденного — того самого дерзкого, который осмелился утверждать, будто шведская трагедия стоит теперь не ниже французской. О, конечно, шведское искусство стоит очень высоко, но может ли оно равняться с тем, у которого существуют Вольтер и Гюс? Правда, когда он спорил с братом, участие Гюс не имелось в виду, а это ведь — большой козырь. Но... победителей не судят! Словом, вопрос складывается так: в споре с братом победителем оказался он, Густав, так как герцог признал себя побежденным уже после первого акта; но в этой победе решительное значение имела Гюс, а потому он счел себя обязанным прийти поблагодарить ее и привести с собой побежденного.

Оправившись от нежного смущения, Адель с бесконечно ледяной вежливостью ответила на дифирамбы короля. И эти ледяные ответы действовали,

словно капли масла на костер. Шутливая снисходительность все более исчезала из тона Густава; все больше и больше прорывалась в нем затаенная страсть. Наконец, прервав на середине какую-то запутанную фразу, он сказал:

— Однако мы злоупотребляем терпением дивы! Ведь божественной Гюс надо приготовиться к следующему акту... Пойдем, герцог, мы еще найдем время выразить нашей славной актрисе всю полноту обуревающих нас чувств! — Густав взял брата под руку и направился с ним к двери. Но на пороге он остановился и самым естественным голосом воскликнул: — Ах, кстати... Идите, идите, герцог, я сейчас последую за вами!

Герцог, поклонившись, вышел.

Густав прикрыл за ним дверь и вернулся в комнату. Подойдя совсем близко к Адели, он сказал:

— Я только что говорил вам, будто пришел победителем... Нет! Солгал я... Побежденным, не победителем пришел я сюда! Ах, Адель, что вы сделали с моим сердцем! Оно опять полно только вами, опять только к вам одной рвется оно каждым биением! И в то же время...

Он замолчал, закрыв лицо руками.

Молчала и Адель, горящий взор которой отражал мрачное торжество. Скрестив руки на груди, молча ждала она, что скажет он далее.

— Я видел все — продолжал Густав — Я стоял у

— Я видел все, — продолжал Гюстав. — Я стоял у дверей, когда это самодовольное ничтожество, это грязное насекомое Марков накинулся на вас с упреками... Каким великолепным тоном указали вы ему на его место! Сколько ледяного презрения было в вашем голосе, в вашем жесте... О, вы не можете уважать его! Но как же после этого вы отдаетесь ему, как можете вы пользоваться от него хоть чем-нибудь? О, дай же мне разгадать тебя, мой прекрасный, жестокий сфинкс! Кто ты?

Король был почти хорош в этом страстном отчаянии, в этом скорбном восторге, с которым простер к Адели руки. Но она отступила от него на шаг, как бы боясь его объятий, и с сухим смешком ответила, иронически покачивая головой:

— Кто я? Вы удивляете меня, ваше величество! Я — «развратная Гюс», актриса, которую вы, ваше величество, не решились пригласить в стоковую труппу, боясь испортить нравы «доброго, старого Стокгольма». Я — и «сфинкс»! Что же такого загадочного, непонятного нашли вы во мне теперь? Ведь еще недавно я была почтена получением от вашего величества точнейшей характеристики моей развращенной натуры. И вдруг загадка! Ничего загадочного, ваше величество, ровно ничего! Все та же старая история! Кто больше заплатит — тот и владеет «развратной Гюс»! Марков заплатил — он и владеет. Но, может быть, вам, ваше

величество, благоугодно будет назначить более высокую цену? Не стесняйтесь, пожалуйста! Давайте торговаться; может быть, я найду ваше предложение выгодным!

Густав посмотрел на нее, словно не слыша ее оскорбительных слов, и страстно продолжал:

— Когда я узнал, что с новым русским послом приехала в качестве метрессы Аделаида Гюс, мною овладели и презрение, и гнев. Я подумал, что вы, должно быть, действительно никогда не чувствовали ко мне ни малейшей симпатии, если решились на такой шаг. Но вот я встретился с вами. Я хотел показать вам, насколько я презираю обманчивую мечту прошлого, хотел заговорить с вами в снисходительно-небрежном тоне и подчеркнуть им все свое равнодушие... Но с каким испугом, с каким негодованием проскользнули вы мимо меня! И я в первый раз усомнился в своей правоте... А потом эта игра, этот порыв страсти в мою сторону... Была ли это только игра? Не оттолкнул ли я легкомысленной рукой величайшее счастье от себя? Я пошел к вам в уборную, чтобы попытаться прочесть на вашем лице мучившую меня разгадку, и застал сцену с Марковым. И вдруг в моем мозгу молнией пронеслась мысль: «Ведь она не уважает его и все-таки отдалась ему. А ведь Марков вовсе не так богат, чтобы Гюс, перед которой склонялись сильнейшие мира сего, руководилась одним лишь расчетом. Но зато Марков был назначен посланником в Швецию»... И я подумал:

«А вдруг ее кинуло в объятия Маркова желание повидать того, кто, как она говорила, был первой благоуханной сказкой ее жизни?» О, я сам вижу, сам чувствую, сколько здесь противоречий! Но у меня мозг готов разорваться от мучительной тревоги... Адель, кто же ты? Что было только что там, на сцене? Бросила ли артистка женщину на колени перед безразличным ей лицом или женщина прорвалась сквозь артистку, увидев лицо, не безразличное ей? Не мучь меня, Адель, ответь! Скажи, где же ты — в жизни или на сцене?

Взоры короля с лихорадочным нетерпением устремились на бледное лицо Гюс, на котором, казалось, боролись самые противоположные чувства: то словно полымя страсти озаряло, то вспыхивал оскорбленный задор.

Вдруг оба вздрогнули: в коридоре послышались звон колокольчика, торопливые шаги и голос сценариста: «На сцену! На сцену!».

Лицо Адели сразу окаменело в презрительной неподвижности и, глубоко склоняясь в иронически почтительном реверансе, она сказала:

— Вот вам и ответ, ваше величество! Провиденциальный, но верный. Я — на сцене, ваше величество, только на сцене, и туда в данный момент призывают меня мои обязанности!

— Нет! — крикнул король, простирая к Адели объятия — В тебе говорят упрямство, оскорбленное

самолюбие! Я не уйду отсюда, пока ты не ответишь прямо и честно на мой вопрос!

Адель ловко увернулась в сторону, проскочила мимо короля к дверям и оттуда кинула:

– В таком случае вашему величеству придется долго просидеть здесь, в уборной. Ну, а я пока что отправлюсь играть!

V

После третьего акта Адели поднесли грандиозный букет цветов. Вскрыв приколотую к ленте записочку, она подошла ближе к рампе и с подчеркнутой аффектацией послала Маркову обеими руками воздушный поцелуй, а король Густав побледнел и нахмурился. Через несколько минут он встал и вновь отправился за кулисы. Но, когда он постучался в дверь уборной Адели, камеристка ответила ему, что барышня переодевается и не может никого принять.

Мрачнее тучи вышел оттуда король, и всем сразу стало ясно, что наступил один из тех моментов, когда от короля можно ожидать какой угодно выходки. Действительно он так резко оборвал свою супругу Софию Магдалину, что у той даже слезы выступили на глазах от незаслуженного оскорбления. Затем ни с того ни с сего король накинулся на подвернувшегося ему

прусского посланника, графа Ностица, и заявил последнему, что он, король, больше всего на свете ненавидит нюхателей табака и немецкий язык. Граф Ностиц, страстный нюхальщик, был известен своей дерзостью, не знавшей никаких границ, и в данном случае он вполне оправдал свое реноме.

— У каждого свой вкус, ваше величество! — сухо ответил он, дерзко глядя королю прямо в лицо. — Вот я, например, больше всего на свете ненавижу таких шведов, которые упиваются грогом до потери сознания и усматривают для себя честь в смешном обезьянничании с французов!

Короля так поразила эта наглая дерзость, что он не нашелся, что ответить, но, по его приказанию, Ностицу уже на следующее утро были вручены его паспорта с предложением немедленно оставить пределы Швеции. Одновременно, как докладывал своему правительству Марков, «упивающийся грогом Густав III» послал своему державному дядюшке, «нюхающему табак Фридриху II», категорическое требование избавить Стокгольм от Ностица. В ответ на это Фридрих приказал вручить паспорта шведскому посланнику, барону Отто фон Мантейфелю, и между обеими державами воцарились такие натянутые отношения, которые некоторое время вызывали опасения за прочность мира. И ведь никто не знал, что причиною этих дипломатических осложнений явилась, сама не подозревая этого, Аделаида Гюс!

Но одним Ностицем дело на этот раз не ограничилось. Многим ближайшим придворным пришлось в этот день испытать на себе гнев Густава. Не избег этого даже граф Шеффер, бывший гувернер Густава и затем один из самых близких ему государственных деятелей. В результате королевская семья уехала из театра еще в середине четвертого акта. Но, как перешептывались в театре, король уехал отдельно от супруги.

Адель имела один из тех потрясающих успехов, перед которым смолкает все — злоба, личные счеты, сплетни. Самые непримиримые враги Адели из труппы должны были согласиться, что к такому таланту неприменимы обычные мерки и что на Гюс-артистку нельзя переносить то негодование, которое можно было бы иметь против Гюс-женщины и человека.

По окончании пьесы к Адели в уборную вошли несколько артисток и артистов и стали просить ее позволить им чествовать славную победительницу товарищеским ужином. Адель была очень растрогана, перецеловалась с товарищами, искренне поблагодарила их, но просила, чтобы они отложили пирушку на следующий день. Сегодня она чувствовала себя утомленной — ведь она вела все четыре акта сплошь на нервах, и теперь реакция дала себя знать. Она, Адель, была бы плохой гостьей на веселом пире: уже теперь в

...она была так же, как и теперь, уже теперь у нее смыкаются глаза, и она только и думает, как бы добраться поскорее до кровати.

Адель и на самом деле ощущала острую необходимость остаться одной. О сне она, разумеется, даже и не думала; наоборот, она знала, что долго не заснет в эту ночь. Но ей необходимо было тщательно обдумать все происшедшее и выработать дальнейший план действий. Густав уже «сидел на крючке», это было видно по всему. Но как сделать так, чтобы он не сорвался в решительный момент? А потом Марков... Что, собственно, означают этот букет и покаянная записка? Подобный образ действий был не в его обычном духе. Да, тут надо было все тщательно обдумать, чтобы потом действовать наверняка!

Полная этими думами Адель в сопровождении Розы спустилась вниз. Небо было густо обложено тучами, шел мелкий дождь, и в тусклом свете театральных фонарей неясным силуэтом обрисовывался кузов одинокой кареты. Роза крикнула, кучер тронул вожжами, и карета подъехала к подъезду. Выездной лакей в кожаном плаще-дождевике, совершенно скрывавшем его лицо, соскочил с козел, распахнул дверцу и помог Адели подняться на подножку. В этот момент послышался взволнованный голос Розы:

— Барышня! Да ведь это...

Однако ее голос прервался, словно ей сразу зажали

рот.

Адель хотела обернуться, но лакей сильным, ловким движением втолкнул ее в карету, захлопнув дверцу, и в тот же момент кучер ударом бича заставил лошадей взять с места в полный карьер. От толчка Адель упала на сиденье. Ища опоры, она раскинула руки и вдруг коснулась чего-то теплого, мягкого: в карете был еще кто-то!

— Что это? — испуганно крикнула она. — Боже мой! Кто здесь?

— Бога ради, не пугайтесь! Это — я, Густав! — ответил ей знакомый глухой голос.

Вся кровь хлынула Адели в голову.

— А, это — вы, ваше величество? — с негодованием крикнула она. — Что же это такое? Насилие? Обман? Прикажите сейчас же остановиться и выпустите меня или я выбью стекла и стану кричать! И помните: я лучше убью себя и вас, чем позволю восторжествовать в таком наглom обмане! Остановите же карету! А, вы не хотите? Ну, так берегитесь!

Она размахнулась, чтобы выбить ударом кулака окно кареты, но Густав, уже освоившийся в темноте, заметил ее движение и успел поймать ее за кисти рук.

— Бога ради, не волнуйтесь! — с мольбой в голосе сказал он. — Вам ровно ничего не грозит! Как могли вы подумать, будто я способен на предательство, на засаду ради удовлетворения низменной страсти? Нет, Адель,

нет, дорогая! Только поговорить хотел я с вами! Я хотел лишь попытаться разрешить свои сомнения, которые тяжелым гнетом навалились мне на сердце. Мне пришлось пуститься на несколько экстраординарный способ, но я не мог отложить этот разговор, а где же было мне увидаться с вами? Я не хотел подвергать ни себя, ни вас излишним нареканиям и потому предпочел этот путь. Но, если вы не хотите облегчить мои страдания и намерены по-прежнему оставаться в упрямом, молчаливом озлоблении, если вы не хотите отвечать мне, то — клянусь вам! — это будет моей последней попыткой. Никогда больше не подойду я к вам, никогда не заговорю с вами о прошлом и буду молчаливо доживать свою безрадостную жизнь... Хотите этого? Вот я выпускаю ваши руки! Вы свободны. Там висит конец сонетки, дерните за него, и кучер сейчас же остановит лошадей!

Адель чувствовала, что Густав находится на высшей степени нервного напряжения. Перетягивать струны было бы очень опасно.

— Прежде всего, куда вы меня везете? — сухо спросила она.

— Но... никуда собственно. Я просто хотел поговорить с вами в карете, где нас никто не может подслушать или подглядеть.

— Но о чем же нам говорить, ваше величество? — с горечью возразила Адель. — Разве между нами не все

сказано? Разве не постановили мы безапелляционного приговора над «распутной Гюс»? Вспомните последние строки вашего письма ко мне, государь! О, я наизусть помню его; ударами хлыста горят в моей душе его фразы! «Я не жду от вас ответа! Он не нужен — о чем нам говорить, что нам выяснять?» Правда, я все же ответила вам, но этим тема была уже окончательно исчерпана... Ваше величество! Я понимаю, полнота власти приучает монархов быть капризными! Но неужели ничто не может тронуть вас? Неужели страдания оскорбленной женской души так ничтожны в ваших глазах? То вам ничего не надо выяснять, то необходимо что-то выяснить! Полно, ваше величество! Неужели для вас ничего не свято?

— Но вы не хотите предположить, что, быть может, именно ваш ответ пробудил во мне сомнения, прав ли я был; что эти сомнения все время не давали мне покоя, что под влиянием последних событий они еще более обострились. Да, вы правы, Адель, полнота власти приучает монархов быть капризными, даже больше — быть бессердечными. Вы — тоже монархиня... королева искусства, королева красоты, перед которой склоняется весь мир.

— И которая не смогла урвать для себя от жизни хоть одну минуту счастья! — страдальчески сказала Адель, безнадежно опуская руки.

Густав ответил и откровенно пошел из

Густав схватил и страстно пожал их.

— Но ты сама гонишь его прочь! — воскликнул король, сбиваясь на сердечное «ты». — Вот я стою с мучительной тревогой перед твоей загадочной душой, всеми силами стараюсь разгадать ее, а ты лишь обиженно морщишь лоб и упрямо надуваешь губки. А ведь я с такой мольбой спрашиваю тебя: «Девушка! Кто — ты?»

— Иначе говоря, вы требуете от меня оправданий, ваше величество? Никогда не унижусь я до этого! Если человек любит меня действительно, пусть любит и берет такой, какая я есть. Разве требую я, например, отчета в вашем прошлом? Разве я спрашиваю вас, почему вы не остались чистым в ожидании девицы Гюс? Полно! В тот самый миг, когда Иван и Марья обмениваются признаниями, в тот самый миг, когда они сплетаются в первом любовном объятии, все прошлое умирает, и, что бы ни было в этом прошлом, оба они возрождаются чистыми и невинными для новой жизни. Вот как я понимаю любовь! Вы скажете, что в данном случае этим Иваном является его величество Густав III? Ну, так я отвечу вам, что в делах чувства я не признаю ни королей, ни королевской воли!

— Ты не справедлива ко мне, Адель! — сказал Густав, и легкая дрожь в его голосе выдавала, насколько волнует его этот разговор. — Нет, видит Бог, ты не права! Если бы я жаждал лишь мимолетной интрижки, проходящего

обладания, я не стал бы относиться к прошлому женщины с такой тревожной серьезностью. Какое мне дело до этого прошлого? Я сорвал мгновение низменного восторга, отдал дань капризу чувств – ну, и мимо! Но я никогда не был особенно склонен к таким интрижкам. Я ищу не женщину только, но и человека, ищу подругу, родственную душу. Как же я могу закрыть глаза на прошлое, если вижу в нем грозные признаки, если это прошлое заставляет меня сомневаться, способна ли желанная женщина быть для меня такой подругой?

– Если имеются сомнения, лучше отказаться от этой женщины!

– И этим отрезать для себя возможность к величайшему счастью.

– Ну, тогда... тогда следовало бы... рискнуть!

– Адель, я – король, а король – не только верховный вождь, но и представитель нации. Поэтому, оберегая достоинства сана, достоинства нации, король не имеет права рисковать смешным положением. Ты вот говоришь, что я требую у тебя отчета в прошлом. Нет, ты не так понимаешь это! Я не спрашиваю у тебя, почему ты любила многих, почему так часто меняла друзей. Я спрашиваю лишь, как могла ты отдаваться без любви, без чувства, как могла ты так открыто, так безжалостно обманывать людей? Вот в этом-то вся мучительная загадка для меня. Когда я вижу тебя, я сразу подпадаю

под обаяние какой-то удивительной нежной чистоты, которая лучезарно струится от твоей души. Но стоит мне вспомнить, что ты могла отдаться Маркову, не любя, не уважая его...

— Скажите, пожалуйста, ваше величество, вы, должно быть, были страстно влюблены в датскую принцессу Софию Магдалину, если сделали ее своей женой?

— Адель! Король менее кого-либо волен в своих чувствах! При заключении брака им руководит политическая необходимость!

Адель рассмеялась сухо, отрывисто, горько.

— Вот видите, ваше величество, насколько для нас бесполезно пускаться в объяснения! Мы расходимся уже в самых основах. Вы исповедуете особую — королевскую — мораль; ну, а я нахожу, что и король, и жалкая комедиантка — только люди, поступки которых слишком часто диктуются необходимостью. Нет, наше объяснение совершенно бесполезно! Да и к чему оно? Не скрою, когда-то я была готова полюбить вас, когда-то я видела в вас своего мессию и избавителя. Вы надломили это чувство, и его не склеишь теперь! Слишком много горечи накопилось в надломе. И все же я, пожалуй, готова удовлетворить ваше любопытство и рассказать вам о себе. О, вовсе не для того, чтобы сказать вам, будто я достойна стать вашей подругой. Эту честь я отклоняю от себя. Но я нахожу, что мужчинам всегда

отключая от себя. Но я понимаю, что мужчинам всегда полезно слышать, как происходит падение женщины, которую они же роняют на землю и затапывают в грязь! Да, я с удовольствием объясню вам, как случилось, что я всю жизнь стремилась к свету и оставалась во мраке и грязи. Но не сейчас: это мы отложим до следующего раза!

— Но почему?

— По причинам сугубо прозаического свойства. Во-первых, я устала, и тряска в карете вконец утомила меня. Во-вторых, стало холодно, а я легко одета. А в-третьих, я... просто голодна!

— Адель! — сказал король, и его голос звучал трогательной мольбой: — Несколько лет тому назад у меня была подруга, которая нежно любила меня. Ах, что за прелестное создание была моя Христина! Какой светлой, какой легкой казалась мне жизнь, пока она была со мной!.. Но Христина происходила из важной аристократической семьи, которая строго хранила честь дома. Она была Гилленстиерна, Адель! Беда была бы, если бы родные узнали о нашей любви! И вот, чтобы встречаться с Христиной без помехи, я устроил прелестное гнездышко. Я купил маленький домик, примыкающий с одной стороны к дому Гилленстиернов, а с другой — к гостинице, которую содержит сын моего любимого камердинера. Снаружи дом имеет совершенно необитаемый вид, но внутри есть две небольшие,

уютные комнаты. В это тайное помещение ведут два входа: один — со двора, другой — из беседки сада Гилленстиерна. Кроме того, в конце коридора имеется дверь, которая ведет в личное помещение Ганса, хозяина гостиницы. Много хороших часов провели мы в нашем гнездышке с Христиной, и ни разу никто не видел ее лица!..

— Почему же вы разошлись?

— Она умерла в горячке... Но после ее смерти — тому прошло уже восемь лет — мое гнездышко поддерживается в прежнем виде. Когда мне становится очень тяжело на душе, я отправляюсь туда, провожу там несколько часов в воспоминаниях, иногда даже работаю там — ведь в этом гнездышке тайная политическая корреспонденция хранится в большей безопасности, чем даже во дворце! Адель! Позволь мне отвезти туда тебя! Клянусь, я не питаю никаких грязных замыслов! Просто там нам будет хорошо, и за ужином, в тепле, в полной безопасности от чужого любопытства мы кончим свой разговор! О, согласишься, молю тебя! Никто не увидит твоего лица, никто не будет знать, что ты была здесь. А я был бы так счастлив провести тебя в эти комнаты, озаренные сиянием моей первой нежной любви!

Сложные чувства зашевелились в душе Адели. Ее немножко трогало это признание и в то же время слегка колола ревность: ведь женщина ревнует и не любя! Но все это покрывалось волной острого презрения к

Густаву. Вот таковы все они, эти негодяи-мужчины! О, она, Адель, – грязная, падшая, развратная, но, если бы она полюбила кого-нибудь, если бы была счастлива такой нежной, поэтической любовью, разве повела бы она первого встречного в место, «озаренное сиянием первой нежной любви»?

– Скажите, ваше величество, – спросила она, – а после смерти вашей Христины там бывали другие женщины?

– Никогда!

– А вы не боитесь оскорбить память вашей Христины тем, что введете такую низкую женщину, как я, в комнаты, где, быть может, витает ее чистый дух?

– Нет, почему же? – просто ответил Густав, оставляя без внимания язвительную иронию вопроса. – Христина всегда желала моего счастья, и, если ее дух витает в этих комнатах, он не может быть оскорблен моими попытками отыскать вторую хорошую душу. Да, в этих комнатах возшло и закатилось однажды мое счастье! Как знать? Может быть, от нашего разговора там оно опять взойдет или вновь окончательно закатится!

– О, что касается меня, то при всем добром желании я не могу придавать этому разговору такое значение! – с ледяной иронией возразила Адель. – Однако я голодна, мне холодно, а потому я согласна. Но только помните, ваше величество: я требую уважения к

себе как к женщине, никаких покушений.

— Как вы могли подумать! — воскликнул Густав. — Нет, что бы ни было, обещаю вам, Адель, быть благоразумным!

— Ну, так поскорее! — сказала Адель, откидываясь в угол. — Я действительно устала... Это далеко?

— Да нет, совсем близко!

Густав дернул сонетку, карета остановилась, лакей приоткрыл дверцу. Густав сказал ему несколько слов, и они сейчас же двинулись дальше.

«Он в моих руках! — с торжеством думала Адель. — Только надо вести себя умно. Ведь этот дурашливый королек признает любовь лишь под сентиментальным соусом! Побольше горечи, оскорбленного достоинства, в меру стыдливости и достаточное количество порывов страсти! Если только мне удастся угадать верную пропорцию всего этого, то готова ручаться, что чистый дух нежной Христины станет сегодня вечером свидетелем довольно забавной сценки! А тогда... Ну уж тогда тебе не вырваться, мой возлюбленный Густав!»

VI

После нескольких минут езды карета остановилась.

— Одну минуту терпенья! — сказал король. — Лакей пошел предупредить Ганса. Сейчас в комнатах зажгут

огонь. Это делает сам Ганс. Но и он уйдет, приготовив все: никто не должен видеть лицо дамы, с которой я приехал!

Через несколько минут лакей почтительно распахнул дверцу. Густав выскочил из кареты первым и протянул Адели руку.

— Боже мой! Что за грязь! — воскликнула Адель, с ужасом всматриваясь в светлый круг, отбрасываемый на землю фонарем в руках лакея. — Совсем подходящее дело для моих открытых туфель!

Не говоря ни слова, Густав охватил Адель, поднял ее на руки и легко понес, словно маленького ребенка. Они прошли через узкую покосившуюся калитку во двор. Лакей освещал им путь фонарем. Теперь Густав шел уже по деревянному настилу, но все не спускал с рук прижавшейся к нему Адели.

Так дошли они до невзрачного деревянного подъезда. И здесь король не выпустил Адели, а стал подниматься с нею на лестницу.

— Но ведь здесь уже нет грязи! — заметила Адель, слабо улыбаясь.

— Я хотел бы всю жизнь нести тебя так! — страстным шепотом ответил король.

Они поднялись на второй этаж. В сером, невзрачном коридоре, скудно освещенном тусклой масляной лампочкой, виднелась дверь, перед которой Густав опустил Адель на землю. Гюс вошла в дверь и

даже ахнула от неожиданности: уж очень силен был контраст между комнатой и внешним видом дома!

Комната, в которую она попала, была очень большая и высокая; однако масса роскошной мебели, картины выдающихся художников, дивной работы лампы, заливавшие комнату сильным, но не резким светом, придавали ей вид маленького, уютного гнездышка, а зелень цветущих растений, в изобилии расставленных повсюду, создавала отрадные для глаза пятна, мягко контрастировавшие с нежным тоном шпофной обивки и портьер.

— Пройдите пока в соседнюю комнату, дорогая, — сказал Густав. — Здесь Ганс с женой сейчас накроют ужин, и им вовсе ни к чему видеть вас. К тому же вы, наверное, хотите оправиться, а в соседней комнате найдется все необходимое.

Адель направилась в соседнюю комнату, но, открыв дверь, остановилась, словно пораженная ужасом.

— Что это? — негодуящим тоном крикнула она, указывая рукой вглубь комнаты, где в красноватых отблесках топившегося камина виднелась громадная, широкая кровать, оправленная к ночи.

— В чем дело? — удивленно воскликнул Густав, с испугом подбегая к Гюс.

— Что это? — повторила она, указывая рукой на кровать.

Густав вкоризненно покачал головой.

— Бывало несколько раз, что, приезжая сюда отдохнуть и поработать, я оставался из-за дурной погоды ночевать. Поэтому Ганс всегда держит постель готовой, чтобы, когда бы ни приехал, я мог застать все в порядке. Что же такого ужасного, такого оскорбительного нашли вы здесь? Неужели вы могли подумать...

— Хорошо! — резко перебила его Адель. — Смотрите же, не заставьте меня обмануться в вас и в этом отношении, как я уже обманулась во многих других!

Она закрыла за собой дверь и с довольной улыбкой подошла к камину. Затем, с наслаждением опустившись в кресло и подставляя тело отрадной теплоте, она тихо смеялась над выражением лица Густава, изумленного этой неожиданно страстной отповедью... Да, все эти дураки-мужчины до ужаса просты! Чем меньше они понимают женщину, чем больше поражают их контрасты ее настроений, тем глуже способны они увлечься. И в этом весь секрет власти над ними. Никогда не быть однообразной, никогда не выявлять перед ними истинного «я», вечно оставлять их в ожидании, что в любимой женщине осталось еще много нераспознанного — вот тайна женского могущества. И потому-то так часто бывает, что страстный жених быстро превращается в глубоко равнодушного мужа. Невеста с инстинктивным чутьем охотника, подманивающего добычу, бескомпромиссно преследует покорившей ее похоть.

бессознательно рассыпается перед ним целой радугой сложных чувств и настроений, и жених жадно и страстно стремится проникнуть в тайну ее «я». Но добыча взята в полон, и жена уже ничем не старается казаться. Ее «я» оказывается для мужа простым, понятным и... скучным. И паутина равнодушия покрывает места, где еще недавно цвели алые розы страсти!

Да, неожиданным, непонятным должно было показаться Густаву это негодование при виде приготовленной кровати! Он не знает, чем объяснить себе его: боязнью ли, проистекающей из отвращения к нему как мужчине, стыдливостью ли женщины, душа которой гораздо чище и лучше ее жизни, или мнительностью человека, которого не раз оскорбляли и который не хочет, чтобы на первый план выдвигался его пол! И теперь бедный, глупенький король будет тревожно ждать ее появления. Наверное, он ждет, что она опять будет резкой, негодующей, иронически пренебрежительной в обращении с ним. Нет, она, наоборот, выйдет смущенной, робкой, тихой и кинет ему такой ласково-манящий взгляд, от которого у него по телу побегут мурашки. И когда он окончательно будет сбит с толку противоречиями, контрастами, неожиданными переходами, тогда достаточно будет одного ее взгляда, жеста, слова и...

Дурачок! Он хотел что-то выяснить, что-то решить,

но, ничего не выяснив, ничего не решив, как раб, упадет к ее ногам!

Однако для этого надо быть сильной, быть во всеоружии! Ее сила, ее оружие – красота! Ну, так – за вооружение!

Адель вскочила, взяла из корзиночки длинную лучину и зажгла ею от камина свечи на туалетном столе и у большого трехстворчатого зеркала. Она тщательно осмотрела себя и осталась довольна. Как хорошо, что на ней это простенькое темное платье! Большой вырез так заманчиво-дразняще обнажает самое начало красивых линий груди, а кружевная оборка вокруг со скромным бантиком посредине придает ее лицу что-то наивно-девичье, молодит ее! И как выгодно оттеняет темный цвет платья белизну кожи, а скромный покрой – гибкость и пластичность форм!

Но прическа не годится! К чему это сложное сооружение? Надо что-нибудь простое, девичье.

Адель села к туалетному столу, распустила волосы, которые золотым каскадом рассыпались по плечам, и свернула их простым, тяжелым узлом. Вот так! Хорошо! Право, в таком виде ей не дать больше двадцати лет! Скромная провинциалочка, впервые очутившаяся в большом свете и наивно раскрывающая чистые глазенки... Ха-ха! Вот это-то и нужно этим развратным мужчинам! Наивность, чистота – лакомый кусочек!

А теперь еще одно! В арсенале могущественных

средств ароматы занимают важное место! О, с каким умом, с каким тонким расчетом должна выбирать их женщина! Для каждого отдельного случая нужен отдельный аромат, специальная смесь. Аромат и привлекает, и отталкивает... О, как осторожна должна быть женщина в обращении с духами!

Свет свечей и кровавые отблески камина миллионами радужных брызг играли в гранях хрустальных пробок массивных флаконов. Вот роза, цветок желанья, вот мускус, яркий факел чувственности, вот вкрадчивый, лстивый гелиотроп, наивно-жеманная сирень, пьянящая яблоня, грубовато-добродушное, бодрящее сено... Немножко того, несколько капель этого... Вот так!

Адель достала платок и намочила кончик его в хрустальном блюдечке, где была приготовлена нужная смесь. Затем она протерла себе грудь, глубоко запуская платок за вырез. Так! А теперь – к огню! Теплота отнимает у духов их резкость, их наглую навязчивость; аромат как бы впитывается в поры кожи, и только по временам при движении от тела вдруг отделяется пряная волнующая струя!

В дверь постучали. Послышался голос Густава:

– Стол накрыт, дорогая! Готовы ли вы?

В ответ ему донеслось робко, смущенно:

– Я сейчас... Простите...

Стол был накрыт действительно по-царски. Массивное, тяжелое серебро, вазы, в которых прихотливая грань стекла соперничала с богатством рисунка металла, монументальные подсвечники — чудо скульптуры, тонкое полотно — все удивительно гармонировало с пестротой тонов мясных и рыбных закусок, с нежной окраской фруктов, с цветными искорками граненых винных графинов.

Густав и Адель сидели рядом, пили и ели с аппетитом и оживленно разговаривали. И не раз король с тревогой посматривал на артистку. Только что была она весела, только что дарила его восторженными взглядами! И вдруг затуманилась, вспыхнула, разразилась гневливой, ничем не вызванной фразой... А потом опять стала робкой, смущенной... опять тот взгляд, от которого все темнеет в глазах...

Боже, сколько загадочного, сколько страдальческого в этой женщине! И ее-то называют холодной кокеткой, развратной тигрицей? Как злы люди, как легко впадают они в злословье там, где может быть место лишь восторгу и преклонению!

У Адели гневом блестели глаза, вся она — была негодование...

— Женщины! — воскликнула она. — Что может быть несчастнее их? Лучше быть рабом-мужиной, чем свободной женщиной! Женщина не имеет права

называться человеком; ведь все — иное для нее, чем для мужчины. Я не говорю уже о законе; но возьмите хоть мораль, нравственность! Мужчина, не ведавший любви, не познавший женщины, — огородное чучело, белая ворона, какая-то помесь дурака с уродом. Чтобы не быть этим чучелом, он должен соблазнить женщину, а она в глазах общества считается из-за этого потерянной, обещенной. Одно и то же деяние возвышает мужчину и унижает женщину... И так во всем! У меня мозг готов лопнуть от негодования, когда я думаю обо всем этом! — она вдруг откинулась на спинку стула и уже совсем другим, застенчивым, смущенным тоном продолжала: — Много негодующих слов накалило у меня в душе, но... Ах, это вино! Что за предательский дух таится в нем! Он обволакивает, вкрадчиво обнимает и заставляет вопль гнева сменяться улыбкой нежности... Нет, сегодня я не способна злобствовать, как всегда. Вы — чародей, государь! Достаточно мне было провести с вами какой-нибудь час, и многое оттаяло у меня на душе. Не хочется думать о своей несчастной жизни, о безрадостном будущем. Впрочем, это и понятно: ведь я так устала... устала и физически, и нравственно. Ведь так тяжело вечно быть одной и в каждом мужчине видеть лишь прирожденного обидчика и врага! Ну, а физически... Сегодня был для меня трудный день! Столько волнений!.. — Она с глубокой нежностью посмотрела в глаза Густаву, и ее рука, безвольно опускаясь вниз,

мимолетной лаской скользнула по его руке. – Вы уж извините меня, но я встану! Вот та кушетка уже давно манит меня!

Адель встала и, подойдя к кушетке, в томительной позе полуприлегла на нее.

«Теперь или никогда!» – пронеслось у нее в голове.

Расположившись на кушетке так, чтобы придать телу наиболее манящий изгиб, она мечтательно оглядела комнату. Прямо против нее на стене висел большой портрет прелестной женской головки. Кто это? Уж не Христина ли? Да, наверное, она! Об этом говорили стебли увядших роз, прикрепленных к раме.

Какой чудный портрет! Наверное, рука большого мастера рисовала его! Быть может, Густав нарочно выписал из-за границы какого-нибудь большого художника, который только за тем и приезжал, чтобы увековечить на полотне неизвестную ему девушку. Чудный портрет! И какой дивный оригинал!..

Бесконечно милое лицо с нежным овалом и большими, наивными, добрыми, веселыми глазенками! Почти ребенок еще...

«Да, ты умерла вовремя, Христина... умерла в пору весны своей любви, пока еще не успела обмануться и разочароваться. Что случилось бы с тобой, если бы ты дожила до этих пор? Должно быть, давно уже померкли бы розы твоих щек, и каким сумрачным стал бы взгляд этих наивных глаз! А теперь ты улыбаешься вечно

Эта напыщенная мас. А теперь ты улыбаешься... Не по-улыбаешься!»

Свет нагоревшей свечи дрогнул, и Адели показалось, будто портрет хитро подмигивает ей...

Да, надо действовать!

Она перевела взор на Густава. Вот сидит этот большой дурачок, сидит и не знает, что ему делать с собой. Неудержимо тянет его подойти к кушетке, на которой так живописно раскинулось роскошное, желанное тело. И в то же время он боится двинуться!

«Я помогу тебе, дурачок!»

— Ах, — лениво сказала Адель, по-юшачьи потягиваясь. — Как манит меня этот дивный виноград! Но я так устала, так не хочется двигаться с места!

Густав поспешно сорвался с места, опрокинул на скатерть бокал красного вина, схватил художественно расписанную тарелочку, положил на нее большую гроздь винограда и поставил на низенький столик около кушетки.

— Вы так любезны! — смущенно сказала Адель. — Собственно я хотела черного винограда, но с удовольствием съем и этого!

Густав снова сорвался с места, схватил всю вазу и перенес ее на столик. Благодарностью ему был такой нежный взор, что он вспыхнул; одну минуту казалось, что он не совладает с собой и бросится к девушке. Но он поборол вспышку страсти, отошел к столу, залпом

выпил большой стакан вина и затем вновь вернулся к Адели.

— Дорогая, — сказал он, — ведь вы обещали рассказать мне про свою жизнь!

— Вы непременно хотите этого? — с ласковой грустью ответила она. — Ах, мне так тяжело!.. Да и нужно ли это? Но вы хотите этого, а сегодня я ни в чем не могу отказать вам. Ну, так присаживайтесь и слушайте. Но что вы делаете? — крикнула она, полупривскакивая при виде того, как Густав положил на пол подушку и собрался сесть у ее ног.

— Не отталкивайте меня, я так несчастен! — с тихой мольбой сказал он, положив к ней на колени свою голову. — Что дурного делаю я?

— Ах, а вы обещали мне быть благоразумным! — пробормотала Адель, словно невольно опуская закинутую руку и поглаживая ею Густава по голове. — Ну, Бог с вами! Но только... если вам не трудно... убавьте свет! А то эта лампа светит мне прямо в лицо... Ну, а когда раскрываешь душу, свет отпугивает.

Густав погасил все лампы и оставил лишь два восьмисвечника. Но и их он отнес в противоположные углы комнаты. Затем он вернулся на свое место.

— Ну, слушайте! — начала Адель, снова поглаживая Густава по голове. — Только предупреждаю — не ждите от меня оправданий, обеления себя... знаю, что я скверная... но и несчастная тоже! — Она вздохнула и

продолжала: — Я была еще совсем маленькой девочкой, когда моя мать — она была тоже артисткой — заметила во мне искры сценического дарования. Она стала заниматься со мною, и с детства я привыкла слышать, что на моей карьере мать строит все наше будущее благополучие. При этом мать, не стесняясь, поучала меня, как я должна вести себя впоследствии, и еще девочкой я познакомилась со всей грязью жизни. Я очень рано сформировалась, и Бог один знает, сколько гнусных предложений наслушалась я еще ребенком. Если я благополучно сберегла себя до шестнадцати лет, то этому помогли как инстинктивное отвращение перед физической любовью, так и поучения матери, которая всегда говорила мне, что добродетель — это такой капитал, который нельзя дарить первому встречному, а нужно пускать в оборот в решительный момент за выгодные проценты!

— Какая гнусность! — с негодованием воскликнул Густав. — И это — мать?! Бедная вы!

— Да, это была родная мать... Когда мне нужно было получить дебют в театре, родная мать надушила, принарядила меня и отправила на растление к маркизу Гонто, королевскому интенданту... Не могу описать вам, как скверно я себя чувствовала! Я готова была наложить на себя руки! Но мало-помалу во мне стало пробуждаться какое-то особое чувство. Я вообразила, что Гонто полюбил меня. и мое поруганное тело стало

казаться мне священным. Ведь любовь — великая божественная тайна, и священен алтарь, на котором совершается она. Так думала по крайней мере наивная девочка. Но однажды, когда я встретила с маркизом в театре, я убедилась, что он даже не знает меня в лицо... Любовь! Какое кощунство!.. Долго после этого я не могла без ненависти смотреть на мужчину!

Она замолчала, как бы изнемогая под гнетом воспоминаний.

Густав страстно принял к ее руке и покрыл ее пламенными поцелуями.

— Я получила ангажемент в Россию, — продолжала Адель, нежно пожимая руку Густава. — Там я встретила Орлова, покойного фаворита русской императрицы. Он произвел на меня сильное впечатление, и, когда он стал домогаться моей близости, я отдалась ему. Что было мне беречь? И чего опасаться? Ведь любовь собиралась осенить меня своим священным крылом. Но однажды Орлов самым спокойным образом объяснил мне, что актрис любит лишь тот, кто не имеет достаточного капитала, а богатые лишь развлекаются с ними. Это были его подлинные слова! Но я все же не рассталась с ним. Я хотела окружить его любовью, вниманием, заботами и заставить полюбить меня. Этому не суждено было свершиться. Царица проведала о нашей связи и велела распустить слух, будто я изменяю Орлову на

каждом шагу. Не проверив этого, Орлов пришел ко мне и избил меня нагайкой, словно собаку. Я хотела сейчас же уехать из Петербурга, но тут умерла моя мать, а, пока я похоронила ее, мне удалось узнать, что Орлов собирается соблазнить прелестную молодую девушку, таинственную любимицу императрицы Катю Королеву. Я решила остаться, чтобы выследить Орлова и не дать ему овладеть девушкой, которую он собирался похитить. Я не успела: Орлов подсыпал жениху Кати яд, но его выпила из бокала жениха Катя и умерла. Я кинулась к императрице, представила ей доказательства преступления Орлова; однако она не только не наказала фаворита, но еще выслала меня из России... Вы можете себе представить, в каком состоянии я вернулась в Париж! Все во мне было опозорено, растоптано. К чему, ради чего берегла я себя? Ради чего старалась я быть лучше других женщин своей среды? Разве меня пощадили за это? Разве с моим добрым именем церемонились? И я действительно кинулась в безудержный разврат. Не скрою, порой мне это было бесконечно тяжело, порой я готова была рвать на себе волосы; но я заливала эти минуты отчаянья вином, развеивала разгулом. Я не могла остановиться: в минуту трезвого спокойствия я была способна наложить на себя руки. И вдруг...

— Вдруг? — повторил Густав, наклоняясь к ней и впиваясь в ее лицо горящим взором.

— И вдруг я встретила с человеком, от которого на мою исстрадавшуюся душу повеяло исцелением. Я сразу порвала с позором прошлого, обвеянная дивной сказкой, оживленная надеждой. Но этот человек возился со мною ровно столько времени, сколько у него было свободно от государственных дел; когда государственные дела потребовали его, он уехал, не сказав мне даже последнего «прости». Правда, он прислал мне богатый подарок, но... о, с каким наслаждением швырнула бы я ему этот подарок в лицо!

— Адель! — воскликнул Густав.

Но Гюс повелительным жестом остановила его и продолжала:

— И опять я проснулась от сладкого сна, и опять, чтобы уйти от ужасной действительности, я кинулась в бездну разврата. Но на этот раз мной руководило не только желание забвения. Я говорила себе, что должен же быть где-нибудь мужчина, настоящий мужчина, достойный любви и поклонения. Я просто не могла до сих пор встретить его! И я стала искать этого «настоящего» мужчину! Я кидалась в объятия всякого встречного... О, это было профанацией любви, но... я была так несчастна! Я так жадно хотела вырвать у жизни хоть кусочек счастья! И как настойчиво искала я его! Всюду-всюду! Я покидала богатые чертоги и уходила в мансарды к начинающим поэтам, неизвестным художникам. Я искала среди буржуазии, чиновничества,

признанных артистов... Напрасно! Везде было одно и то же! Везде я встречала лишь желание чувственных восторгов и полное пренебрежение к душе женщины. Наконец я нашла одного, который показался мне достойным. Это был уже немолодой человек, прославленный художник... Его звали Фальконэ... И что же? Только мои деньги были нужны ему, и, обобрав те жалкие гроши, которые я отложила на черный день, он первый высмеял меня! Тогда я сказала себе: «Нет, довольно, Адель! Остановись! Нечего безумствовать, горячиться! Ты должна быть спокойной, холодной, расчетливой! Нечего искать того, чего не существует. Мужчины хотят твоего тела, ну, так пусть они платят за свое желание». И я опять зажила замкнутой жизнью. Вернувшись в Россию, я жила честнее всех гордых аристократок, перед которыми так преклоняетесь вы, мужчины. Редко, очень редко я давала волю вспышке страсти. Но ведь я — женщина, которая не может совершенно подавить в себе желания. Ведь мне не семьдесят лет, и вся моя жизнь, вся окружающая меня обстановка не особенно-то располагали к монашескому воздержанию. И повторяю вам, это случилось со мной очень-очень редко... И что же? Уберегло это меня от злословья? Нисколько! Письмо, полученное мною от вашего величества, достаточно ясно показало мне, что моя репутация только ухудшилась после того, как жизнь стала хуже. Да это и понятно! Ведь вы мужчины

стала чище. Да это и понятно: ведь вы, мужчины, охотно клеветеете на женщину, у которой не имели успеха!

— Но я, дорогая Адель...

Адель снова прервала Густава повелительным жестом и продолжала:

— Признаюсь, если я вела себя так благоразумно, то это и было лишь благоразумие. Капитал женщины, особенно артистки — ее внешность, ну, а распущенная жизнь сильно и быстро старит. Да и из-за чего бы мне соблюдать себя? Ведь единственный человек, который глубоко-глубоко подошел к моей душе, отряс прах от ног своих. И вот случилось так, что его превосходительство господин Аркадий Марков сделал мне предложение стать... Ах, да что тут выбирать выражения!.. Предложил мне поступить к нему на содержание. Я стала взвешивать, судить, решать. Люблю ли я его, могу ли уважать — об этом, признаться, я и не собиралась думать; я только взвешивала, могут ли выгоды сожителства оправдать его тяготы. Я совсем было пришла к выводу, что этот союз ни с какой стороны не может быть для меня желательным, как вдруг... вдруг я случайно узнала, что Маркова назначают посланником в Швецию... В Швецию! Боже, какой пожар разгорелся тут в моей груди! Я готова была бить себя, проклинать, но что я могла поделать с собой, если в моем мозгу гвоздем засело острое желание хоть еще разок взглянуть

на человека, который сыграл такую большую роль в моей жизни! Пусть он обманул мои ожидания! Но ведь в тот момент, когда я еще верила ему, я была счастлива так, как никогда больше. И вот я приехала в Швецию...

— Адель! — страстным хрипом вырвалось у Густава. — А если этот человек скажет тебе: «Прости за невольное зло, прости за невольно нанесенную обиду! Он тоже страдал».

— Ах! — крикнула Адель и будто невольно обвила шею Густава. — Пусть я презираю себя, пусть я опять обманываюсь! Люби меня хоть немного, ты, единственный возлюбленный моего сердца!

Король кинулся к ней, но задел по дороге вазу. С громким звоном упала она на пол, разбиваясь в тысячу осколков.

Ах, что за дело было ему до какой-то несчастной вазы, когда, казалось, небо блаженства готово было обрушиться на него и раздавить его своей всежигающей страстью!

VII

Прижавшись в угол кареты, Адель тихо, жалобно всхлипывала.

— Адель, дорогая моя, что с тобой? — испуганно и тревожно спросил Густав. — Ты плачешь? Неужели ты раскаиваешься, что подарила меня минутой

несказанного счастья?

— Я так презираю себя, так презираю! — всхлипывая ответила Гюс. — Зачем я не сдержала своих чувств, зачем допустила их прорваться наружу? Что я для тебя? Игрушка минутного каприза! Но ведь...

— Адель! Как можешь ты говорить так! — возмущенно воскликнул Густав. — Неужели ты способна думать, что после всего происшедшего между нами...

— Что же, в сущности, произошло? — с горечью ответила она. — То, что уже десятки, может быть, сотни раз происходило у «фазвратной Гюс», способной отравить своим присутствием «добрый, старый Стокгольм»!

— Адель! — строго и серьезно перебил ее Густав. — С твоей стороны будет просто безжалостно, если ты станешь сомневаться в глубине моего чувства. Я люблю тебя, Адель, люблю так, как можно любить женщину. Я счастлив единой улыбкой твоей, каждая твоя слезинка тяжелым камнем падает мне на душу. И то, что произошло между нами, — не каприз, не минутная вспышка, а залог счастья на всю жизнь. Только сейчас я еще не знаю, в какие формы выльется наша совместная жизнь. Пойми, у меня в душе все так смешалось от радости, что я не способен мыслить с достаточной ясностью. Конечно, ты должна немедленно расстаться с Марковым, но на первых порах нам надо будет соблюдать большую осторожность. Ведь что ни говори

сохранять большую осторожность. Ведь что ни говори, а я все-таки – король, тогда как Марков – русский посол! Скандала, огласки надо избежать во что бы то ни стало. Но сейчас я слишком полон восторгом обладания, чтобы разумно мыслить о чем бы то ни было. Поэтому умоляю тебя, позволь отложить до завтра выяснение наших дальнейших отношений! В течение ночи я все обдумаю и завтра... Не сможешь ли ты принять меня завтра вечером?

– Конечно, могу! Часов в девять?

– Скажем, в десять. Я приеду к тебе, и мы все решим. Положись на меня, дорогая, я не заставлю тебя страдать!

Карета подъехала к дому. Густав выскочил и галантно помог Адели.

– Значит, завтра в десять? – спросила она, посылая ему из подъезда приветственный знак рукой.

– Да, дорогая, в десять. Но... я хотел бы избежать... встречи...

– О, относительно этого не беспокойся!.. Покойной ночи, дорогой мой!

Адель скрылась в дверях, король сел в карету и уехал. Из темного угла за подъездом вынырнула какая-то тень, которая быстро исчезла в предутреннем мраке.

– Значит, сегодня в десять часов?

– Точно так, ваше высокопревосходительство,

сговорились ровно в десять.

– А кто это был?

– Не могу знать, ваше высокопревосходительство!

Было так темно.

– Но все-таки, судя по внешнему виду, разговору, кто это мог быть?

– Да, надо полагать, птица невысокого полета – какой-нибудь захудалый дворянчик.

– Швед или иностранец?

– Боюсь сказать наверняка, ваше высокопревосходительство, но, по-видимому, швед.

– А как называла его эта подл... эта госпожа?

– Да просто «дорогой мой», без имени.

– Хорошо... можете идти! Кстати, велите послать мне барона Вольфа.

Вошел барон Вольф, один из советников русского посольства.

– Скажите, милый барон, – спросил его Марков, – экстерриториален ^[2] ли дом, в котором живет Гюс?

Вольф удивленно взглянул на посла.

– Я спрашиваю вот почему, – пояснил последний. – Этот дом был снят «для нужд посольства». Можно ли рассматривать его как продолжение, отделение посольского дома?

– Это очень спорно, – ответил Вольф. – С одной стороны, конечно, раз этот дом является как бы продолжением посольского, то на него должны быть

распространены и все прерогативы последнего. Но, с другой стороны, такое распространение может иметь характер восстановления «права квартала», а, как вам известно, это право ныне совершенно отвергнуто!

— Если спорно, так это великолепно! — сказал Марков. — Пусть потом отрицают наше право действовать так или иначе — мы будем настаивать на своем праве, и из происшедшего конфликта будет лишь установлено правило на будущее время. А все-таки мы сделаем то, что нам нужно! Как видно, вас удивляют мои слова? Но я сейчас все объясню вам. Только это — большая тайна!

— Ваше превосходительство, кому же уметь хранить тайны, как не первому советнику посольства!

— Ну да, конечно... Я только так заметил... Словом, дело в следующем. Я получил доказательства, что Гюс изменяет мне. Она изменяет не только мужчине, но и послу. Через Гюс шведское правительство успело проникнуть в некоторые дипломатические секреты. Для меня не совсем еще ясно, каким именно путем и через кого добралась она до наших секретов, но ведь эта сирена хоть кому вскружит голову! Ну-с, теперь создалось довольно неприятное положение. Если я попросту порву с Гюс, то эта особа будет продолжать черпать сведения из открытого ей источника, и, пока мы доберемся до предателя, могут произойти большие неприятности. Я хочу заставить Гюс покинуть пределы

неприятности. Я хочу заставить Гюс покинуть пределы Швеции. Этого возможно добиться только путем такого скандала, который сделает для нее невозможным дальнейшее пребывание здесь. Я решил с помощью наших людей накрыть изменницу вместе с ее возлюбленным и попросту выпнать их на улицу, постаравшись не дать им возможности привести себя в порядок. Пусть-ка пробегутся полураздетыми! На это представление я приглашу кое-кого из представителей здешнего дипломатического корпуса и шведской знати. Через несколько часов весть о скандале разлетится по всему Стокгольму, и Гюс придется уехать. Но для успешности моего замысла необходимо, чтобы я мог опираться на экстерриториальность дома, так как иначе вмещается полиция, и вся прекрасная затея разлетится прахом. Ну, что вы скажете?

— Я боюсь, ваше превосходительство, что наше правительство косо посмотрит на эту историю и найдет ваш способ немного... грубым...

— Этого вовсе нечего бояться, милый барон! Как раз сегодня я получил депешу от графа Панина, в которой мне настоятельно приказывается «немедленно, не щадя средств и не пренебрегая никакими средствами», пресечь возможность дальнейшего шпионажа. Ну, да это — особая статья. От вас мне нужно было только узнать, могу ли я настаивать на экстерриториальности дома Гюс, и раз есть хоть малейшая зацепка, то все обстоит

благополучно. Спасибо вам, дорогой барон!

Вольф откланялся и ушел.

Когда дверь за советником закрылась, Марков вскочил с места и даже сделал какой-то сложный пируэт в воздухе. Он был в восторге, как хорошо все складывалось. Несколько времени тому назад ему была дана очень сложная миссия, но он провалил ее самым позорнейшим образом. Тогда Марков поспешил уведомить Панина, что не надеется на успех, так как непонятным образом тщательно оберегаемая тайна стала известна шведскому правительству. В ответ на эту правдоподобную ложь Марков и получил то предписание, о котором он только что говорил Вольфу. Действительно, теперь, когда Россия всеми силами старалась побудить Швецию соединиться с нею и Данией в вооруженный нейтралитет против Англии, малейшее разглашение инструкций, данных Маркову, могло повести к роковым последствиям. Марков рассчитывал, что русское правительство не найдет повода ставить скандальный эпизод ему в упрек, так как разве не приводил Панин ему в пример поведение маркиза де Ла Шетарди, французского посла при дворе Анны Иоанновны? Шетарди изображал собою кутилу и скандалиста, благодаря чему русское правительство не считалось с ним как с дипломатом, а, пользуясь этим, Шетарди втайне ковал свои хитрые козни!

Да, вот так именно и объяснит Марков Панину свое

поведение. Он, дескать, хотел убить одним ударом двух зайцев: удалить из Швеции главную виновницу разглашения тайны и заставить шведское правительство подумать, будто дипломат, занятый сведением под пьяную руку счетов со своей метрессой, не способен на какие-нибудь подкобы! А в конце концов сюда прибавится еще и то, что после обвинения Гюс в шпионаже ей будет закрыт въезд в Россию. Да, дорого обойдется вероломной ее измена, и не раз будет она каяться в своей необдуманности!

Марков просмотрел очередные дела и затем велел подать себе лошадь. Заехав в цветочный магазин и захватив там красивый букет, он отправился к Адели.

Расставшись с королем, Адель долго не могла заснуть. Она была слишком взволнована той стремительностью, с которой вдруг распалась стена, столько времени теснившая ее, и осуществились все ее желания. Сначала этот неожиданный дебют, позволивший ей вновь вернуться в положение артистки – положение несравненно более выгодное, чем просто красивой женщины, продающей свои ласки. И не прошло нескольких часов со времени окончания спектакля, как ей удалось вновь вернуть себе сердце короля и стать его возлюбленной!

Теперь нужно было только старательно закрепить узелок попавшей ей в руки нити, и тогда ее будущее несомненно обеспечено

посмешно себе.

Но как трудно было, какой обдуманности требовало это! Малейший неверный шаг – и все может пойти прахом!

Действительно, положение оказалось не очень благоприятное. Ведь как-никак, а Марков был представителем державы, к которой Густав относился враждебно, но на союз с которой его толкала насущная потребность данного политического момента. Как враждебность, так и необходимость временного союза одинаково заставляли быть осторожным в личных отношениях с послом. Если Адель прямо от Маркова перейдет к Густаву, если последнее случится даже в скором времени после разрыва с послом, история получит очень неприятную окраску. Следовательно, Адели предстоит долго и тщательно скрывать свои отношения с королем, они будут видаться редко, урывками, тайно...

Но это ей совершенно не улыбалось! Адель хотела власти, поклонения, хотела играть выдающуюся роль, по своему желанию и к своей выгоде направлять шаги Густава. А это было возможно лишь в том случае, если ее положение королевской метрессы будет у всех на виду. Кроме того, чтобы держать втайне связь с королем, надо было жить крайне уединенной жизнью. А разве она сможет долго выдержать такую жизнь?

Все это еще осложнялось знакомой Адели

медлительностью и нерешительностью короля. Наверное, он ничего не сумеет решить так скоро и, чтобы не оказаться вынужденным насильственно рассечь создавшийся гордиев узел, начнет мешкать и оттягивать окончательное устроение их судьбы. А тем временем мало ли что могло случиться!

Нет, надо было ускорить ход событий! Но как? Положим, раз она знала наклонность короля к сентиментальности, ей будет нетрудно ускорить первый шаг. Когда он придет к ней, ей надо постараться опять вскружить ему голову, опять заставить забыть обо всем в пламенном лобзании. А потом можно будет разыграть сцену раскаяния. Она, дескать, не может теперь оставаться больше в доме того человека, которого она обманывает. Как! Пользоваться всем от Маркова, жить в его доме и в этом же доме ему изменять? Нет, этого никак не может требовать от нее любимый человек!

Ну, хорошо! Положим, этот первый шаг удастся ей; она порвет с Марковым, уедет из этого дома... А дальше?

Но как ни думала Адель, как ни ломала себе голову, она не могла представить, в каком виде именно сложится это «дальше».

Заснула она только под самое утро и, проснувшись, не чувствовала ни малейшего желания вставать и одеваться. Уж очень тягостными казались ей все эти необходимые формальности дня.

Она велела подать себе утренний шоколад в постель. При этом Роза доложила ей, что Анкарстрем уже с полчаса дожидается ее пробуждения.

Анкарстрем! Словно теплая волна разлилась по сердцу Адели при этом имени! О, конечно, она не любила его в полном значении этого слова, но все же это был единственный человек из всех окружающих ее, от которого она хотела только его самого. Ведь никакой корысти не было для нее в их отношениях. Зато, как грело ее это юношеское обожание, как приятно было ей отдаваться капризу после стольких расчетов!

Ей представились маленькая, шарообразная фигура Маркова, его самонадеянность, надменность, открытый цинизм. Рядом с ним вынырнул образ царственного шута Густава, этого Дон Кихота сантиментов, играющего в прятки с самим собою и старающегося прикрыть розовым флером самые обыденные, низменные страстишки. Они... и Анкарстрем! Этот милый мальчик с гибкой фигурой, девичьим личиком и большими, серьезными, пламенными глазами! Ах, милый пажик!

И когда Анкарстрем вошел, она с таким сияющим лицом, с такой искренней радостью распростерла навстречу ему свои объятия, что юноша вспыхнул и бегом кинулся к ней.

— Ах, как ты прекрасна, как ты божественно прекрасна! — страстно зашептал он, упав на колени

около кровати и пламенно целуя склонившуюся к нему Адель.

Затем он стал извиняться, что пришел в неуказанный час. Но он не мог! Ведь вчера он был в театре, и он один знает, как мощно потрясла его душу игра Адели! Ах, почему их любовь должна быть омрачена обманом, почему не может она принадлежать только ему одному!

— Глупенький! — ласково сказала Адель, каким-то материнским движением погладив его по голове. — Когда я была молоденькой девочкой, я тоже мечтала, что буду любима и стану любить одного-единственного... вот такого же славного мальчика, как ты, мой Иоганн! Но жизнь безжалостно развеивает девичьи грезы! Мы — не господа своей судьбы, Иоганн; суровые законы необходимости довлеют над нами. Ну, скажи сам: знаешь ли ты хоть одну выдающуюся артистку, которая обходится без покровительства важного, богатого, но нелюбимого мужчины?

— Знаю! — серьезно ответил Анкарстрем. — Это — Карлотта Басси!

— Карлотта Басси? — воскликнула Адель, порывисто хватая Анкарстрема. — Кто она? Она тебе нравится?

— Я еще не видал ее, — ответил юноша, — но о ней много говорят в Стокгольме. Правда, она здесь всего месяц, но...

Ах, вот! Тогда, думаю, бедному, несчастному...

— Ах, да! Новая прима-балерина королевского балета, — задумчиво сказала Адель. — Знаю! Я видела ее! Она очень хороша, эта худенькая неаполитаночка! Со временем она будет красавицей, но сейчас детская угловатость еще не совсем исчезла у нее... Однако танцует она дивно... Да, да, Карлотта Басси! И ее-то ты ставишь мне в пример? Глупенький мальчик! Я расскажу тебе сейчас историю твоего идеала — я вспомнила теперь, ведь об этой Карлотте говорят уже года три, хотя ей всего только восемнадцать лет... Да, да, Карлотта Басси! Мне рассказывал о ней один из атташе неаполитанского посольства в Петербурге. — Адель взяла голову Анкарстрема в обе руки, повернула ее к себе и, глядя ему в лицо, стала рассказывать: — Карлотта Басси — дочь капитана армии, который имел неосторожность умереть, оставив без всяких средств двадцативосьмилетнюю красавицу-вдову и десятилетнюю дочь. Чем жила вдова Басси после смерти мужа? Этого не знает никто! В обществе ходили слухи, будто ради дочурки Басси-мать торговала своими ласками. Должно быть, так это и было, потому что жили они хотя и без роскоши, но и без нужды, причем вдова находила достаточно средств, чтобы дать дочери тщательное образование. Но что бы ни делала вдова под покровом тайны, на виду у всех она вела вполне приличную жизнь и тщательно ограждала дочурку от всякого зла. Да, в этом отношении она не была похожа

на наших матерей, на мою, например, которая с колыбели внушала мне необходимость торговли собою!

— Бедная! — грустно сказал Анкарстрем, ласково погладив Адель по руке.

— У Карлотты, — продолжала Гюс, — с детства обнаружился выдающийся талант к танцам. На пятнадцатом году она дебютировала в неаполитанском королевском театре и сразу стала любимицей публики. Но не думай, что этим успехом она была обязана только таланту. Нет, те жертвы, которых требуют обыкновенно от нас самих, за Карлотту приносила ее мать. И это уже не подозрение, не предположение, не слух; это происходило в таких кругах, где истину скрыть нельзя!

— Боже, сколько грязи в вашем мире! — с отчаянием воскликнул Анкарстрем.

— Да, грязи много, милый мальчик, и потому-то нельзя требовать от нас чистоты. Мы — то, что из нас делает наш повелитель — публика! Вот потому-то я и говорю, что твоя Карлотта — не образец. Ее первые шаги были облегчены самоотверженностью красавицы-матери. Ну, а дальше? Пройдет несколько лет, и, когда Басси отвергнет искания нескольких важных поклонников, ее начнут проваливать. Какая-нибудь несравненно менее талантливая, но более щедрая на ласки балерина вытеснит ее из милости публики, и Басси останется что-нибудь одно — или отказаться от сцены, или пойти общей для нас торной дорожкой!

Итак, ты видишь — единственная артистка, которую ты смог привести в пример, находится в исключительном положении и далеко не гарантирована в будущем от такой же грустной, но неизбежной судьбы! А я...

Анкарстрем высвободился из ее рук и мрачно зашагал по комнате.

— Я не виню тебя, Адель, — сказал он. — Я понимаю, что никто добровольно не пожелает вести такую тяжелую жизнь. Но пойми меня! Каждый раз, когда я думаю, что ту, которую я люблю, которая сама любит меня, может купить всякий, у кого найдется достаточно денег, — в такие минуты мне хочется убить и тебя, и себя, и, право же, я начинаю чувствовать, что в эти мгновения меньше люблю тебя. О, когда я замираю в твоих объятиях, тут уж не могу ни о чем думать, ничего взвешивать. Весь мир исчезает, и только одна, прекрасная, существует для меня. Прикосновение к твоему телу лишает меня разума. Но чем полнее самозабвение минут страсти, тем темнее становится у меня на душе потом! Ведь это — все-таки обман, ведь я — все-таки вор, украдкой отнимающий...

Он вздрогнул и остановился: в дверь быстро постучали, и сейчас же в спальню вбежала Роза.

— Барышня! — испуганно крикнула камеристка. — Только что подъехал господин Марков!

— Так иди скорее! Ступай ему навстречу, а я запру

дверь... Скажи, что я больна, что я сплю.

— Барышня, да вспомните, что было прошлый раз, с платком! А что, если барин станет ждать, пока вы не проснетесь? Ведь из спальни другого выхода нет!

— Ах, это проклятое расположение комнат! — истерически крикнула Адель. — Боже мой, надо же было этому случиться именно теперь! Но что же делать? — она прислушалась, вдали уже слышались тяжелые шаги Маркова. — Придумала! — радостно сказала она, понижая голос до тихого шепота. — Роза, приспусти скорее шторы, а ты, Иоганн... сюда!

Она схватила пажа за плечи и толкнула его на кровать, заставив лечь поперек в ногах. Затем она прикрыла его одеялом, легла сама и с самым невинным видом взялась за недопитую чашку шоколада.

Послышался стук в дверь.

— Войдите!

В комнату вошел Марков с букетом в руках.

VIII

— Боже мой, еще в кровати! — весело сказал Марков, галантно целуя протянутую ему руку и преподнося привезенный букет. — А я-то думал застать вас на свежих лаврах!

— Спасибо, Марков, вы балуете меня! — томно сказала Адель, взяв букет и погружая лицо в цветы. — Ах,

друг мой, у меня так болит голова, так болит! Теперь стало немного легче, но утром я думала, что у меня череп лопнет от невыносимой боли!

— Может быть, вы поздно легли вчера спать?

— О, нет! Во втором часу я была уже в кровати. — Марков внутренне усмехнулся: на этот раз Адель, по-видимому, не солгала. О, да! Во втором часу, а, может быть, и раньше, она уже была в кровати... только в чьей?

— Ну, в таком случае это от вчерашних артистических волнений! — сказал он вслух. — Позвольте мне еще раз приветствовать вас! Вы были восхитительны вчера! О, с какой гордостью озирался я на публику! «Ведь эта дивная женщина, эта изумительная артистка — моя подруга! — думал я. — Да, Адель, вами мог бы гордиться сам император!»

— Благодар... — начала Адель и вдруг вскрикнула, дернулась и нервно засмеялась коротким, отрывистым смешком.

— Что с вами? — спросил Марков, удивленно скидывая на нее глаза.

— Ах, да ничего... пустяки! — с легким замешательством ответила Адель. — Я страшно разнервничалась. У меня какие-то судорожные подергивания, которые овладевают мною в самый неудобный момент!

Она подчеркнул последние два слова и сильно с

досады двинула при этом правой ногой.

В самом деле, ну что за глупый мальчишка! Знает, как она боится щекотки, и в такой момент лезет со своими ласками! Положим, необходимо принять во внимание также и его «щекотливость» — ведь трудно представить себе положение более щекотливое, чем его. И, словно извиняясь за то, что она только что так неделикатно ткнула Анкарстрема, Адель ласково погладила его ногой. В то время как он снова пылким лобзаньем приник к ее ноге, она продолжала:

— Да, я разнервничалась. На меня произвело очень сильное впечатление мое вчерашнее выступление. Я так давно была лишена чистых радостей искусства! Ах... вот опять... Боже!.. Друг мой, лучше оставьте меня одну! Я чувствую себя плохо, и разговор, видимо, только ухудшает мое состояние... Ах, опять судорога! Нет, я должна попытаться заснуть!

— В таком случае оставляю вас! — сказал Марков вставая. — Постарайтесь заснуть, отдохните, чтобы быть к вечеру молодцом. Я для того и заехал к вам, чтобы предупредить. Сегодня я притащу к вам кое-кого из своих приятелей; мы хотим достойно отпраздновать...

— Нет, нет! — испуганно воскликнула Адель. — Бога ради, пощадите меня сегодня! Я совсем больна, я не могу. Я постараюсь заснуть, потом отправлюсь покататься, а в восемь часов уже опять лягу. Иначе нездоровье надолго затянется — ведь я себя знаю

песдоросль падлоно заляпается — ведь я себя знаю.

— Но, милая Адель, чем помешает...

— Нет, нет, об этом нечего и говорить! Прошу вас на сегодня освободить меня! Сегодня меня хотели чествовать товарищи по трупке, но я и то отказалась, хотя они и могут счесть это за гордость. Но я скорее согласна навлечь на себя неудовольствие, чем...

— Ну, тогда не будем и говорить об этом! До следующего раза!

Марков снова поцеловал руку Адели и ушел.

Едва только шум его шагов замолк в коридоре, Анкарстрем бомбой вылетел из-под одеяла. Он был очень взволнован и, подойдя к окну, замер там в хмурой задумчивости.

Адель с ласковой призывной улыбкой смотрела на него, потягиваясь, словно кошка при виде блюдечка с молоком.

— Ну? — коротко сказала она.

Анкарстрем ничего не ответил.

Прошло несколько секунд. Вдали послышался грохот отъезжающего экипажа.

— Ну? — повторила Адель. — Иди же ко мне, моя глупенькая судорога!

— Мне пора идти, — глухо и неуверенно отозвался паж, не отворачиваясь от окна.

— Идти? — Адель гневно привскочила на кровати. — Да в уме ли ты, милый мой?

— Ты знаешь... я уже говорил тебе... прикосновение к тебе лишает меня разума, но и... отрезвление приходит быстро. Ну как могу я забыться сейчас в ласках, когда только что ушел из этой комнаты твой «господин», «хозяин»? Нет, нет, позволь мне уйти! — он подошел к Адели и поцеловал ее спокойным поцелуем в лоб. — К тому же у меня действительно дела! — с натянутой улыбкой прибавил он. — Ты ведь знаешь, я хлопочу о зачислении в гвардию, но король не торопится с разрешением. Родственники хлопочут за меня, и сегодня...

— Подари мне полчаса, и я сделаю тебя офицером! — сказала Адель, страстно обнимая юношу и умильно заглядывая ему в глаза.

— Ты? Каким образом?

— Мне стоит только попросить короля! Ты знаешь, красивая женщина может сделать больше, чем влиятельные родственники!

Анкарстрем с силой вырвался из ее объятий.

— Не смей! — гневно крикнул он, отскакивая на середину комнаты. — Никогда не смей произносить мое имя в присутствии короля! Я лучше откажусь от всего и уеду в имение, чем стану обязанным женщине своим повышением по службе! — Он вдруг остановился; казалось, что у него мелькнула какая-то новая мрачная мысль. — Вообще, — продолжал он, глядя на Гюс исподлобья недобрым взглядом, — помни, Адель:

красивая женщина, которая будет иметь слишком много влияния на короля, не может оставаться моей подругой! Я не знаю, что ты задумала, мне неизвестно, что ты решила и на что надеешься, но... боюсь, что неспроста предложила ты мне свою протекцию! Смотри, Адель, если нечто подобное – между нами все кончено! Я знаю, тебя этим не остановишь, но все-таки... Однако мне пора!

Он ушел. Адель горько усмехнулась. Только теперь ей пришло в голову, что новая фаза в ее жизни, которую она так тщательно подготавливала, будет ей стоить Анкарстрема. О, конечно, это не остановит ее, но до известной степени усложнит ей жизнь. Анкарстром мог бы помочь ей скрасить часы скуки во время вынужденного уединения, которое ждет ее, пока король не сочтет возможным открыто объявить ее своей подругой. Ведь ей придется быть в это время крайне осторожной, и старый дружок был бы гораздо удобнее! А потом, ведь что ни говори, в этом мальчике была именно та поэзия, которой не хватало ее жизни. И Адель с тоской должна была признать себе, что Анкарстром ей гораздо дороже, чем она сама думала прежде.

Ах, эти глупые, мечтательные мальчики! Жизнь с редкой щедростью дарит ему то, чего другие тщетно добиваются ценой огромных жертв, а он отворачивается от пенной чаши искрометного наслаждения! Монапизированием. глупыми вкнами совести.

ненужной рассудочностью он отравляет моменты блаженства. Вор! Вором назвал он недавно себя! Да он и был вором. Но лишь себя обкрадывает он, лишь у себя отнимает счастье!

А теперь грозит уйти совсем.

Но нет! Не отпустит она его без борьбы! Он сам обнажил свое слабое место, сам создался, что прикосновение к ней лишает его разума, мысль борется у него с телом... Но теперь она, знающая, искушенная в науке страсти женщина, вступит в союз с этим мятежным телом и задавит, победит утрюмую, сварливую мысль!

От Адели Марков поехал навестить кое-кого из приятелей и пригласил на вечер целую компанию. Эта компания была составлена по тщательному выбору: сюда входили представители самых разнообразных слоев — служилая и не служилая аристократия, высшие должностные лица или их сыновья, военные, члены посольств и т. п. Но все они были довольно молоды, любили выпить и были склонны к сумасбродным выходкам.

Приглашенные собрались к восьми часам, а уже к девяти вся компания была сильно навеселе. Марков, сам пивший в этот вечер более чем осторожно, усиленно подливал и подливал гостям. Когда нужное настроение

было достигнуто, он очень ловко сумел навести гостей на тему о любви и измене.

Как должен отнестись настоящий мужчина к измене любимой женщины?

Мнения присутствующих разделились. Одни говорили, что муж, узнав об измене жены, должен подстеречь любовников и убить их на месте. Другие находили, что страдать должна только жена, так как мужчине нельзя ставить в вину, если он подбирает то, что плохо лежит. Третьи утверждали, что измена измене рознь и что существуют невольные измены, когда поплатиться должна не жена, а обольститель: мало ли что могло быть! Может быть, обольститель добился своей гнусной цели колдовством? Четвертые уверяли, что глупо драматизировать такие пустяки. Стоит ли марать руки из-за всякой негодяйки? Надо смотреть на такие вещи юмористически и стараться лишь избегать смешного положения. Лучшее всего в таких случаях следовать ветхозаветному правилу «око за око». В этом отношении не худо поучиться мудрости у Боккаччо. В одной из своих прелестных новелл он повествует, как жили-были два женатых приятеля. Один из них заметил, что другой спутался с его женой. Тогда обманутый муж хитростью завлек вероломного друга в сундук, запер его там, затем привлек на сундук жену друга и, приласкав ее на сундуке, выпустил несчастного из убежища, где вероломному пришлось испытать

несколько весьма неприятных минут. Вследствие этого мир не был нарушен, остроумный муж сохранил и жену, и друга, да еще приобрел возлюбленную, причем в смешном положении оказался не он, а друг-изменник. Вот это – истинная житейская мудрость! Живи и давай жить другим! А то муки ревности, кинжал, яд... Стоит того!

– Господа! – сказал Марков вставая. – Вы обсуждали вопрос об измене жены, а меня интересовал вопрос о наглom надругательстве возлюбленной! Нечего греха таить, в изменах жен по большей части бываем виноваты мы сами. Мы посвящаем им очень мало времени, дарим слишком мало внимания. Но к возлюбленным мы бываем нежны и внимательны, потому что в тот момент, когда мы остываем к ним, мы их бросаем! Да, господа, меня интересует вопрос, как, по-вашему, должен отнестись мужчина к измене любовницы, которая ни в чем – понимаете ли? – ни в чем не может пожаловаться на него? При этом я имею в виду не такую измену, которая совершается под влиянием страсти; нет, я подразумеваю наглый обман, издевательство, которое ставит мужчину в смешное положение!

Опять среди гостей поднялся спор. Но теперь спорили лишь о способах отмщения. Зато все сходились в мнении, что подобный обман нельзя оставить без внимания, что изменница должна понести жестокое

наказание. В заключение кто-то выразил удивление, почему этот вопрос интересует Маркова.

— Потому что я сам очутился в таком положении, господа! — со злобной усмешкой ответил он.

Послышались голоса удивления.

— Вот как? Кто же счастливец? И что думает предпринять Марков?

— Я решил последовать примеру своего дядюшки! — с грубым хохотом ответил Марков. — Вы говорили тут, что негодяйку следует отхлестать как следует. О, этого мало! Что значит удар хлыстом для такой негодяйки? Ведь у Гюс это уже бывальщина! Сиятельный граф Григорий Орлов оставил ей на память хорошенький рубец, который долго не заживал. А что толку? Нет, господа, мой дядюшка Нератов оказался гораздо остроумнее! Я поступлю по его примеру и приглашаю вас присутствовать сегодня вечером при интересном спектакле.

Подвыпившие гости с восхищением согласились принять участие в замысле Маркова, но сначала им хотелось узнать, как именно отомстил Нератов за измену. И Марков рассказал им следующее.

Нератов, очень богатый и еще крепкий старик, приблизил к себе одну из своих крепостных актрис — Маньку Воробьеву. Что за красотка была эта Манька! Но

зато и продувная бестия тоже!

Нератов увез Маньку в Петербург, и там они зажили роскошной жизнью. В их петербургском доме была устроена сцена, и нередко Манька выступала для развлечения гостей. Только Нератову показалось, что Маньке скучно с ним. Он дал ей вольную и предложил, если она хочет, оставить его и найти свое счастье с кем-нибудь другим. Вольную Манька взяла, но уйти отказалась. Она бросилась в ноги Нератову, стала молить, чтобы он не отталкивал ее, так как она, дескать, страстно любит его. На что ей молодые, когда он, Нератов, лучше всякого юноши — и красивый, и сильный, и ласковый, и щедрый! Нет, она не уйдет от него, пока он силой не прогонит ее.

— Ну, ладно, Манька, — сказал Нератов, — оставайся, коли любишь! Я ничего лучшего и не желаю. Только помни одно: измены я не прощу! Коли полюбишь кого — приди и прямо скажи! Пальцем не трону, одарю, с честью отпущу и еще тебе же буду благодарен, что ты мою седую голову от позора избавила. Но, ежели я узнаю, что ты меня обманула... Берегись, Манька! Я и дарить, и наказывать умею!

Не прошло и полугода, как вдруг Нератов случайно узнал, что Манька обманывает его, и давно уже: тогда еще обманывала, когда в ногах валялась и в своей любви уверяла. Конечно, только щедрость любовника и нужна была этой подлой змее! И добро бы она полюбила кого,

увлеклась... Какое там! Словно перчатки меняла она дружков!

Стал Нератов думать, как ему быть. Умный он был старик, понимал, что не всегда человек в своей природе волен. Вот и решил он не срамить себя, позвать Маньку, сказать ей просто, что она ему надоела, да и отпустить на все четыре стороны.

Это решение пришло ему в голову ночью, когда, не в состоянии заснуть, он бродил по саду. Только что это? В окне Манькиной комнаты блеснул свет, вот она сама появилась у окна. Пригляделся старик и видит, что внизу стоит какой-то молодчик. Еще минута – из окна спустилась веревочная лестница, и кавалер быстро взобрался на второй этаж. Затем свет опять погас.

И пришло Нератову в голову послушать, о чем будут говорить между собою любовники. Кто очередной победитель Манькиного сердца – это он уже знал стороной, но тем интереснее было ему подслушать разговор. Ведь «жоварным обольстителем» был Петька Щелов, дальний родственник Нератова по покойной жене. Этого Петьку-сопляка Нератов пригрел, обласкал и пристроил в ведомство иностранных дел. Здесь Щелов подучивался и вскоре должен был получить назначение в одно из посольств. Вообще благодаря покровительству влиятельного родственника и собственным стараниям юноша был на виду. Да, всем был обязан мальчишка Нератову. Так хоть чувствует ли

он по крайней мере раскаяние, что обманывает своего благодетеля?

Влез старик по веревочной лестнице и стал прислушиваться. Ну и наслушался! Вперемежку между поцелуями и объятьями Манька с Петькой только и делали, что высмеивали старика. То Манька словцо скажет, а Петька хохочет, то Петька шутку отмочит, а Манька заливается. В заключение Петька еще и желает: «Хоть бы сдох поскорее старый Кащей!»

— Что ты, что ты! — испугалась Манька. — Разве можно такую беду накликать? Ведь он еще мне по завещанию ничего не отписал! Вот умаслю старого дурака, а тогда пусть хоть и околевает. Не захочет, так и помочь смерти можно!

— Да, этого долго ждать! — заметил Петька. — А ведь я измучился! Ну что мы с тобой видимся? Урвешь какой час от ночи, только и всего! А там, глядишь, и ушлют меня... Эх, Манька, кабы нам с тобой на свободе!..

— А вот погоди, — пообещала Манька, — мой Кащей все на охоту собирается. Как только он уедет, я дам тебе весточку, ты с ночи ко мне заберешься, да и пробудешь у меня день-два. Уж и попируем мы с тобой!

— А прислуга?

Манька в ответ сказала, что вот такая-то, такой-то да такой-то из прислуги ей преданы вернее собак и что на них вполне можно положиться. Ну, а для других она билет нездоровя — только и всего. Словом, тоню

будет поздорова — только и всего. Словом, только обмозговала всю шпугу!

Слез Нератов остороженько на землю и тихохонько ушел к себе. И стал он думать да гадать. Как быть, как наказать негодяев? Изувечить их — самому пострадать. Ведь всего только год-два как вступила на престол императрица Екатерина, которая сурово наказывала за дебоши. Там доказывай! Ну, а «предать все дело воле Божией» — это никак невозможно было. Нельзя оставить без наказания такую выдающуюся наглость!

Словом, думал-думал Нератов и придумал наконец. Утром вызвал он к себе старика-дворецкого и все с ним обсудил до мелочей. Среди дня стало известно, что барин собирается на охоту. Действительно, под вечер выехал Нератов с частью дворни — только не на пустошь, а просто в другой петербургский дом. И там принялся старик ждать следующего дня, когда должен был быть приведен в действие придуманный им план мести. А этот план был недурен. Нератов сознавал, что у него нет власти ни над Манькой, ни над Петькой. Прогонит он Маньку, она к другому уйдет — ведь такую красотку любой возьмет — и над ним же смеяться станет...

Нет, опозорить надо было обоих, бескровно зарезать, без насилия убить!

Ну-с, на следующий день, часов в двенадцать, Манька с Петькой предавались блаженству, как вдруг

дверь в их комнату распахнулась и туда ввалился Нератов с дюжими молодцами. Щеглов схватился за шпагу – куда там! Не успел он оружие обнажить, как уже схватили молодца за белые ручки и держат!

Подошел Нератов к Маньке и говорит:

– Всем ты от меня пользовалась, змея, все, что на тебе, – мое. Голой уйдешь отсюда, если только... уйдешь!

И раздели Маньку догола. А затем за Петьку взялись.

– На тебе, щенок, все свое, – сказал Нератов. – Ну, мне чужого не надобно, я не в тебя! Эй, разденьте-ка вы мне этого молодца, только все платье свяжите в узелок, да и привяжите к шее. Пусть свое добро на тот свет берет!

Раздели Петьку, привязали ему на шею узелок с платьем, да и вывели с Манькой во двор.

Стоят оба голенькие, держат их слуги за руки.

– А теперь пусть собаки их мясом попользуются! – крикнул Нератов, да как гаркнет: – Спустить собак!

А собаки уж тут как тут... страшные, озверелые... Морды в пене, шерсть дыбом, так и рвутся с ремешка долой!

Как залают собаки!.. Взвизгнули тут Манька с Петькой да и рванулись из державших их рук! Ну, а так как держали их нарочно не крепко, то вырвались любовники, да и, как были, марш за ворота. Выбежали

на улицу, а собаки сзади так и заливаются. Ну и припустились Манька с Петькой! Бегут, ног под собой не чувствуют, а сзади все время собачий вой да визг по пятам!

Конечно, если бы догадались обернуться, увидели бы они, что собаки так и оставались не спущенными: доезжачий верхом вел их на ремешке за беглецами. Только где же было им еще и оборачиваться?

Пробежали Манька с Петькой до Невского, а потом и половину Невского отмахали. Прохожие останавливаются, смотрят, смеются! Знакомые попадают — рты разевают! Скандал! Наконец Манька споткнулась и упала. Тогда доезжачий спокойно повернул назад и усакал с собаками. Петька тоже недалеко от Маньки отбежал — и у него ноги подкосились.

Подобрали их сердобольные прохожие.

Эта история наделала много шума в городе. Узнала о ней императрица, разгневалась страшно и вызвала Нератова, чтобы лично его допросить. Однако Нератов твердо стоял на своем. Он, дескать, ни бесчиния, ни членовредительства не учинил, а хотел только попугать за обман да и отпустить с миром. Вольно же им было так перепугаться и броситься раздетыми бежать по улице! А если доезжачий и кинулся за ними, то против своей воли: собаки потянули его, а там лошадь понесла... Словом, никакой за ним. Нератовым. вины нет. Ну.

Скоро, наконец-то, Пётр Петрович, выйдя из-за двери, приказала ему государыня отъехать в свои имения — наказала тоже! Он и сам все равно уехал бы из Петербурга!

Так и сошло ему все благополучно с рук.

А о Маньке с Петькой этого сказать нельзя. Щёглову пришлось отказаться от надежды на карьеру — хорош дипломат, которого голым по Невскому с собаками гоняли! — и уехать в свою усадьбишку, где десять душ дворовых голодали, а он одиннадцатым голодающим стал. А Маньке и того хуже пришлось. В прежнее время на нее все, как кот на сало, смотрели, а теперь и показаться никому нельзя. Кинулась она было к Петьке — «так и так, из-за тебя я пострадала, и должен ты теперь меня устроить». Только куда там! Не мог Щёглов забыть, что он из-за Маньки такого срама натерпелся да всего будущего лишился. И хоть готова была она двенадцатой голодающей в усадьбе стать, однако Петька ее без милосердия выгнал. Толкнулась Манька туда-сюда... Сначала в Москве по купцовым рукам ходила, а там и совсем низко пала.

И подумать только, что незадолго до этого афронта государыня непременно хотела Маньку в свою труппу первой танцовщицей пригласить!

— Да, господа, — закончил Марков, — вот это — месть! Это я понимаю! Раздавить, стереть в порошок одним

ударом тех, кто осмелился нарушить всякую честь и нагло глумиться над доверчивостью. При этом остаться героем, ни на минуту не быть в смешном положении... Да, это – месть!

В этот момент его вызвали.

Через минуту он снова вернулся к гостям.

– Представление готово, господа! – со злобной радостью объявил он. – Мне только что доложили, что незнакомец уже проник к Гюс. Интересно будет заглянуть ему под маску! Вообще нашей комедии никто не помешает, так как предусмотрительная Гюс отпустила всю прислугу, и даже ее секретарь в гостях у кого-то... Словом, мы дивно позабавимся! Выпьем еще посошок на дорогу, да и за дело!

– Посошок мы выпьем, – ответил фон Раух, атташе австрийского посольства и большой приятель Маркова, – но я не понимаю одного: как вы предполагаете, Марков, осуществить остроумный план своего дядюшки? Насколько я знаю, собак у нас нет; кроме того теперь ночь, улицы пустынные, да и столическая полиция организована несравненно лучше, чем ваша петербургская!

– Друг мой, – ответил Марков, – разве необходимо рабски следовать чужому примеру? Я беру только идею, но применяю ее сообразно с обстоятельствами. Как бы ни была организована здешняя полиция, но она не имеет права мешать мне, так как дом, в котором живет

Гюс, снят для нужд русского посольства, а следовательно – экстерриториален. Я там – и царь, и бог! Собак у меня нет, но, раздев обманщицу и ее дружка, я прикажу нагайками выгнать их на улицу. А если улица и пустынна, то ведь это «изгнание супружеской четы после грехопадения из рая» произойдет на глазах у вас, то есть при «сливках» стокогольмского общества.

– Господа! – перебил его молодой граф Пипер, – существует еще одна сторона вопроса, которая никому пока не пришла в голову! Говорят, что Аделаида Гюс дивно сложена! Теперь нам предстоит воочию убедиться в этом!

Если у кого-нибудь из присутствующих и были сомнения, принимать ли им участие в задуманной Марковым эскападе, то теперь всякие сомнения окончательно рассеялись: предприятие приобретало пикантный характер! Выпив на дорожку по стопке старого боярского меда, от которого в головах еще больше зашумело, вся компания – их было десять человек – двинулась в путь.

На улице к ним примкнуло еще четверо дюжих молодцов. Это были специально нанятые Марковым парни. Ведь гости должны были оставаться лишь зрителями! Станет дворянин пачкать руки о такое дело!..

Когда они подошли к дому, где жила Гюс, там оказалось уже все подготовлено. Без труда вошли они в

подъезд и осторожно стали пробираться вверх по лестнице, стараясь не производить ни малейшего шума, чтобы не спугнуть добычи. Так добрались они до дверей в спальню и здесь остановились прислушиваясь. Из спальни слышался разговор, затем донесся звук поцелуя... По знаку Маркова наемники сразу навалились на двустворчатую дверь, и она широко распахнулась, пропуская ворвавшуюся банду.

Послышались отчаянный женский крик, шум опрокинутого кресла. В ужасе отскочила в сторону Адель, а в тени у стены виднелась чья-то высокая мужская фигура, положившая руку на эфес шпаги.

Наступила тревожная, жуткая тишина. Марков, сопровождаемый четырьмя наемниками, подошел к Адели. Скрестив руки на груди, смотрел он на нее негодующим взглядом. Приглашенные свидетели с интересом ждали, как разыграется задуманная комедия.

Наконец Марков начал:

— Так вот чем вы больны, сударыня? Вот как вы обманываете мое доверие? Воистину ваша наглость превосходит всякие границы! Неужели в вас нет хоть искры порядочности, чтобы избрать для своих измен другое место, чтобы не делать этого здесь, где все принадлежит мне? В моем же доме вы смеетесь надо мной! Но я предупреждал вас; я говорил вам, что со мной шутки плохи! Настал час расплаты! Вы уйдете

отсюда, но не так, как вы думаете! Все, что на вас, оплачено мною и принадлежит мне! Голая, без малейших покровов выйдете вы отсюда! Вот эти молодцы сдерут с вас платье и белье, и, гонимая моей нагайкой, голая пройдет вы мимо этих господ, которые с радостью ждут возможности познакомиться с величайшей распутницей нашего времени. Да, голая выйдете вы на улицу, голая можете убираться, куда хотите! Но ни единой тряпочки не вынесете вы отсюда! Подлая... распутная! А вы, сударь, — крикнул он, подскакивая к мужчине, который продолжал стоять в тени, — вы тоже поплатитесь мне... — Он вдруг остановился и с диким изумлением впился взором в лицо незнакомца, как бы не веря своим глазам, но сейчас же отскочил на шаг назад и прерывающимся от волнения голосом воскликнул:

— Боже мой! Ва... ваше...

— Тише! — крикнул король, — без титулованья!

При звуке этого голоса все приглашенные на «веселую комедию» гости шарахнулись в сторону и начали было протискиваться к двери.

Но их остановил повелительный окрик Густава: «Ни с места, господа! Прошу всех остаться здесь!» — а затем он подошел к четырем парням и повелительно спросил:

— Вы знаете меня?

Старший из них помялся с ноги на ногу и робко ответил:

– Где же нам знать всех важных бар?.. Мы – люди маленькие...

Король пытливно посмотрел ему в глаза: парень явно лгал, это было видно сразу. Тогда Густав достал из кармана несколько золотых монет, кинул их парню и сказал:

– Ну, смотрите же, чтобы вы и впредь не знали этого! Выпейте на эти деньги, и пусть грог отшибет у вас память! Да смотрите: если память невзначай вернется к вам, тогда о вас самих забудут люди, да и вы забудете, что существуют на свете вольный воздух и свобода, а теперь вон отсюда! – Он оглядел смущенные лица присутствующих и сказал: – Пипер! Встаньте в дверях и смотрите в коридор, чтобы никому не пришла в голову мысль подслушать нас! Ну-с, а теперь, – повернулся он к Маркову, – теперь потрудитесь ответить мне, сударь, что значит это ваше появление здесь в сопровождении палачей и благородных свидетелей?

– Ваше величество, – ответил Марков, и в тоне его голоса сквозь внешнюю почтительность ярко прорывалась тщетно сдерживаемая злоба. – Я пришел к себе домой, и мне странно слышать вопрос, почему именно я пришел и почему привел к себе тех или иных людей! В этом я никому не обязан отчетом! Конечно, знай я, что встречу здесь ваше величество...

– Значит, вы не ждали встретить меня здесь? Хорошо! Но все-таки, хотя вы и у себя, я требую ответа:

что значит, чем вызвана эта выходка? Что побудило вас инсценировать такой скандал в деле, в котором порядочные люди обыкновенно избегают излишних свидетелей? Вообще я хочу знать, что все это значит?

Голос Густава звучал слишком повелительно, да и Марков имел слишком строгую инструкцию во что бы то ни стало добиваться союза с Швецией, чтобы можно было дальше упрямо отговариваться лишь своим правом хозяина. Проклятое положение! Если бы знать!.. А теперь вся служба может пойти прахом...

— Ваше величество, — сказал Марков, — я не раз получал стороной сообщения, что любимая мною женщина обманывает меня. Я пробовал действовать увещаниями, грозил, умолял, взывал к ее совести — все было напрасно! Госпожа Гюс продолжала обманывать меня. Никто не может требовать от уважающего себя мужчины, чтобы он терпел измену и отказывался от мести. Мне донесли, что сегодня в десять часов у госпожи Гюс свиданье. Вы спрашиваете, государь, почему я привел «палачей и благородных свидетелей»? Я хотел, во-первых, отомстить за измену позором, а, во-вторых, дать всем этим господам доказательства, что такой женщине, как госпожа Гюс, верить нельзя. Ничего неблагородного в такой мести нет и быть не может: я накладывал распутнице заслуженное клеймо и этим давал предостережение другим. Но, конечно, знай я, что встречу здесь вас, государь, я отказался бы от своей

встречу здесь вас, государь, я отказался бы от своей законной мести, так как бывают соперники, с которыми счета невозможны.

— Господа! — сказал король, обращаясь к «благородным свидетелям», — вы, ставшие случайными зрителями этого недостойного фарса, должны присутствовать и при развязке его. Для этого я и удержал вас! Прошу вас выслушать меня. О, этого просит не король, а дворянин, как вы! — и он пылающим взором обвел присутствующих.

Все они склонили головы перед этим взором. Затем Густав продолжал:

— Я не хочу думать, что господин Марков лжет! Я сам — дворянин и не унижу без оснований другого дворянина таким подозрением. Но, значит, господин Марков плохо осведомлен, введен в заблуждение. О, это — обычная судьба тех, кто привык пользоваться не совсем прямыми путями. Бывают монархи, которые любят окружать себя шпионами. И таким монархам нет покоя от вечных заговоров, изобретаемых продажными наемниками, которые боятся потерять свой заработок и потому прибегают ко лжи, раз нет правды. Господин Марков по излишней недоверчивости тоже прибег к услугам шпионов, и, чтобы оправдывать получаемые ими деньги, эти господа изобретали несуществующих любовников. Наконец им посчастливилось: они напали на тень правды... «Тень правды», говорю я, господа,

говорю и настаиваю на этом слове! Сейчас вам станет понятным, почему я выражаюсь так. Я объясню вам все, что произошло между мной и высокоуважаемой Аделаидой Гюс!

Господа! Я и эта дама – старые знакомые. Еще будучи наследным принцем, я познакомился с нею в Париже, и там протекла весна нашей любви. О, не приписывайте слову «любовь» более низменного значения, чем оно имеет само по себе! Не только чего-нибудь интимного – даже самого невинного поцелуя не было между нами. Мы не успели даже признаться друг другу в любви, открыть друг другу свои чувства, как нам пришлось расстаться. После этого мы не виделись, и только вчера – слышите ли вы, господа? – только вчера мы узнали, что взаимно любим друг друга! Но вчера наши чувства были слишком взволнованы, чтобы мы могли спокойно обсудить дальнейшее. Поэтому мы решили встретиться сегодня, и всего только за несколько минут до вашего неожиданного появления, господа, мы пришли к решению, что не позже завтрашнего утра госпожа Гюс известит господина Маркова о невозможности для нее дальнейшей совместной жизни с ним и оставит его дом!

Я надеюсь, господа, вы понимаете, почему я говорю вам обо всем этом. Я не оправдываюсь, о нет! Но случаю угодно было поставить меня в положение человека, тайком крадущего нечто, отнюдь не

принадлежащее ему. Я — первый дворянин своей страны, господа, и должен был снять с себя ту тень, которую набросил простой случай на мое имя. Кроме того, господин Марков только что набросил мрачную тень на имя дамы. Я должен был снять и эту тень тоже! Ведь говорю вам, господа, — и надеюсь, что среди вас не найдется ни одного человека, способного хотя бы внутренне усомниться в правдивости моих слов, — только вчера мы объяснились с госпожой Гюс; значит, люди, докладывавшие господину Маркову о каких-то свиданиях, о каких-то изменах, нагло лгали, и только случайно эта ложь получила, как я уже выразился, тень правды!

Вот то, что я хотел объяснить вам, господа, как дворянин дворянам. Вы должны понять меня. Если бы я был просто дворянином, я не стал бы пускаться в эти объяснения, а обнажил бы шпагу и сумел бы с оружием в руках защитить доброе имя, как свое собственное, так и своей дамы. Но мое положение мешает мне избрать этот путь, да и — видит Бог! — я не желал бы его! Ведь из объяснений господина Маркова можно понять, что он не столь жалеет о потере подруги, как боится смешного положения обманутого. Из моих объяснений видно, что господин Марков обманут не был. Только вчера встреча всколыхнула наши заснувшие чувства, сегодня уже было решено, что госпожа Гюс открыто заявит обо всем Маркову. Значит, обмана не было: значит, нет

напрямую, открыто, без всяких обиняков, сказать, что действительного повода к какому бы то ни было острому разрешению создавшегося положения. Тем не менее, господа, случаю угодно было незаслуженно поставить меня в не совсем удобное положение. Я опять повторяю: в обычных условиях все смешное, все неприятное при подобных обстоятельствах смывается кровью. В данном случае такой исход невозможен. Но, господа, я верю, что вы не захотите заставить меня поплатиться за преимущество ранга! Среди вас я вижу как представителей первых шведских семей, так и представителей иностранных посольств. О первых, я думаю, и говорить нечего! Я уверен, что для них желание короля является законом.

— В этом не может быть сомнений, государь! — воскликнул молодой барон Ферзен.

— Мне особенно приятно слышать это из уст одного из Ферзенов, с которыми ни моему отцу, ни мне не удавалось ладить! — с грустной улыбкой сказал Густав. — Но я и не сомневался в своих дворянах! Поэтому я обращаюсь только к представителям иностранных посольств... Господа! Не найдете ли вы, что будет справедливее, если происшедшее здесь останется между нами?

Среди присутствующих послышался краткий шепот, затем вперед выступил добродушный толстяк, саксонский посланник.

— Государь! — сказал он. — Все мы можем при случае выпить лишний бокал вина и под влиянием его пуститься на какую-нибудь эскападу, которая в винных парах кажется нам забавной. Но хмель не может настолько овладеть нами, чтобы мы забыли честь и совесть. Государь! За себя и своих товарищей торжественно обещаю, что все, чему мы явились здесь свидетелями, будет забыто нами, как только мы переступим порог этого дома!

— Примите мою горячую благодарность, господа! — сердечно сказал король. — Ну, а теперь, милая Адель, нам нужно уйти отсюда! Мы в чужом доме, не будем забывать этого! Правда, господин Марков хотел снять с тебя все, что на тебе одето из купленного им. Ну, да авось он не так сердит, каким хочет казаться, и согласится доверить тебе под мое поручительство все необходимое для переезда по городу! А ты, милый Пипер, окажи дружескую услугу и дойди до ближайшего угла, где стоит моя карета! Теперь уж нечего принимать меры к соблюдению инкогнито, а моей даме будет тяжело шлепать по грязи... Ну так как же, уважаемый господин Марков? Согласны вы доверить мне на несколько часов принадлежащие вам женские одежды? Честное слово, завтра все будет вам прислано в целости! Согласитесь, что в эту промозглую сырость довольно неприятно будет отправиться голой!

У бедного Маркова и без того все давно уже

спуталось в голове. Он чувствовал только, что бесповоротно провалился, что в смешном и позорном положении очутился лишь сам он и что вдобавок этот скверный анекдот может серьезно повлиять на все его дальнейшее положение. Надо было спасать хоть что-нибудь из этого полного крушения.

— Ваше величество! — стоном вырвалось у него. — Не будьте так жестоки ко мне! Ну войдите и в мое положение тоже! Мне говорят, что меня обманывает моя подруга... Я был введен в заблуждение. Каюсь... Да ведь самолюбие-то разве так легко смирить? Конечно, все равно не сегодня-завтра мы расстались бы с госпожой Гюс — уж слишком открыто она выражала мне, насколько я ей неприятен, ну, а она... она, признаться, была мне даже дорога... («Боже мой! Что за чушь я понес!» — промелькнуло у него в голове.) Господи, я сам не знаю, что говорю. Ну, да вы меня понимаете! Я хочу сказать, что мной руководило лишь оскорбленное самолюбие. А теперь я вижу... обмана со стороны госпожи Гюс не было... Меня обманули... обманули те, кто говорил про обман... Ах, что за путаница!.. Но я подавлен, уничтожен. Ваше величество! Не добивайте меня! Умоляю вас! Не надо, чтобы госпожа Гюс сейчас покидала этот дом! Пусть он юридически мой, но фактически он ее... И все ее вещи, конечно, принадлежат ей, а не мне... Господи, в мелочности меня уж никак нельзя упрекнуть! Я хотел мстить, но...

Словом, зачем же так форсировать события? Все объяснилось, все решено... Госпожа Гюс отлично может оставаться здесь, пока ваше величество... Да я вообще отступаюсь от всяких прав на этот дом! Только бы ваше величество простили мне неловкость, которую я – вот ей Богу! – совершил совсем невольно!

Густав, который в начале этой отнюдь не красноречивой речи Маркова начал улыбаться, а в конце открыто хохотал, вопросительно посмотрел на Адель.

– Я тоже нахожу, ваше величество, что форсировать события совершенно ни к чему, – холодно сказала она. – Господин Марков вообще несколько увлекся вначале. Он хотел, чтобы я ушла отсюда голой? Но он забыл, что здесь у меня найдется на порядочную сумму драгоценностей, приобретенных мною абсолютно без его посредства и даже задолго до знакомства с ним! Конечно, я готова подарить их господину Маркову, если он находит, что я слишком дорого обходилась ему, как он выразился. Но именно «подарить», а не «оставить»! Вообще я не хотела бы этого экстренного отъезда! Это имело бы вид бегства, а бегство свидетельствует о виновности. Между тем я ни в чем не чувствую себя виноватой перед господином Марковым! Нет, государь, я просила бы разрешения остаться здесь. Я утомлена, действительно чувствую себя не совсем здоровой. Ровно ничего не случится, если я проведу еще несколько дней в доме, который по праву мой! По крайней мере, собравшийся

доме, который по праву мой! Помимо соображении личного характера я склонна удовлетворить просьбу господина Маркова хотя бы потому, что совершенно не желаю обижать его. Ведь все выяснилось, и выясненное доказывает, что у нас нет причины злиться друг на друга. Мы стали жертвой ошибки, ошибка открылась, ну и расстанемся совершенно мирно! Люди злы; виноват ли Марков, что он слишком легковерен?

Густав подошел к Адели и почтительно поцеловал ее руку.

— Господа! — растроганным голосом сказал он. — Это ли не сердце, это ли не прекрасная, чистая душа. После всего, что произошло, она же защищает того, кто был ее обидчиком! Ну что ж? Ваша воля для меня священна! Завтра я буду иметь удовольствие навестить вас и сообщить о дальнейших планах. А теперь, господа, оставим госпожу Гюс отдыхать! Она заслужила отдых! Примите мой сердечный привет, прекрасная дама!

Король вышел из комнаты, за ним вышли остальные.

Оставшись одна, Адель заперла дверь и упала на диван, не будучи в силах долее выдержать приступ сумасшедшего смеха.

Ах, что за дурак этот Марков и как глупо провалился он! Хороша была его физиономия в этой истории... Вот уж поделом, так поделом!

Но помимо этого, как прекрасно все сложилось!

Теперь Густав уже не будет мямлить, да и нет у него оснований облекать связь с нею в покров таинственности. Она сразу займет то положение, о котором мечтала, станет маркизой Помпадур этого царственного шута, и всем этим, в конце концов, она обязана только Маркову. И ей еще сердиться на него? Ах, как хорошо, как прекрасно все складывается!

И Адель принялась кружиться по комнате в каком-то фантастически безумном танце.

Королевская карета уже поджидала у подъезда. Послав всем приветственный знак рукой, король сел в экипаж и уехал. Молча пошли дальше все свидетели разыгравшегося скверного фарса. Расставаясь с Марковым, фон Раух сказал:

— Черт бы вас побрал, Марков! Надо же было придумать такую глупость и поставить всех нас в идиотское положение! Впрочем, меня утешает то, что вы сами оказались в наиболее глупом положении.

Вслух это сказал только фон Раух, но Марков ясно чувствовал, что про себя это думал каждый из приглашенных.

И оставшись один в эту унылую, гнилую, мрачную осеннюю ночь, он в бессильном бешенстве заскрежетал зубами и погрозил в пространство сжатым кулаком.

Но он не сдавался, нет! Он еще подведет мину, от которой взлетят на воздух все эти господа — и подлая

Гюс, и сам король Густав. Только дай срок!.. Далиле удалось хитростью остричь Самсона и превратить его в раба. Но это торжество было лишь временным, и, когда у Самсона вновь отрасли волосы, он похоронил под развалинами всех врагов вместе с Далилой!

– погоди, дай срок! Волосы еще отрастут... Он еще покажет себя!

И, укрепившись этой мыслью, дипломатический Самсон ожесточенно зашагал дальше.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Венценосный раб

I

Двадцать четвертого января 1779 года король Густав III справлял тридцать третий год своего рождения.

Нельзя было сказать, чтобы этот день начался особенно удачно для короля! Еще утром в постели он получил целую кучу газет, и каждый печатный лист заключал в себе нечто такое, что заставляло короля болезненно ежиться.

Да, в Швеции царила полная свобода печатного слова, это сразу было видно! Нисколько не стесняясь,

газеты весьма прозрачно высмеивали своего государя, выставляли напоказ всю его интимную жизнь, обливали целыми ушатами грязи его отношения с Аделаидой Гюс. Это бывало всегда, но именно сегодня, ко дню рождения короля, бесстыдство прессы достигло какого-то неистовства. Все газеты словно сговорились отметить этот день особенно язвительными эпитафиями и сатирическими выпадами, а в довершение всего — в одной из газет был напечатан «Послужной список знаменитой Г.». Какой наивный человек мог не узнать Адели под этой прозрачной буквой? Но что за грязный пасквиль представлял собою этот «послужной список»? Все прошлое этой гетеры было беззастенчиво развернуто перед публикой, и в сжатом, но сильно шаржированном виде были представлены ее приключения. А в виде заключения газета задалась вопросом, какой уважающий себя и не совсем лишившийся последней капли разума и совести человек решится приблизить к себе подобную особу?

Густав знал, чья рука руководила всей этой травлей в газетах, чья рука подавала в театре знак начинать шуметь и свистеть во время выходов Адели, чей кошелек оплачивал услуги низкого сброда, порою забрасывавшего королевскую фаворитку грязью во время ее прогулок. И все-таки, даже зная это, он был бессилён предпринять что-либо!

Да, всем этим руководил Марков, русский посол

при стоковольмском дворе! Теперь Марков жил очень скромно, очень мало тратил на себя лично и не заводил никаких дорогостоящих связей, но все свои деньги тратил на то, чтобы собрать вокруг себя кружок лиц, враждебных Густаву и Гюс. В этот кружок входили литературные забулдыги, отличавшиеся бесспорным остроумием и бесспорной беспринципностью, готовые предоставить свое язвительное перо всякому, кто пожелает оплатить их беспутную, разгульную жизнь. Эти господа были «солью», главным действующим началом марковской пайки, так как их эпиграммы и сатиры подхватывались налету народом и проникали таким образом в широкие и самые разнородные массы. Но кроме них в этом кружке было много и таких лиц, которые считали травлю венценосного донжуана своим принципиальным долгом.

Лица этой категории отличались крайним разнообразием общественных положений и политических взглядов. Здесь были представители старых аристократических родов, которые не могли простить королю его демократизма (расширение Густавом прав народа за счет исконных привилегий знати), были демократы из народа, которые не могли простить королю самодержавные тенденции (отличаясь страстью к реформам, Густав никогда не считался, нужны ли они стране и желает ли их народ), и почти вся датская колония, во главе с датским послом, которая

находила, что отношения Густава с актрисой наносят незаслуженное бесчестье королеве Софии Магдалине, в девичестве принцессе датской. Все эти лица сходились в одном: надо сделать личность Густава как можно более непопулярной в народе, выставляя в надлежащем свете ту, которую он открыто приблизил к себе.

В эту же пайку входили лица, не имевшие никаких счетов с королем — ни личных, ни идейных, — но просто любящие примкнуть всюду, где пахнет забавным скандалом. Были здесь и враги самой Гюс — отвергнутые поклонники, завистливые актрисы и дружки последних. Словом, кружок отличался большим разнообразием членов, и это обеспечивало ему успех и популярность.

Густав не мог понять, как это русское правительство допускает подобную деятельность своего представителя. Ведь травля была не только дерзкой и неприличной для посла; она была и нелогичной, так как одновременно с этим русское правительство добивалось через того же Маркова утверждения дружественных сношений!

Конечно, шведский король не мог знать, что Марков сумел внушить графу Панину мысль о необходимости такого образа действий. Посол докладывал, что противодействие Швеции союзу имеет истинной причиной тайное влияние Аделаиды Гюс на короля. Гюс считает себя обиженной императрицей Екатериной, не может простить роль государыни в истории с Оловом, затем, пожелавший फिर свою

истории с Орловым, затем — печальный финал своих разоблачений о смерти Кати Королевой и — негодзяка — пользуется своим влиянием на влюбленного короля, чтобы разрушить все начинания русского правительства. Надо или отказаться от всяких надежд, или сломить ее! Но чем? Денег для этого понадобилось бы слишком много, да и не удивишь ничем эту гетеру, раз шведский король готов в любой момент сложить к ее ногам всю национальную казну! Единственным средством была такая травля. Что-нибудь одно — или Гюс сдастся на капитуляцию и откажется от контринтриги, или скандал разрастется до такой степени, что королю придется расстаться с нею.

Панин, не видевший оснований не верить Маркову, согласился с ним и поставил ему условием лишь одно: действовать на свой страх и риск, отнюдь не замешивая в интригу русского правительства.

Густав не мог знать всего этого и потому искренне недоумевал. Он не считал возможным предпринять какие-нибудь официальные шаги: ведь травля марковской шайки была направлена не против государя, а против возлюбленного артистки Гюс! Это была интимная сторона его жизни, а король знал, как относится императрица Екатерина к нападкам на интимную жизнь монархов. Однажды ей принесли гнуснейший пасквиль, написанный по поводу одного из ее увлечений. Потемкин, знавший, кто — автор пасквиля,

требовал сурового наказания. Но Екатерина ограничилась тем, что написала на докладе: «Пасквиль касается женщины, и царица может только презирать наглого клеветника!»

И в данном случае травля касалась возлюбленной мужчины, а не шведского короля. Поэтому Густав ограничился тем, что предписал своему послу в Петербурге неофициально поставить русское правительство в известность о поведении посла. Однако и это не привело ни к чему.

И вот теперь, в это утро тридцать третьего года своего рожденья, король особенно болезненно сознавал свое бессилие! Грязным потоком лились инсинуации, тучей moskitov вились около царственного чела колкие эпиграммы, а он... он только в бессильной злобе кусал пальцы. Будь король обыкновенным дворянином, он мог бы со шпагой в руках потребовать к ответу клеветников. Всех их поставил бы он к барьеру и заставил бы умолкнуть... Но он был королем! Положение и обязывало, и связывало!

А Адель?

Жуткая дрожь прошла по телу Густава, когда он вспомнил о Гюс. Ведь она тоже, наверное, уже прочла всю эту грязь, и сегодня, когда он заедет к ней, его, наверное, ждет адская сцена. Опять польются упреки в слабости, в неумении поддержать свое достоинство, в нежелании отстоять честь любимой женщины, в

лживости любовных уверений... И опять будут слезы, жалобы, угрозы разрыва!.. Ах, Адель – женщина! Поэтому-то она и не может понять такое простое обстоятельство, что он, Густав, – только король и что в известных случаях жизни этого очень мало!

II

Первым, явившимся поздравить царственного новорожденного, был граф Шеффер, прежде гувернер, а затем большой друг и преданный советник короля. С трудом дождавшись конца его поздравлений, Густав спросил:

– Милый граф, читали ли вы газеты сегодня?

– Читал, как и всегда, государь!

– Ну, и...

– И очень смеялся!

– Шеффер!

– Ну конечно, государь! А разве вы сами не находите, что шведы становятся все остроумнее и остроумнее? Я положительно считаю, что теперь они не уступают в этой области даже французам, признанным мастерам искусства эпиграммы! А это – очень хороший признак, государь! Недостаток остроумия, неумение шутить доказывают умственную вялость народа, его неспособность легко воспринимать и отзываться на все события! Я рад, что шведы начинают в

сменяющихся событий: я рад, что шведы начинают в совершенстве овладевать этим могущественным оружием, и приписываю быстрый расцвет отеческим заботам вашего величества, так много сделавшего для умственной культуры своего народа!

Густав криво усмехнулся.

— Я сделал все, что мне предписывал долг монарха. И вот благие результаты! На мне же шведы испытывают прочность орудия, дарованного им, как вы говорите, мною самим! Да неужели вы не знаете, не хотите знать, что весь этот подлый поход поднят не шведами, а русским послом, за которым шведы пошли, как глупое стадо баранов? О, как много отзывчивости, умственной живости, душевного величия надо иметь для того, чтобы ради низменных интересов наглого чужеземца обливаться грязью своего же монарха!

— Но, ваше величество, мне кажется, вы введены в заблуждение! Я как раз обратил внимание, что во всех этих выпадах ни прямо, ни косвенно не затрагивается особа монарха! Правда, вашему величеству иной раз достается, но не как государю, а как поклоннику той, на которую обрушивается общее негодование!

— Я не могу до такой степени разделять короля и человека! Все знают, как дорога мне эта дивная женщина, и самый элементарный такт должен был бы научить этот сброд относиться с уважением к той, которая облегчает королю тяготы правления!

– Но, ваше величество, если народ привык высоко ставить своего государя, он делается очень требовательным ко всему, что его касается! Если бы вы, ваше величество, стояли низко в глазах народа, никого не удивило бы, что вы приблизили к себе недостойную женщину.

– Недостойную женщину! Да ведь это – редкая душа, удивительно чистая натура, дивное сердце!

– Насколько мне известно, все факты, приведенные в этом памфлете, отнюдь не измышлены! Разве неправда, что госпожа Гюс была избита Орловым за ряд самых вульгарных измен? Разве неправда, что, вернувшись во Францию, она открыто продавалась первому встречному, имеющему возможность заплатить за это удовольствие достаточную сумму? Вспомните, ваше величество, несколько лет тому назад вы проверяли эти слухи, и они оказались истиной! И разве неправда, наконец, что эта самая госпожа попала в подруги шведского короля прямо из объятий господина Маркова? Государь! Все это – факты, и потому...

– Я не могу придавать факту такую ценность, милый Шеффер! Если бы важен был только факт, суд не интересовался бы мотивами. А вы знаете, что при наличии двух одинаковых фактов и суд, и общественное мнение выносят совершенно различные приговоры. Да, прошлое моей Адели было полно грязи, и она первая не может забыть это! Если бы вы знали,

граф, как тяготит, как убивает ее это прошлое!.. Но сколько бы ни было грязи в прошлом этого светлого существа, душа ее осталась незапятнанной! Нельзя осуждать не зная. А тот, кто чернит эту дивную женщину, тот именно не знает тяжести тех обстоятельств, которые толкали ее на зло!

— Но, ваше величество, раз народ не знает...

— Раз он не знает, он должен молчать из уважения к королю. То, что находится в священной близости монарха, само становится священным! Народ должен знать, что государь не может выступить защитником в области своей интимной жизни. Но шведы пользуются беззащитностью монарха, злоупотребляют дарованной мною им свободой! Ну, так я лишу их ее! Детям нельзя позволять болтать все, что им взбредет на ум! Шведы доказали, что в этом отношении они — еще дети, и я дам им гувернера, который вовремя зажмет им рот! Граф Шеффер, в самом непродолжительном времени в Швеции будет введена цензура!

— Ну, что же... если ваше величество находит это необходимым... Но разрешите мне дать вам по старой памяти добрый совет, государь?

— Что за вопрос, Шеффер!

— Так вот, государь, накануне того дня, когда ваше намерение станет известным, окружите дом, где живет ваша подруга, патрулем и впредь не позволяйте ей выезжать без охраны!

высказать ее сарказм.

— Что за дичь, Шеффер! К чему это?

— Но мне кажется, что вы, государь, очень привязаны к госпоже Гюс и вам будет жаль потерять ее! Между тем, если цензура будет восстановлена, то все поймут, что это сделано из-за нее, может быть, припишут даже ее влиянию эту меру, и вполне возможно, что будут произведены попытки свести с нею счеты. Там, где затрагивают свободу, народ не разбирает пола, государь! Да, государь, восстановление цензуры именно теперь — как раз та мера, благодаря которой Гюс из осмеиваемой народом станет ненавидимой им!

— Ах, — воскликнул Густав, со стоном хватаясь за голову, — как бессилён государь, как эфемерна его власть! — он подумал минутку и глухо продолжал: — Вы сразили меня этим доводом, милый Шеффер. Да, вы правы! Такой мерой я достигну как раз противоположных результатов! Нападки станут еще злее, только теперь пасквили пойдут втихомолку по рукам... Нет, пусть уж ругаются вслух! Но должен же я сделать что-нибудь для моей Адели? За что она страдает, бедняжка? Да неужели она должна платиться за то, что полюбила не самого обыкновенного человека, а короля?

— Но, государь, мне кажется, что госпожа Гюс пожаловаться не может! Государыня какого-нибудь маленького немецкого княжества не имеет такого

дворца, такого пышного штата и не располагает такими драгоценностями и средствами, как эта артистка-мещанка!

— Ах, что там роскошь и богатство! Разве мало видела всего этого Гюс? Однако она небрежно смеялась над самыми богатыми и щедрыми друзьями, которые не могли затронуть ее сердце! Я — первый, кто сумел пробудить в ней чувство, и, если бы я был хоть простым матросом, она все бросила бы и пошла бы за мной! Шеффер, мой старый, верный друг! Ведь эта дивная женщина подарила мне весенний расцвет своего еще не любившего сердца! Я должен бессильно смотреть, как за это ее обливают грязью? Нет, граф, великодушие — лучшая добродетель королей! А я только беру, но ничего не даю взамен!.. Но я знаю, что я должен сделать! Я вознесу Адель так высоко, что ни один комочек грязи не достигнет ее! Я возведу ее в дворянское достоинство под именем графини Лильегорн и приравняю...

— Ваше величество! — испуганно крикнул Шеффер. — Умоляю вас: только не это...

— Я не понимаю вас, Шеффер! Уж это-то, кажется, составляет неоспоримую прерогативу монарха. Кому какое дело до этого? Вспомните графиню Дюбарри...

— Государь! — сердечно сказал Шеффер. — Позвольте мне на минутку стать опять прежним гувернером, который так любил порученного его заботам маленького принца и всегда горячо принимал к сердцу его

интересы! Позвольте мне также стать действительно «старым, верным другом», как только что милостиво назвали вы меня, и коснуться...

— Ах, что за предисловие! К делу, к делу, милый Шеффер!

— Вы, государь, только что упоминали о графине Дюбарри! Да, старый, выживший из ума король Людовик XV сделал графиней мелкую распутницу Марию Вобернье! Но, во-первых, он не *даровал* ей этого сана, а подыскал услужливого придворного, который на ней *женился*. Следовательно, графский титул госпожи Дюбарри никто не мог оспаривать: он был законен и лежал на совести льстивого царедворца, унизившегося до торга старым, почтенным именем отцов! А, во-вторых, трудно привести более разительный пример, чем любой факт из последних лет жизни покойного французского короля! Ведь история графини Дюбарри, говорит о том, чего не должен делать монарх! Да, государь, вспомните только, во что обратилась ныне еще недавно сильная французская монархия! Ведь это — разваливающееся государство! Каждый момент можно ждать взрыва, и молодому королю придется жестоко расплачиваться за грехи деда^[3]. А ведь все это произошло только потому, что Людовик XV...

— Милый Шеффер, уж не хотите ли вы сравнивать меня с этим королем, который так часто унижал свой сан?

– Боже упаси меня от этого, государь! Я именно хочу доказать, что вашему величеству не приличествует сравниваться с этим монархом! Но даже и не это, собственно говоря, хотел я сказать вам! Имя графини Дюбарри, упомянутое вашим величеством, напомнило мне о том, при каких обстоятельствах мне пришлось недавно слышать его. Дня три тому назад я был у ее величества королевы, у которой собралось небольшое общество близких дам. Случайно разговор зашел о театре, об актрисах, и тут-то ее величество упомянула имя госпожи Гюс...

– В смысле такта ее величество вообще оставляет желать лучшего.

– Уж не помню теперь, к чему, но кто-то упомянул имя графини Дюбарри. И вот тут-то ее величество со свойственной ей прямоотой заявила, что она не потерпела бы подобного. Пока король просто забавляется, она еще способна смотреть сквозь пальцы...

– Смотрением сквозь пальцы она называет, вероятно, те сцены, которыми угощает меня так часто.

– Но, – заявила королева, – если бы ее супруг вздумал осыпать свою развратную любовницу знаками высших почестей, то для нее, королевы, остался бы только один выход, это – развод!

– И ведь сумасшедшая баба и в самом деле способна выкинуть такую шутку! – сокрушенно сказал Густав. – Ну

что я за несчастный человек! Я шагу ступить не могу, чтобы со всех сторон не возникали препятствия... Развод! Она способна на это! Но это вызвало бы войну с Данией, а сейчас... Шеффер! Ну скажите хоть вы, что мне делать?

— В данный момент или вообще, ваше величество?

— И в данный момент, и вообще!

— Вообще — не знаю, а в данный момент вашему величеству необходимо одеться и поспешить в тронный зал, где депутации уже ждут чести приветствовать ваше величество! Депутация сената явилась уже с четверть часа тому назад, а только что прибыл весь дипломатический корпус.

— Ах, и это еще ждет меня! Как хотелось бы мне именно сегодня не видеть мерзкой физиономии этого Маркова! Но что поделаешь! Вы правы, Шеффер, правы, как всегда! В данный момент мне, прежде всего надо одеться... Ну, так до свиданья, милый, верный друг мой! Да, вот что еще, Шеффер: как вам известно, сегодня во французском театре парадный спектакль с участием Гюс; после спектакля я на минуточку покажусь за ужином и уеду к Гюс, где соберется еще кое-кто из друзей. Я буду очень рад видеть и вас там!

— Ваше величество... я сочту за честь... — пробормотал Шеффер, скрываясь в дверях.

Уходя к себе, Шеффер с грустью думал, что тайная миссия, которую он сам возложил на себя перед поздравлением короля, к сожалению, кончилась полным провалом. Шеффер надеялся завести с королем разговор о его отношениях с Гюс и убедить его, что эти отношения необходимо изменить или, еще лучше, прекратить совсем.

Сначала король пошел как бы навстречу ему и сам заговорил о Гюс. Но из дальнейшего выяснилось, что Густав слишком увлечен своей пассией и что нужно думать лишь о том, как бы предохранить его от дальнейших неразумных шагов.

Да, цепку забрала эта Гюс в свои руки короля, и он, как покорный раб, пресмыкался у ее ног! Но что же за сила была заключена в этой женщине, чем именно взяла она так короля?

Впрочем, актрисы всегда пользовались особенным успехом, и история явила немало примеров головокружительной карьеры многих «принцесс парусиновых дворцов», отличавшихся более чем сомнительным поведением и все же добивавшихся выдающихся партий.

В чем была тайна этого влияния? Правда, еще в древности гетеры пользовались значительным влиянием. Но ведь они не были такими распутницами, как все эти Гюс Госсю и компания! Афинские гетеры

как все эти тусовки, тусовки и компании. Харизматичные гетеры отличались красотой, умом, выдающимся образованием и по большей части бывали верны избранникам сердца. В их домах собиралось общество лучших умов, и там порою принимались важные решения, выяснялись крупные философские истины. Это были просто свободолюбивые женщины, не желавшие связывать себя цепями брака, но находившие, что для девицы поприще общественной деятельности слишком узко. Однако, находя себе мужчину по плечу, они не отказывались от честного супружества. Вышла же Аспазия за Перикла! Вовсе не то представляли собой все эти развратницы подмоштков. Самыми грязными скандалами бывало окружено имя любой из них; но чем громче был скандал, тем сильнее становилось обаяние!

И покачивая своей умной, седой головой, граф Шеффер припоминал историю знаменитейших артисток, сделавших блестящую карьеру.

Родоначальницей их надо считать Феодору, танцовщицу и открытую распутницу, что все же не помешало ей стать супругой императора Юстиниана!

Элеонора Гвайн, рыночная торговка в детстве, потом актриса, стала любовницей Карла II Английского; она прижила с ним сына, и последний был возведен королем в герцогское достоинство.

Девица Флоренсак, французская актриса, была открытой сожительницей герцога Орлеанского Филиппа

II. Родившийся от этого сожительства сын был возведен в сан архиепископа Камбрэйского.

Мария Анна Киноль, сочлен труппы театра «Комеди Франсэз», стала супругой богатейшего, глупейшего и аристократичнейшего графа де Невэр. Людовик XV наградил ее орденом Святого Михаила!

Мангеймская актриса Жозефа Зейферт, возлюбленная баварского курфюрста Карла Теодора, получила титул графини Гейдек, а рожденный ею сын – князя Бреценгейм.

Розалия Дютэ, фигурантка парижской оперы, пройдя через руки многих поклонников (среди них особенно известны герцог Дюрфор и маркиз де Жанлис), попала к герцогу Луи Филиппу Орлеанскому, который был настолько пленен ею, что не мог провести дня без нее и посещал ее ежедневно. По этому поводу остроумные парижане каламбурили, что герцог Луи Филипп привык «prendre tous les soirs du the»^[4].

Английская актриса Мэри совсем было вскружила голову принцу Уэльскому (впоследствии королю Георгу IV), и не ее вина, если их связь не продлилась больше года: в их отношения вмешался король-отец. Зато другой английской актрисе, Елизавете Фэррен, немало погрешившей в свое время, удалось стать женой графа Дэрби, представителя знатнейшей английской семьи.

Ну, а брат Густава III, герцог Фридрих-Адольф Остготландский? Разве не забыл он обо всем в объятиях

шведской актрисы Софии Авфросинии Гагман?

Да, что-то роковое было в этих сетях, которыми умели опутывать «принцессы парусиновых дворцов» сильных мира сего. И король Густав тоже был опутан. Было бы бесполезно стараться порывать теперь опутавшую его сеть – этим можно лишь сильнее затянуть ее, но необходимо было стоять на страже, чтобы не дать авантюристке толкнуть короля на что-нибудь уж очень нелепое!

Раздумывая так, Шеффер направлялся в вестибюль, как вдруг его нагнал один из пажей и передал желание королевы поговорить с ним.

Шеффер поднялся в апартаменты Софии Магдалины. Он застал королеву сильно взволнованной, а ее красные веки свидетельствовали, что она недавно плакала.

С первых же слов София Магдалина обрушилась на графа целым каскадом жалоб. Далее так продолжаться не может! Король забывает все приличия, забывает о своем сане, о священных обязанностях монарха! Скандал слишком разросся! Каково ей, королеве, читать, как ее мужа чуть ли не ежедневно обливают помоями! Но, видно, ему мало этого: только что ей, королеве, передали из верных источников, что Густав собирался пожаловать своей метрессе графский титул и уже приказал архивариусу подыскать что-либо подходящее. Этого она ни за что не допустит! Пуще она приведет в

ни за что не допустит: лучше она приведет в исполнение свою угрозу и разведется с королем, чем допустит совершиться такому открытому скандалу. Король потерял голову, он сам не знает, куда его увлекает позорная страсть. Но какой скандал, какой скандал! Она должна будет развестись – нельзя терпеть это! Но развод будет не менее скандален, возможна война... Да и каково будет ее положение разведенной королевы? Между тем король упрям, и если он уж что вбил себе в голову... Вот поэтому-то она и решила посоветоваться с графом Шеффером, который один только и может иметь какое-нибудь влияние на короля!

– Ваше величество, – сказал Шеффер, – позвольте ли вы мне говорить совершенно откровенно, без недомолвок?

– Но я прошу вас об этом!

– В таком случае извините меня, государыня, но до известной степени вы сами виноваты в том, что король заходит так далеко!

– Я? Но каким же образом?!

– Я сейчас объясню это вашему величеству. Но сначала разрешите мне один вопрос: кто негодует на поведение короля – королева или супруга?

– Супруга? – София Магдалина пренебрежительно повела плечом. – Это было бы смешно с моей стороны. Ведь вы знаете, милый граф, что наш брак был обычной политической сделкой и что с самого начала король

делал все, чтобы не внушить мне никаких теплых чувств к нему... Уж не думаете ли вы, что я ревную его. Нет, меня только оскорбляет, когда он публично и в моем присутствии начинает до неприличия открыто заглядываться на других женщин. Я требую, чтобы он не ставил меня в нелепое положение и на виду у других не забывал, что он – король, а я – королева! Ревновать его!... С тех пор как я дала Швеции наследника трона, ни мне от него, ни ему от меня больше ничего не надо. Нет, милый граф, супруга равнодушно молчит, и только королева требует, чтобы с нею считались!

– Значит, королева заинтересована не в том, чтобы галантные приключения короля прекратились...

– Было бы слишком наивно желать этого!

– А в том, чтобы эти приключения не выходили из рамок приличия. Хорошо. Теперь позвольте мне предложить еще несколько необходимых вопросов. Если не ошибаюсь, на прошлой неделе на интимном вечере у вашего величества был русский посол Аркадий Марков?

– Но я не вижу в этом ничего особенного.

– Значит, ваше величество не знает, что Марков открыто стоит во главе той клики, которая стремится раздуть скандал как можно больше! Затем, известно ли вашему величеству, что датский посол тоже принимает участие в этой травле, основываясь на необходимости защищать шведскую королеву, являющуюся в то же время датской принцессой?

— Уж не думаете ли вы, что он делает это по моему желанию?

— Боже меня упаси! Смею ли я думать это? Я только хотел отметить этот факт, который приобретает некоторое значение, так как за послом идет вся датская колония. Затем, обратили ли вы, ваше величество, внимание, что недавно в театре, когда Аделаиде Гюс была устроена враждебная демонстрация частью зрителей, в этой части были также некоторые кавалеры и дамы из числа приближенных вашего величества, например, граф и графиня Бьелке, один из Флеммингов, молодой барон Ферзен, граф...

— К чему вы перечисляете мне их имена? Неужели вы думаете, что меня касается, как относятся мои приближенные к игре того или иного артиста? Если они шикали, значит, игра Гюс заслуживала того!

— Нет, ваше величество, и вы сами знаете, что игра Аделаиды Гюс ничего, кроме одобрения, не заслуживает! Злейший враг этой госпожи в душе должен признать, что это — великая актриса. Вся беда в том, что театром пользуются для сведения с нею особых счетов, и вот это-то ухудшает то дело, о котором вашему величеству благоугодно советоваться со мной. Сведения, сообщенные вам, государыня, совершенно верны: всего полчаса тому назад король поделился со мной намерением дать госпоже Гюс титул графини Лильегорн...

— Боже! Я так и знала!

— Но мне удалось отговорить его величество от этого намерения...

— Неужели? Неужели, милый граф, вам и в самом деле удалось это?

— Но я отнюдь не могу ручаться, что в скором времени король вновь не нападет на эту мысль с тем, чтобы обязательно осуществить ее! Очень возможно, что это случится уже завтра, именно завтра, если ваше величество не соизволит помочь мне удержать его величество от этого необдуманного шага!

— Господи, могу ли я не захотеть? Что я должна сделать для этого?

— Прежде всего, вашему величеству необходимо твердо усвоить себе философское значение артиллерийской истины: сила взрыва зависит от сопротивления. Заверните порох в бумагу и подожгите его — ничего кроме вспышки не получится! Но, чем прочнее будет стенка, тем сильнее взрыв... Вы сами изволили заметить, что король по натуре очень упрям. Но взрывчатая сила его души невелика, и, не будь сопротивления извне, ничего особенного не произошло бы. Короля раздражает травля, предпринятая против его увлечения, и, чем больше оскорбляют Гюс, тем сильнее стремится он вознаградить ее, чем ниже хотят поставить ее враги, тем выше стремится вознести ее король. Вот

почему его величество афиширует свои отношения к ней, вот почему он додумался до дарования ей графского титула, и если дело пойдет так и дальше, то его величество способен еще – Боже упаси! – сделать эту гетеру статс-дамой шведской королевы! Кроме того, это преследование придает королевской фаворитке ореол романтичности, что только усиливает страсть короля. Но стоит сегодня смолкнуть вражде – и уже завтра королю и в голову не придет дразнить общественное мнение. В тиши подаренного ей дворца он будет вкушать свое счастье, которое не продлится долго, потому что – повторяю – только желание идти наперекор, только упрямство поддерживает эту страсть. Мало-помалу король разглядит все недостатки, все пороки своей подруги, и тогда...

Шеффер сделал рукой движение, как бы отрезая что-то, и замолчал, пытливо глядя на королеву.

София Магдалина задумчиво смотрела в окно. После недолгой паузы она сказала:

– В ваших словах очень много правды, граф. Эта травля только ухудшает положение, это так! А к тому же, право, эта низкая женщина не заслуживает подобных гонений. Гонения возвеличивают, очищают... Да, вы правы! Но мне все же не легче от этого. Ведь я не принимаю участия в марковской шайке, в этом вы можете мне поверить! И едва ли в моей власти сделать что-нибудь!

— Во власти вашего величества очень многое: например, предупредить или смягчить скандал, который должен разыгаться сегодня на парадном спектакле. Во-первых, вашему величеству непременно нужно отказаться от намерения уклониться от присутствия на этом спектакле. Мало того, вам, конечно, известно, что публика обыкновенно ждет, пока в королевской ложе не раздадутся аплодисменты. Но уже несколько раз бывало, что когда его величество подавал знак к аплодисментам, часть публики отвечала на это воем, свистом, шиканьем. Тогда король высовывался из ложи и с гневным видом принимался отчаянно аплодировать. Получался страшный скандал. Такой же скандал умышленно готовится сегодня. Я советовал бы вашему величеству первой подать сегодня сигнал к аплодисментам. Затем, в первом же антракте следует вызвать госпожу Гюс в королевскую ложу и сказать ей несколько милостивых слов по поводу ее игры. Вашему величеству не придется кривить душой: ведь сегодня Гюс выступает опять в «Заире» — в роли, в которой у нее нет соперниц! Таким оборотом дела вы поставите в тупик большую часть публики, которая воображает, будто враждебные демонстрации угодны вам. Затем было бы очень хорошо, если бы вы, ваше величество, поговорили с датским посланником и сумели дать ему понять, что поведение датской колонии оскорбляет и возмущает вас: никто не должен осмеливаться становиться судьей между

царственными супругами. Этим шагом вы совершенно неожиданно отнимете у врагов значительную часть союзников, скандал будет предотвращен, и его величеству уже не придется завтра думать о том, чем наградить госпожу Гюс за понесенный ею affront!

— Вы правы, милый граф, я вижу, как хорошо я сделала, что обратилась к вам! Вы — истинный, верный друг короля! Я согласна с вами и в точности последую вашему совету!

Королева протянула Шефферу руку; он почтительно поцеловал ее и ушел, милостиво отпущенный Софией Магдалиной.

IV

Марков гордо восседал в своей ложе и с тайной радостью ждал начала спектакля. О, славную комедию разыграют они сегодня! То, что произошло недели две тому назад, было просто маленькой репетицией, проверкой действующих сил! Но сегодня было решено устроить полный разгром, такой провал, что — пусть хоть полиция вмешается! — спектакль будет неминуемо сорван! И это на парадном спектакле, в день рождения короля!

Посол заранее потирал руки от радости! Так приятно будет сидеть с олимпийской неподвижностью и спокойно наблюдать за разгромом и провалом! Уж

и спокойно любоваться взнесенным лицом короля: уж не кинется ли он драться на кулачках с обидчиками его ненаглядной Адели? Ха-ха! Вот это была бы действительно картинка! Да, бессилен король сделать что-либо, бессилен помешать задуманной мести! Никто не боится его. Сама королева открыто возмущается его поведением, и усиленно поговаривают, что она окончательно решила развестись с мужем. Тогда неминуема война с Данией; ну, а знать воспользуется этим благоприятным моментом, чтобы свести счеты с королем, который вовлекает страну в такое бедствие из-за распутной бабы. Король будет свергнут... Вот тогда-то Марков посмеется ему в лицо! Вот тогда узнают и он, и эта подлая Гюс, что значит насмеяться над ним, Марковым! И чем сильнее разыграется сегодняшний скандал, тем скорее решится королева на этот шаг! Правда, говорят, она отказалась присутствовать сегодня на спектакле — новый щелчок по длинному носу Густава! — но завтра газеты будут на все лады смаковать происшедший скандал!

Но вот дверь в королевской ложе открылась... Что это? Королева все-таки приехала? А, она, наверное, тоже хочет быть свидетельницей веселой комедии, тоже хочет послушать, как станут заливаться трещотки, припасенные кое-кем из его друзей.

А вот за королевой показалась долговязая фигура Густава... Добро пожаловать, милый король, добро

пожаловать! Ты позабавишься сегодня всласть!

Королевская семья заняла места, и спектакль начался. Марков почти не следил за действием; его взор напряженно бродил по рядам зрителей, разыскивая знакомые лица союзников. Но вот Адель начала свой монолог, который всегда снискивал ей аплодисменты. Ага, близилось начало потехи! Марков напряженно уставился на королевскую ложу, чтобы налюбоваться бешенством короля. Вот замирают последние переливы монолога... Сейчас король подаст пример аплодисментам, и разразится буря свиста, воя, лая, треска...

Но что это? Сама королева первая зааплодировала? Но это – ошибка, это невозможно! А где же демонстрация? Вся публика аплодирует; аплодируют датчане, аплодируют приближенные королевы... Если кто и пытается, может быть, свистнуть, разве услышишь единичный знак протеста в этой буре восторгов?

Но что это? Человек, сидящий рядом с Ферзенем, достал трещотку и попытался завертеть ей, но Ферзен сейчас же цепко ухватил его за руку и заставил прекратить попытку произвести шум... Нет, это – кошмар какой-то, что же произошло?

Или, может быть, решили отложить скандал под конец? Очень возможно, даже наверное это так! Если же его, Маркова, не предупредили об этом, то оно и понятно – прямо из дворца он заехал на минутку к Лили

Якобсон, да и завертелся с этим бесенком.

Но что это за движение в королевской ложе? Король встал; к королеве, сидящей у самого барьера, подходит какая-то дама. Да ведь это — Гюс! Королева милостиво беседует с нею, затем снимает с груди бриллиантовую брошь и протягивает ей с очаровательной улыбкой.

Может быть, он, Марков, спит? Может быть, у него горячечный бред?

Нет, не в кошмарных грезах представилось это ему! Затея была провалена, скандал не состоялся. Чья-то враждебная рука властно вмешалась в игру и все испортила.

Если бы это было возможно, Марков сейчас же уехал бы из театра. Но это значило бы открыто признаться в своем поражении, подчеркнуть свою роль в замысле... Нет, такого торжества он не доставит врагам! Впрочем, им рано торжествовать вообще! Еще не все козыри пущены в ход, и не удалось сегодня одно, так завтра может удался другое.

Бедный! Он не знал, что в этот момент над ним уже собирались тучи и что ему самому с неожиданной стороны грозил крупнейший провал!

Спектакль прошел при непрерывном успехе и обошелся почти без инцидентов, если не считать одного факта, хотя и порожденного резким по существу, но быстро

факта, хотя и довольно резкого по существу, но быстро утонувшего в общем успехе.

После третьего акта Адель вызывали особенно бурно. Долго стояла она на авансцене, кланяясь публике, шумно приветствовавшей артистку. Наконец аплодисменты стали замирать, и Адель собралась уже уходить, как вдруг сквозь редкие отдельные всплески хлопков прозвучал чей-то голос:

— Браво, распутница!

В первый момент все до такой степени ошеломенели, что на короткий миг воцарилась гробовая тишина. Но сейчас же буря аплодисментов покрыла эту тишину и растворила все впечатление от выходки, автора которой решительно никто не мог определить. Был ли он таким искусником или волнение придало его голосу чревоушительный характер, но только сидевшие слева думали, что голос раздался справа, а сидевшие справа — наоборот.

Однако Адель не осталась в неведении личности оскорбителя. Она сразу узнала его голос, и ее сверкающий взор сейчас же отыскал молодого гвардейского офицера, сидевшего, скрестив руки, в четвертом ряду у широкого прохода. В последний раз поклонившись публике, она ушла, выгнала из своей уборной набившихся туда поклонников и приказала театральному лакею позвать к ней офицера Анкарстрема, сидящего там-то.

Едва только замолк шум аплодисментов, как София Магдалина обернулась к супругу и сказала так, чтобы ее слышали лица свиты:

— Какая недостойная выходка! Кто имеет право оскорблять артиста, как человека. Здесь она — великолепная, неподражаемая Заира, и только! Право, ваше величество, на вашем месте я пошла бы к бедняжке и сказала бы ей в утешение несколько ласковых слов! Она заслужила это — ведь она так прекрасно играет сегодня!

Густав и без того беспокойно двигался на стуле; его самого подмывало вскочить и кинуться к Гюс. Но Шеффер был прав, когда определял характер своего царственного воспитанника; в этот вечер он был доволен публикой, королева тронула его тем, что сама первая зааплодировала и, не чувствуя сопротивления, он вел себя уже гораздо обдуманнее. Ведь если бы он сейчас же полетел утешать Гюс, это поставило бы и его самого и королеву в смешное положение!

Но теперь София Магдалина еще более растрогала его, облегчив ему выход.

Густав встал, нежно поцеловал руку жены и шепнул ей: «Поверьте, я умею ценить дружбу! Вы — ангел!» — а вслух сказал:

— Вы бесконечно добры, ваше величество! Не думаю, чтобы глупая брань могла оскорбить нашу диву,

так как вся остальная публика с редким единодушием выказала ей одобрение. Но воля вашего величества — закон для меня!

Затем он не торопясь направился к выходу из ложи, перекинулся по дороге кое с кем несколькими словами и уже после того направился в уборную Гюс.

Адель была очень удивлена, что Густав хочет еще утешить ее. Да ведь она так довольна! Конечно, она видела, что некоторые лица пытались ошарашить ее, но на этот раз вся публика воспротивилась этому. Это — огромная победа, особенно, если принять во внимание силу и организованность врагов. Артистка заставила забыть о женщине! Стоит ли говорить о каком-то выкрике. В этот момент в уборную вошел лакей.

— Они не хотят! — доложил он Адели.

— То есть как... Не хочет?

— Так что, говорят: «Скажи, мол, что не пойду. Делать мне там нечего!»

— В чем дело, мадемуазель? — спросил король. — Кто это?

— Ах, пустяки! — ответила Гюс. — Это — один из моих друзей, который вдруг стал врагом. Я заметила, что он пытался шикать мне, и хотела поговорить с ним, спросить, в чем дело...

— Кто же это?

— Анкарстрем.

— Анкарстрем? Не ждал я этого от него! В такой

Анкарстрем: — Не жди! Я этого от него. В такой невежливой форме... Поди и скажи ему, — обратился Густав к лакею, — что я приказываю сейчас же прийти сюда!

Через несколько минут в уборную вошел Анкарстрем. Он был очень бледен, но дико горевшие глаза свидетельствовали, что юноша приготовился ко всему.

Адель внутренне усмехнулась. Конечно, он воображает, что она пожаловалась на него королю, и теперь готов доказать свое право называть ее так, как он выкрикнул в театре. Какой глупой считает он ее, если воображает, что она способна из пустой мстительности поставить на карту свои отношения с королем! Конечно, узнай король, что это Анкарстрем позволил себе крикнуть ей бранное слово, то юноше несдобровать. Но ей трудно будет оправдать в глазах короля свою прошлую связь с юношей, да и уж слишком низка была бы такая месть! Нет, она отомстит ему, не подарит ему этого оскорбления, но ее месть поразит его с самой больной стороны. С какой — сейчас она еще не знает; но она умеет ждать!

Король встретил юношу очень сурово.

— Что это значит, Анкарстрем? — резко крикнул он. — Подобное поведение недостойно офицера! Офицер должен...

— Умоляю ваше величество простить мне это

вмешательство! — перебила его Адель. — Но это дело ближе касается меня самой, и я лучше сумею выяснить его... Анкарстрем! — обратилась она к юноше, — мы давно знакомы друг с другом, и после вашей услуги... Ведь я, кажется, говорила вашему величеству, — обратилась она к королю, — что этот юноша — мой спаситель! Однажды на прогулке на меня напала толпа женщин из простонародья, которые кричали, что я щеголяю в кружевах и шелках, тогда как они голодают. К ним присоединились и какие-то оборванцы, но Анкарстрем, случайно проезжавший мимо, разогнал весь этот сброд и помог мне благополучно выпутаться!

— Вот это больше похоже на моего Анкарстрема, чем такая выходка, как сегодня! — проворчал король.

— После вашей услуги, — продолжала Адель, обращаясь к юноше, — мы подружились, вы нередко навещали меня, и я находила много удовольствия в беседе с вами. И вдруг вы перестали навещать меня, однажды при встрече отвернулись, чтобы не кланяться. А сегодня... — она нарочно выдержала паузу, — сегодня мне показалось, что вы присоединились к тем, которые хотели во что бы то ни стало опикать меня. Ведь я знаю, Анкарстрем, что сегодня я играла хорошо. К игре ваше шиканье относиться не могло. О, я верю, что у вас имеется какая-нибудь серьезная причина сердиться на меня. Но, милый мой мальчик, как же можно переносить на артистку то раздражение, которое питаешь против

человека? Вот за тем, чтобы сказать вам это, я и просила вас прийти сюда, ко мне. А вы... и не стыдно было вам передать через лакея такой невежливый ответ даме? Да, должно быть, у вас имеется действительно серьезная причина сердиться на меня, и вы объясните мне эту причину!

— Да, да, непременно объясните! — подхватил король.

— Но я думаю, что это будет лучше сделать наедине, — прервала его Гюс, — а потому решила вот что: для объяснения и отчасти в наказание вы, Анкарстрем, должны быть у меня сегодня на вечере после спектакля. Гости соберутся несколько позднее, и мы успеем поговорить!

— Слышишь, Анкарстрем? — сказал в свою очередь король. — Ты должен быть сегодня у мадемуазель! И даже сделаем так: после спектакля ты придешь сюда и потом отвезешь ее домой. Слышишь? Это — форменное приказание! Ступай!

Анкарстрем ушел.

Тогда Густав обратился к Адели:

— Но ты, конечно, расскажешь мне, дорогая, что мог иметь против тебя этот щенок?

— Я думаю, что могу сказать это вам и сейчас, дорогой мой Густав! Мальчишка начитался памфлетов, а, может быть, кто-нибудь из марковцев уверил его в том, что я — враг Швеции. Ну, вот... долго ли всплывать

голову зеленому мальчишке? Но он – славный малый, и я быстро обращаю его в пай-мальчика!

– Как ты бесконечно добра, моя Адель! – растроганно сказал Густав, целуя руку Гюс. – Ты – ангел! Он оскорбил тебя, а ты еще подыскиваешь ему извинения! Боже, какая прекрасная женская душа в твоём прекрасном теле!

V

После окончания спектакля Анкарстрем явился в уборную Адели и с какой-то кривой, бледной усмешкой беззвучно отрапортовал по-военному.

– Во исполнение приказания его величества имею честь явиться!

– Иоганн, – сказала Адель, подходя к юноше, – я дорого дала бы, чтобы мне не было нужды в королевском приказании. Но, хотя я не желала королевского вмешательства, я все-таки рада, что так случилось: ведь теперь я имею возможность объясниться с вами. Во всяком случае верьте, что участие короля вышло совершенно случайным. В то время, как я посылала лакея за вами, его величество зашел ко мне в уборную, и лакей при нем передал ваш ответ. Впрочем, наверное, вы не поверите словам «распутницы»? В таком случае, если хотите, я могу позвать лакея, он

подтвердит вам...

Что-то совсем по-детски дрогнуло в лице Анкарстрема, когда, потупившись, он ответил:

— Я глубоко извиняюсь в своей выходке... Этого не следовало делать, я понимаю... Но, когда я сидел в театре и смотрел на вас, у меня на сердце мгновенно всколыхнулось похороненное прошлое, и... такая волна горечи поднялась... Я не сдержался... Но, еще раз повторяю, я бесконечно сожалею об этом и прошу меня извинить... Может быть, вы удовлетворитесь этими объяснениями и позволите мне не сопровождать вас?

— Иоганн! — воскликнула Адель. — Смотрите, я начну думать, что вы просто боитесь меня, опасаетесь, чтобы ваша любовь ко мне не ожила опять с прежней силой!

— Нет, этого я не боюсь, мадемуазель! — грустно, но твердо возразил Анкарстрем. — Да, я любил вас, любил всем пылом нетронутого сердца, но эта любовь сразу и бесповоротно исчезла.

— В таком случае я не могу исполнить вашу просьбу и считать объяснения исчерпанными. Я тоже считаю наше прошлое похороненным без возврата, но не нахожу в нем причин для дурных чувств. Вы во власти какой-то ошибки, и эту ошибку я должна выяснить. А потом... потом вам предоставляется полная свобода не узнавать меня при встречах! Теперь же благоволите дать мне руку и проводить меня до экипажа!

Всю дорогу они ехали молча, каждый погруженный в свои думы. Но вот они подъехали к парку, из-за засыпанных снегом деревьев которого сверкал огнями небольшой особнячок, въехали в ворота и остановились у широкого портала. Анкарстрем выскочил первый, помог Адели выйти и повел ее под руку по широкой мраморной лестнице, уставленной цветами и тропическими растениями. Оставляя в стороне парадные покои, артистка провела его в маленькую, уютную гостиную, где он должен был обождать, пока она переоденется к вечеру.

Оставшись один, Анкарстрем невольно задумался о том, как много обаяния в этой странной женщине. Ведь вот ничего от прежней страсти не осталось в нем... о, нет! Совсем иной образ тихим сиянием освещал его душу теперь! Какой чистый, стыдливый, хрупкий образ был это! Так далек он был от жгучего хмеля страсти, которым дышало все существо Гюс! И все-таки, хотя бывшая любовь оставалась по-прежнему похороненной, хотя бывшие чувства даже не делали попыток ожить вновь, он опять оказался под властью прежнего обаяния, того самого, которое заставляло его прежде многое прощать Адели, ко многому относиться с несвойственной мягкостью. И теперь, под властью этого обаяния, все происшедшее начинало все больше и больше изменяться в глазах Анкарстрема, и в нем смутно зашевелилось сомнение в своей нравственной

правоте...

Вдруг он вздрогнул и быстро поднял взор: в дверях стояла Адель и пытливо наблюдала за юношей. Заметив, что он почувствовал ее взгляд, она вошла, села около него и сказала:

— Ну, а теперь, милый Анкарстрем, давайте поговорим. Но я попрошу вас говорить со мной прямо и без уверток. Я понимаю, вам это неприятно... Но что же делать? Вы только что оскорбили меня, а мужчина должен уметь отвечать за свои слова и действия!

— Я готов. Спрашивайте, мадемуазель!

— Вы при всех назвали меня «распутницей». Скажите, на каком основании вы позволили себе кинуть мне это слово? О, я отлично знаю, при желании вы можете сослаться на то, что моя прошлая жизнь богата тем, что на обычном языке называется «распутством»! Но это было бы увиливанием. Мое распутство мало чем отличается от обычного распутства других актрис, но бранное слово было кинута мне одной. Значит, вы находите, что распутницей я была по отношению к вам? Это подтверждается и тем, что вы резко оборвали свои посещения, не узнавали меня при встречах, отворачивались... Я могла бы объяснить это ревностью, но вы сами сказали, что ваша любовь ко мне прошла. В чем же дело? Почему вы позволили себе эту выходку?

— Но, мадемуазель, я уже признал свою неправоту и

просил извинения...

— На что мне ваши извинения? Их недостаточно, чтобы загладить нанесенное оскорбление! Я требую ответа: как вы дошли до того, чтобы решиться на это? Поймите, мне не важно, что вы сказали это слово вслух, а важно то, что вы это подумали! Я считаю незаслуженным такое отношение, и удовлетворение мне может дать не извинение, а откровенное признание. Ну, обвиняйте!

— Если вы непременно этого хотите... Но не обижайтесь, если я скажу что-нибудь неприятное. Понимаете, я действительно полюбил вас, и эта любовь заставляла меня мириться со многим, чего я, по своим принципам, обыкновенно не прощаю. Меня возмущала наша близость, возмущали ласки, которые мы крали у законного господина, но тут же я находил и извинение вам. Я говорил себе, что такие господа, как Марков, поступают еще хуже, чем самые низко павшие женщины. Пользуясь туго набитым кошельком, они хладнокровно покупают себе женщину, как покупает крестьянин рабочий скот. Богатство позволяет им становиться рабовладельцами, и, если любовница изменяет таким господам, то это — законная месть поработленного. И раба хочет жить сердцем... Могу ли я винить женщину, которая полюбила меня? Но себя я не извинял так легко. Я мучился, колебался, однако горячая кровь брала свое... Помните тот день, когда Марков застал меня у вас?

Выскочив из-под одеяла, под которым я притаился, я готов был провалиться от стыда. Мне вдруг, совершенно неожиданно, представилась вся унижительность моего положения. Пусть мы любим друг друга, но не все может оправдать любовь. Я чувствовал, что наши отношения надо изменить. Как изменить – этого я решить не мог. Надо было подумать. И вот я ушел и стал думать. Мне должно было исполниться девятнадцать лет, когда я вступал во владение частью своих имений. Этого хватило бы на скромную, но вполне достаточную жизнь. А там не за горами было и полное вступление во владение всем состоянием. Словом, мы могли жить без обмана. И вот на следующее утро, когда я собрался идти к вам, чтобы поделиться с вами своим решением, вдруг я узнаю скандальную новость, о которой плухо говорили во дворце. Говорили, будто ночью Марков застал вас с королем, будто произошел скандал... Волосы встали у меня дыбом! Я решил подождать. Слух подтвердился – по крайней мере через несколько дней вы стали открытой фавориткой короля. Боже, какое глубокое возмущение поднялось в моей душе!.. Я вспомнил, как вы предлагали мне свою протекцию у короля. Это было за несколько часов до того, как Марков застал у вас его величество. Значит, у вас было уже все обговорено с королем в тот момент, когда вы ласкали меня? Значит, вы обманывали нас всех троих? Обманывали Маркова со мной и с королем. Обманывали меня, затевая с

королем интрижку. Обманывали короля, лаская меня, в то время как у вас уже был стовор с королем. Значит, вы не любили никого из нас. Значит, все мы были просто игрушками в руках искусной интриганки! Значит, все то, чем я оправдывал ваше поведение, отпадало, и одно объяснение оставалось для него – распутство! И вот тогда я отвернулся от вас. В театре меня подхватила злобная волна. Я вспомнил все свои ласки, признанья, обращенные к женщине, которая только смеялась надо мною. Я вспомнил, что люблю ныне чистое существо и не могу отдать себя таким же чистым, потому что весь цвет первой страсти, все, что должно было принадлежать одной истинно любимой, предательски обворовала обманщица... И вот, не помня себя от злобы, я кинул вам оскорбительное слово. Я не должен был делать этого. Я искренне прошу извинить меня...

– Мы оба с вами виноваты, Анкарстрем, – ответила Адель, и ее голос звучал глубокой, отлично имитируемой искренностью. – Только наши вины не так велики. Ваша вина в том, что вы не прибежали ко мне сейчас же и не предъявили мне этого обвинения. Сделай вы это, я объяснила бы вам все, и вы были бы избавлены от мучений оскорбленного самолюбия. Ведь только по счастливой случайности ваша выходка не кончилась для вас печально! Что, если бы заметили, кто кинул это слово? Король не простил бы вам этого, и ваша карьера была бы кончена. Это было бы слишком

ваша карьера была бы кончена. Это было бы слишком суровым наказанием за простую мальчишескую необдуманность! А я, Анкарстрем, я виновата в том, что допустила между нами интимную близость. Этого не следовало делать, потому что я действительно не любила вас. Только поймите меня правильно: я не любила вас, как возлюбленного, но очень любила — да люблю и сейчас, несмотря ни на что, — любила как хорошего человека, как милого, верного друга. Только я сама не сознавала, какой именно любовью любила я вас, и в этом была моя ошибка. Я была так одинока, и вы очень верно охарактеризовали мои чувства: я была купленной рабой и мстила по-рабски. Кроме того, я боялась, что вы уйдете от меня, что, полюбив другую, вы перестанете дружить со мною. И вот, чтобы привязать вас к себе, я допустила между нами интимность. Но я не хотела ничего дурного и сознательно не обманывала вас, как не обманывала и не обманываю короля. Да, Анкарстрем, все время я любила и люблю только одного короля. Вы должны узнать мою историю с ним. Я познакомилась с королем в Париже, мы полюбили друг друга, но не успели объясниться: умер отец короля, ему пришлось спешно уехать. Мы расстались. Злые люди оклеветали меня перед королем, и он в письме кинул мне оскорбительное обвинение, не подумав — вот как и вы теперь — сначала потребовать у меня объяснений. Я почувствовала себя глубоко

оскорбленной, замкнулась в оскорбленном негодовании и заставила умолкнуть болевшее сердце. Случай привел меня в Швецию, случай заставил выступить на сцене вместо заболевшей Госсю. В сердце короля опять всколыхнулось прежнее чувство; он пришел ко мне в уборную и стал настаивать на необходимости объяснений. Сначала я отказывалась, говоря, что для этого было достаточно времени в прошлом, но, в конце концов, королю удалось выпросить у меня позволение приехать ко мне на другой день. В этот день вы были у меня, и я особенно страстно обнимала вас, радуясь, что буду в состоянии через несколько часов высмеять, обдать холодным презрением того, кто безжалостно надругался над моим сердцем. Но вот приехал король... И что же? С первых слов выяснилось, что оба мы были жертвой роковой ошибки! И тут я поняла, что все время любила только одного Густава, что все мое распутство было лишь следствием глубокого страдания. В это время в комнату грубо ворвался Марков. Но и ему было все объяснено, и ему было доказано, что он не был обманут, так как между мной и королем еще ничего не было, и все решилось только сию минуту, а уже на другое утро он должен был быть оповещен мною о нашем разрыве. Марков остался посрамлен. Он не мог простить мне этого, чем и объясняется затеянная им травля, к которой сегодня примкнул и господин Анкарстрем!

Адель замолчала и с улыбкой глядела на

Анкарстрема.

Он сидел, согнувшись в кресле, закрывая обеими руками красное, смущенное лицо.

– Вот вся моя история, вот история моего обмана, – продолжала Гюс после недолгой паузы. – Вы видите, если я и была распутницей, то перестала ею быть сразу же, как только получила такую возможность. Я нашла любимого человека и верна ему – кто может сказать хоть слово о моей теперешней жизни? Вот и все, что я хотела объяснить вам. Не ради себя, нет! Но мне было больно думать, что у вас на сердце остается горечь, что вы воображаете себя обманутым. Я не хотела, чтобы из-за роковой ошибки вы стали недоверчивым, подозрительным... Ну а теперь можете идти. Ведь вам тяжело оставаться в доме у «распутницы»!

Анкарстрем встал, подошел к Адели и глубоко взволнованным голосом сказал:

– Позвольте мне остаться! О, если бы вы знали, как мне бесконечно стыдно за свою ребяческую выходку! Поверьте...

Адель протянула ему руку, которую он почтительно поцеловал, и сказала смеясь:

– Ну, ну! Не надо так много слов, мой милый мальчик! Верю, что вы искренне каетесь, и этого с меня довольно! Садитесь на свое место и давайте поговорим, как добрые друзья, которые давно не видались и которым есть о чем поспассказать друг другу!

VI

Они проговорили с полчаса, и из сердца Анкарстрема исчезли последние следы горечи. Он глубоко поверил в рассказ Гюс и искренне каялся, что позволил себе оскорбить такую хорошую женщину. Да и как было ему не поверить? Ведь все говорят, что ее влияние на короля очень велико, и следовательно, ей ничего не стоило бы заставить его, Анкарстрема, жестоко поплатиться за эту выходку. А она... Ах, да что там говорить! И без слов ясно, насколько она – хороший человек!

В конце разговора Адель спросила:

– Ведь мы теперь опять друзья, не правда ли? Ну, так вы простите мне один вопрос. Видите ли, я уже не раз замечала, что мужчина начинает ненавидеть любимую женщину не тогда, когда разлюбит ее, а когда полюбит другую. Не ошибусь ли я, если предположу, что вы полюбили, мой друг?

– Да, – смущенно ответил Анкарстрем.

Какая-то мысль блеснула в голове Адели.

– Карлотта Басси? – быстро спросила она.

– Да, она! – ответил Анкарстрем, и его глаза заблестели. – Боже, что это за чудное создание! Честь и слава ее матери, которая сумела провести ее невредимой

сквозь всю грязь жизни!

– И она тоже любит вас?

– Да, любит, но... многое еще надо преодолеть, чтобы достигнуть полного счастья.

В душе Адели все возликовало – вот тот слабый пункт, в котором она болезненнее всего уязвит дерзкого мальчишку! Но вслух она сказала:

– От души желаю вам счастья, друг мой! И вы, и она вполне заслуживаете его! Вы составите прекрасную парочку! Однако насколько я слышу, там уже собрались гости. Надо выйти к ним! Пойдемте, друг мой!

Действительно в зале уже собралась большая часть приглашенных. Появление Адели было встречено явным восторгом и тайными насмешками и перешептываньем. Вид Анкарстрема свидетельствовал о только что пережитом глубоком волнении, да и на лице Адели также были видны следы волнения: она всегда волновалась, когда играла, а ведь ей только что пришлось разыграть перед Анкарстремом довольно-таки трудную сцену!

Среди присутствующих уже побежала грязная сплетня насчет истинных причин запаздывания хозяйки, но случайно эта сплетня была остановлена в самом начале появлением короля.

Увидев Анкарстрема, Густав воскликнул:

– А, и наш бунтовщик здесь? Как же, дорогая мадемуазель, удалось вам смирить мятежника и

повергнуть к своим всепокоряющим ногам?

— О, да, ваше величество, — весело ответила Адель, — все недоразумение быстро разъяснилось, и я была совершенно права, когда высказывала свое предположение о причинах происшедшего. Но не будем больше говорить об этом! Мы заключили союз верной дружбы, и теперь все должно быть забыто. А вот, если ваше величество позволит мне напомнить, что ужин сервирован...

— Великолепно! — отозвался король, и все направились в столовую.

— Ах, как я устал сегодня и как рад побыть с тобой наедине! — сказал Густав, оставшись вдвоем с Аделью. — С самого утра мне пришлось много сердиться и волноваться. Стоило мне только взглянуть на сегодняшние газеты, как вся кровь бросилась от бешенства мне в голову!

— Но ведь мы с вами предвидели, что именно ко дню вашего рождения наши друзья постараются превзойти самих себя, и вы уже решили, Густав, как ответить им на это!

Король как-то съежился, замялся и не совсем уверенным тоном произнес, глядя куда-то в сторону:

— Да, мы... так думали... Но... мы многого не учли... Сегодня утром я говорил об этом с Шеффером, и он....

— Он, конечно, поспешил доказать, что такая дрянь, как Гюс...

— Господь с тобой, Адель! Ты напрасно думаешь, что Шеффер — твой враг! Разве ты не обратила внимания на то, как сегодня за ужином я подчеркнул свою дружбу к нему? Я это сделал только в благодарность за тебя! Ведь ему мы обязаны тем, что затеянный в театре скандал не состоялся и сменился твоим полным торжеством. Шеффер отправился к королеве и доказал ей, что она унижает свой сан, присоединяясь к моим врагам. Таким образом все, кто примыкал к Маркову из желания угодить королеве, сегодня изменили ему, и скандал не удался... Но, видишь ли, Шеффер был у королевы, когда ее приближенные судачили о тебе и высказали предположение, что ты, чего доброго, получишь какой-нибудь титул. Ну... и... королева решительно заявила, что, если это случится, она сейчас же потребует развода... И я ведь знаю ее! Она так и сделает... Ты только подумай, какой скандал! Развод в королевской семье... возможна война с Данией... К тому же королева была так любезна с тобой, что это тронуло меня, и я не хотел бы причинить ей неприятность... И вот по здравом размышлении...

— По здравом размышлении вы решили капитулировать, ваше величество? — Адель резко расхохоталась. — Вы великолепны, мой храбрый король!

пока вы сидите у меня в оударе, вы полны самых героических намерений, но стоит вам только соприкоснуться с действительностью, как вы благоразумно ретируетесь! Достаточно королеве или Шефферу сказать вам хоть одно слово, и вы уже трусливо прячетесь... По здоровом размышлении! Ха-ха-ха! Королева с Шеффером скоро начнут посылать вас в угол, словно провинившегося мальчишку, а вы «по здоровом размышлении» добровольно встанете?

— Адель! — укоризненно воскликнул король. — Как можешь ты быть так жестока со мной! Я и без того мучаюсь, и вот нигде-нигде не нахожу отдыха и покоя. Ты неправа по отношению ко мне! Раз в одном существе король сталкивается с человеком, человек должен уступить!

— Да? — презрительно возразила Адель. — Не говорили ли вы мне, ваше величество, что из всех государей новейшего времени вас больше всего привлекает могущественная фигура Петра Великого, которого вы избираете своим образцом? На словах это, ваше величество, только на словах! Петр Великий был действительно государем, каким не можете быть вы, ваше величество! В нем никогда никто ни с кем не сталкивался, а что он хотел, то и делал. На него восстала сестра, он упрятал ее в монастырь. Шведы грозили ему войной — Петр двадцать раз терпел поражения, но в двадцать первый раз сам разбил шведов наголову.

Духовенство хотело помешать ему – он подчинил его светской коллегии! Дворянство осмелилось выказать недовольство – он огнем и мечом смирил недовольных и создал новое дворянство! Сколько раз вы сами рассказывали мне об этом!

– Но ведь это касалось его государственной деятельности...

– А в семейной жизни? Полно, ваше величество! Жена оказалась Петру не под пару – он отделался от нее! Сын не разделял отцовских взглядов – он умер под пытками! А его второй брак?! Простую крестьянскую девушку, которая была не лучше меня, он сделал императрицей всероссийской, а прижитых с нею до брака дочерей – принцессами крови! И для этого ему не надо было советоваться с разными Шефферами! Монаршая воля, один росчерк пера – и все покорно склонялись! А когда вашему величеству предстоит сделать свою подругу всего только графиней Лильегорн, то из этого вырастает целая трагедия! Необходимо советоваться с Шеффером, узнавать, как поглядит на это королева, трепетать перед Данией и в результате брать назад монаршее слово!

– Но, Адель, я не отказываюсь... Ты не поняла меня... Я лишь нахожу, что данный момент не подходящ... Но со временем...

– Со временем? Нет, ваше величество, у меня тоже есть свое самолюбие! «Со временем» не будет ничего.

Вообще вижу, что я стала в тягость вашему величеству. Из-за меня вас осыпают в печати самыми гнусными насмешками, которых не стерпел бы не только Петр Великий, а и никто из любых мелких государей! Из-за меня супруга грозит вам разводом, из-за меня готова возгореться война с Данией... Боже сохрани! Пожалуй, из-за меня настанет всемирная война, потом потоп, мор, уж не знаю что! Нет, я слишком низкого мнения о своей особе, чтобы допустить столько ужасов из-за себя. И чтобы спасти весь мир вообще, а ваше величество в частности, я уйду! Шеффер и королева утешат вас в этой легкой потере. В крайнем случае приживете со своей Софией Магдалиной еще пару ребят, и тогда миру окончательно ничто не будет грозить!

Она повернулась, чтобы уйти, но Густав моментально очутился около нее. Он упал перед ней на колени и, охватив ее стан, принялся горячо и подобострастно целовать ее руки.

— Злая девочка! — укоризненно заговорил он, страстно обнимая ее. — Так и шутить-то жестоко! Неужели ты способна бросить меня из-за пустой размолвки? Неужели я так мало дорог тебе? Злая, злая!.. И что за ценность видишь ты в этом графском титуле? Ну на что он понадобился тебе так внезапно?

Адель слегка смутилась и замялась. Не могла же она сказать ему, что ей уже не под силу становилось

выдерживать долее чинную жизнь, какую приходилось вести теперь? Она понимала, что каждый ее шаг подстерегается Марковым, а потому была очень осторожна и не компрометировала себя. Но это было крайне скучно, очень буржуазно, чересчур прилично! Она боялась, что сорвется в один прекрасный день, и тогда все будет кончено с королем. Вот на случай такого крушения ей и хотелось обеспечить себя хотя бы графским титулом: в умелых руках — это тоже капитал, который не трудно реализовать.

Но ведь не могла же она сказать это королю! К тому же она подумала, что, пожалуй, слишком натянула струны, а потому поспешила взять другой тон.

— Глупенький мой король! — нежно сказала она, нагибаясь к Густаву и приподнимая его с колен. — Неужели вы не понимаете, что это нужно не мне, а вам самим? Пойдемте, сядем и поговорим! — Она притянула короля к кушетке и, усевшись, нежно прильнула к нему. — Неужели вы не понимаете, что я хлопочу не из-за себя? Поверьте, если бы вы сказали мне, что хотите дать графский титул не мне, а хотя бы моей горничной, если бы ваше решение стало известным другим и под влиянием этих других вы отказались от этого решения, я точно так же возмутилась бы, как и теперь! Я ничего не ищу от вас! Мне нужна ваша любовь, Густав, потому что я действительно люблю вас! Но женщина, когда любит, хочет видеть своего милого выше, лучше, сильнее всех!

Меня оскорбляет, когда я вижу, как вами помыкают, а вы из доверчивости послушно идете на поводу у тех, кто только и думает, как бы ограничить монаршую власть. Мне нужен графский титул, чтобы видеть, что вы — действительно король! Дайте мне этот патент, и я никогда не назовусь графиней, а останусь той же Гюс, спрятав бумажку в свой ящик как приятное воспоминание. Но вы должны дать грамоту, потому что обещали. Вы должны дать ее, чтобы доказать, что вы — король! Вы говорите, что момент неблагоприятен и нельзя действовать напролом? Действуйте, как хотите, действуйте хитростью — как угодно, но действуйте всячески, чтобы не позволить помыкать собой!

— В твоих словах много правды, милая Адель, — задумчиво сказал Густав, — но ведь и я не совсем не прав! Именно теперь было бы неразумно из-за пустяков поднимать крупную историю. Но если ты согласна удовольствоваться временно тайным указом... Я подтверждаю его в самом скором времени официально, и тогда, понимаешь ли, никто не посмеет сказать что-либо, так как налицо будет давность...

— Я повторяю лишь то, что уже сказала, — ответила Адель, обрадованная таким поворотом дела: — Действуйте, как хотите, но приучайтесь даже в мелочах быть королем! Вот каким должен быть мой Густав, которого я люблю! Если он начнет с мелочей, то овладеет и крупным, и скоро слава Петра Великого

померкнет перед славой моего Густава!

— Ну, так завтра уже ты получишь право тайно именоваться графиней Лильегорн! — радостно воскликнул король. — А теперь забудем, дорогая моя, обо всех этих мелочах повседневной жизни! Предадимся чарам великой богини любви и утонем в ее сладких дарах, дающих нам забвение и отрешение от будничных огорчений! Ну, поцелуй же, обними же меня, дорогая моя, моя единственная отрада!

Адель с готовностью обняла короля и привлекла его к себе. Венценосный раб требовал награды за послушание. Ну что же? Он заслужил ее!

VII

Марков сидел в своем кабинете и гневно покусывал пальцы, что у него неизменно являлось признаком большого душевного волнения.

Еще бы!.. В последнее время с какой-то фатальной стремительностью неприятности следовали одна за другой!

Сначала этот «провал провала», этот неудавшийся скандал в день парадного спектакля! Кто мог подумать, что эта сухопарая София Магдалина неожиданно переменит фронт и начнет осыпать любезностями мужнюю метрессу? А ведь это отняло значительную часть союзников

Правда, и с оставшимися можно было кое-что сделать. Но тут опять вмешалось следующее: администрация театра вывесила объявление, что чрезмерно резкие выражения негодования или восторга не будут терпимы; публике, недовольной исполнением данной роли, не возбраняется выражать артисту свое неодобрение, но «не выходя из границ приличия». Марков с друзьями хотели сыграть и на этом распоряжении. В один из спектаклей, когда Гюс не играла, против какой-то мелкой актрисы была подстроена буря свиста. Марков рассчитывал, что репрессии будут предприниматься лишь тогда, когда играет Гюс, и хотел разразиться новым памфлетом, что вот, дескать, какую-нибудь мелкую актрису, которая не имеет чести состоять в особых отношениях с важными особами, можно освистывать сколько угодно, а чуть дело коснется актрисы Гюс... Но его расчеты не оправдались: чуть только поднялся шум, несколько чрезмерно ретивых свистунов были подхвачены под руки и выведены. Это отбило у значительной части охоту играть на руку Маркову.

Правда, оставалось еще немало таких, которых никакими репрессивными мерами не испугаешь: всякое видали! Но это были как раз те, усердие которых поддерживалось подачками, а Марков имел несчастье недавно проиграться в пух и прах, и денег у него

совершенно не было. Таким образом все прежние старания, все материальные затраты – все бесплодно погибло!

Не успел Марков освоиться с этой неудачей, как за ней последовали другие. Приятель прислал из Петербурга цидулку, а в ней было сообщение о новой неприятности: Панин окончательно отошел от дел, а иностранные сношения сосредоточены в руках князя Безбородко. Даром, что князь – всего только второй советник департамента иностранных дел, но даже Остерман ничего против него поделывать не может! Новая метла всегда чисто метет! Первым делом Безбородко заявил, что русские иностранные миссии поставлены очень скверно, и затребовал к себе разные производства. По поводу шведских дел он особенно многозначительно промычал, и видно по всему, что ждать Маркову крупных волнений!

Эта новость была уже позначительнее, чем провал интриги против Гюс. Она была Маркова по самому чувствительному месту, так как угрожала его служебному положению. Никто лучше самого Маркова не знал, сколько грешков и упущений накопилось в его посланнической деятельности. Только копнись... копаться-то как раз и собирались!

И, кажется, докопались! Вскоре после письма приятеля пришла депеша от князя Александра. В ней Безбородко сообщал, что медлительность и

неуспешность Маркова в вопросе о союзе со Швецией побуждают правительство послать в Стокгольм полномочного курьера, который на месте разберется в создавшемся положении и совместно с послом обдумает все необходимые шаги, надлежащие к исполнению. При этом Безбородко весьма внушительно оттенял, что этот курьер — полковник Зорич — снабжен действительно широкими полномочиями и что Маркову надлежит видеть в нем представителя правительства. Иначе говоря, Зорич был ревизором, который мог или погладить Маркова по головке, или поставить его в угол!

При чтении этой депеши Маркова охватил сильный приступ бешенства. В первый момент он готов был с места послать прошение об отставке, но тут же увидел, что это было бы, по меньшей мере, опасно. Ведь тогда пришлют нового человека принять от него дела, быть может, поручат это тому же Зоричу, а при сдаче дел может выясниться несравненно большее, чем при простом собеседовании об одном только вопросе. А тогда... Нет, самое скверное в этой истории было то, что он лично был бессилен предпринять что бы то ни было!

Почти одновременно с этой депешей пришла на имя шведского короля депеша от его посланника при петербургском дворе. Вскрыв ее, Густав сейчас же отправился к Алены.

Заметив из окна подъезжавшие сани, Гюс перешла в кабинетик и уселась за какое-то вязанье. Работа всегда придает женщине особенно чистое сияние; Адель понимала это и потому постоянно бралась за работу в присутствии влюбленного короля.

Густав вошел к фаворитке очень взволнованным.

— Дорогая моя, — сказал он, целуя ее руку, — я получил очень важные известия, которые хотел бы обсудить вместе с тобой. Ведь ты — мой лучший министр! Право, дорогая, не говоря уже о женщинах, я даже среди мужчин встречал мало таких, которые были бы способны вроде тебя быстро и ясно разобраться в любом вопросе.

— Вы слишком снисходительны ко мне, милый Густав! — ответила Адель с обворожительной улыбкой. — Я — просто невежественная женщина, которая только и умеет, что любить своего Густава. Может быть, любовь дает мне немного ясновидения, может быть, глубокая преданность восполняет недостаток понимания, но...

— Да, да, дорогая моя, я уже знаю, что венец твоих добродетелей не лишен ценного украшения — скромности! Но перейдем к делам... Граф Поссэ сообщает мне, что петербургское правительство снаряжает в Стокгольм специального курьера, снабженного особыми полномочиями. Каков характер этих полномочий — об этом говорят весьма по-разному.

Одни уверяют, что полковник Зорич... таково имя курьера...

— Зорич? — переспросила Адель. — Но ведь это — один из фаворитов государыни?

— Да, и выбор его для этой цели подчеркивает важность миссии. Итак, одни уверяют, что Зорич должен сменить Маркова, другие — что Зоричу поручено лишь произвести ревизию дел, третьи — что Зорич является самым обыкновенным курьером, который должен передать Маркову на словах нечто такое, что было бы опасно или нежелательно доверять бумаге. Впрочем, как бы там ни оценивалась важность самого Зорича, совершенно бесспорным является то, что Марковым недовольны и что поручение, с которым отправляют Зорича, весьма важно. Из разных сопоставлений наш посол выводит мысль, что русское правительство хочет какой угодно ценой добиться соглашения со Швецией. Значит, в данный момент мы стоим перед необходимостью решительно и без уверток высказаться или за соглашение, или против него. Но... вот это как раз самое неприятное во всей этой истории. У меня с Россией еще имеются непогашенные счета, но вместе с тем в данный момент Швеция еще не готова к войне!

— Значит, вы склоняетесь в сторону соглашения?

— Да куда я не склоняюсь, черт возьми! Я — самый несчастный монарх на свете, который не знает, как

примиришь личные симпатии с пользой отечества! Лично я глубоко ненавижу Россию, но... прав ли буду я, если вследствие этого Швеция окажется вовлеченной в войну, к которой она, повторяю, не готова?

— Ну, в таком случае попробуем мыслить спокойно и логически. Почему Россия так настойчиво добивается соглашения?

— Да, потому что...

— Потому что, очевидно, она тоже не готова к войне! Будь она готова воевать, она разговаривала бы иначе. А в том, как она ведет переговоры, видно скорее, что именно она боится войны!

— А ведь ты права, пожалуй!

— А отсюда вытекает, что соглашение нужно в гораздо большей мере России, чем Швеции. Между тем Россия, в лице своего представителя Маркова, вела себя все время настолько вызывающе, что вам, Густав, нет ни малейшего основания делать что-либо в угоду ей. Следовательно...

— Следовательно, надо решительно отвергнуть всякие попытки к соглашению, черт возьми!

— Зачем? Достаточно вести прежнюю политику и не высказывать ни «да», ни «нет»! Мне кажется, милый Густав, что у вас нет ни малейших оснований менять свой образ действий! Зачем? В прошлом году Марков имел смелость заявить вам, что Россия усмотрит в дальнейшей медлительности Швеции явное

недоброжелательство. Вы попросту отвернулись от него, и... и что изменилось от этого? Да и какое вам дело, шлет ли Россия курьеров к Маркову или нет? Это – их семейные дела, которые Швеции отнюдь не касаются. Ну, а на попытки запугать себя Швеция всегда сумеет ответить достойным образом.

– Я просто не понимаю, где была моя голова? Ведь это так ясно!.. Да, Адель, каждый день я благословляю судьбу, что она дала мне такую подругу, как ты! Ты действительно сумела стать для меня вторым «я»!

И влюбленный король принялся расточать своей метрессе комплименты, которые быстро перешли в сладчайший любовный шепот.

VIII

Зорич, приехав, с места в карьер взялся за порученное ему дело. Предъявив Маркову сертификат, он тут же приступил к опросу о положении дел и сумел поставить ряд вопросов так искусно, что, как ни вертелся, как ни пыжился Марков, ему пришлось сознаться, что ничего-то он не смог добиться.

– Так-с, – сказал Зорич. – Следовательно, главнейшей помехой соглашению является королевская метресса? Что же вы предприняли, чтобы перетянуть ее на нашу сторону?

Но... как известно, все кончилось тем, что...

— Но... мне кажется, вам должно быть известно...

— Что вы повели войну против нее? Да, это мне известно! Вы сделали все, чтобы вооружить ее против нас... Но в предпринятой вами войне побежденным оказались вы. Так вот, я спрашиваю, когда вы увидели, что этим путем не добьетесь ничего, что вы предприняли, чтобы исправить ошибку?

— Но... я не вижу...

— Гм... значит, ничего? Так-с... Вы разрешите мне воспользоваться вашим экипажем?

— Ну конечно! — воскликнул Марков. — Какой может быть вопрос! А куда вы собираетесь?

— Куда? И вы еще спрашиваете? Ну, конечно, к божественной Аделаиде Гюс!

— Как? Вы...

— Простите, ваше высокопревосходительство, один вопрос. Насколько я помню, излагая мне положение дел, вы ни словом не упомянули мне о том, что Швеция спешно вооружается? Между тем мы получили точные сведения об этом, и в Петербурге немало дивились, что наш посол, сидя на месте и затрачивая крупные суммы на содержание целой армии шпионов, не сообщает нам об этом и что мы принуждены узнавать обо всем окольным путем через берлинский двор... Следовательно, вы сами видите, что упущено слишком много времени и следует спешить!

— Но... я думал... вы сначала позавтракаете со

мной.

— О, я уверен, что Гюс не откажется покормить меня! Ведь она слывет самой доброй женщиной в мире — никому ни в чем отказать не может! Тем более она не откажет в таком пустяке, как завтрак!

Адель была очень удивлена, когда ей доложили, что ее желает видеть полковник Зорич. Конечно, она сразу поняла, что Россия взялась за ум и решила повести дело с надлежащего конца, но никак не могла ожидать, что это будет облечено в подобную беззастенчивую форму. Она знала, что Зорич прибыл только сегодня утром, еще не делал никому никаких визитов (на это у него до сих пор и времени быть не могло) и вдруг является прямо к ней!

Конечно, Гюс решила принять его, но уже заранее наслаждалась мыслью о том, какой презрительной иронией встретит она попытки этого отставного фаворита «Семирамиды севера». После того, что позволил себе Марков, осмелиться явиться к ней?!

Но, войдя в комнату, где дожидался ее Зорич, Адель почувствовала легкий укол в сердце... Как красив был этот серб! Какой великолепный образец истинного мужчины! Какой-то опьяняющий ток струился от него, и против воли Гюс чувствовала, что один взгляд этих выразительных черных глаз настраивает ее гораздо мягче, чем она сама хотела бы.

— Присаживайтесь, полковник, — сказала она, отвечая на изящный поклон Зорича. — Присаживайтесь и объясните мне, чему я обязана неожиданной честью этого визита?

— Сударыня, — ответил Зорич, и звук его голоса еще больше взволновал «отзывчивое» сердце Адели. — Я — не дипломат, я — солдат, а потому привык во всем и всегда действовать прямо. Я не обучен дипломатическим тонкостям и не умею подходить слева тогда, когда на самом деле это нужно делать справа. Потому разрешите мне прямо подойти к истинной цели своего посещения. Дело в следующем. Когда я уезжал из России, матушка-царица пожелала видеть меня, чтобы лично дать инструкции о порядке ревизии здешних дел. Ее величество поручила мне предпринять самостоятельно все шаги, какие я найду нужными для успеха дела, разрешила иметь переговоры со всеми лицами, которые могут быть полезными. Затем она сказала мне: «Кстати, заезжай и к моей старой знакомой госпоже Гюс: скажи ей, что все мы ее хорошо помним и жаждем снова насладиться ее дивной игрой; а, кстати, передай ей вот эти пустячки на память». Прибыв сегодня и рассмотрев с нашим послом положение дел, я убедился, что единственное лицо, которое может быть полезным нам, это — вы! Таким образом, являясь к вам, я сразу исполняю два дела. Поэтому разрешите мне передать вам вот это!

Адель взяла из рук Зорича очаровательную шкатулочку из разных уральских камней – малахита, ляпис-лазури, яшмы, авантюрина и т. п. В этой шкатулочке она нашла миниатюрный, оправленный в бриллианты портрет императрицы и роскошный браслет. Это был действительно царский подарок, целое маленькое состояние!

Адель внутренне вся вспыхнула от радости, но наружно осталась совершенно спокойной и холодно ответила:

– Я очень благодарна ее величеству за внимание, даже не знаю, могу ли я, в сущности, принять такой подарок. После всего того, что я натерпелась от официального представителя России при стокгольмском дворе, мне странно...

– Вы имеете в виду дикое поведение Маркова? Но, уважаемая мадемуазель, ведь Марков – просто осел!

– Однако этого осла продолжают держать на посольском посту!

– Да, это было непростительной ошибкой, хотя вместе с тем поведение нашего правительства вполне понятно. Нельзя назначать на ответственное место человека, к которому не питаешь доверия. Следовательно, самый факт назначения сюда Маркова показывает, что Маркову доверяли. Но нельзя же под влиянием нескольких неудач лишать сразу доверия.

Однако, как только у нашего правительства нашлись основания заподозрить нецелесообразность действий Маркова, так сейчас же был командирован человек, а именно я, с большими полномочиями. Мне достаточно было двух часов, чтобы прийти к тому убеждению, которое я вам уже высказал. Вас возмущает то, что Марков так подло поступил по отношению к вам, мадемуазель? Ну, а меня это нисколько не возмущает...

— Как? Вы осмеливаетесь...

— Мадемуазель, будем смотреть на вещи трезвыми глазами. Шпионство — дело гнусное, однако все военачальники пользуются услугами шпионов. Политика не ведаёт сентиментальности; она знает только успех. Марков прикрывал свои неблагоприятные действия тем, что Россия от этого будет иметь пользу. Я же сразу убедился, что Марков никогда не имел в виду пользы России, а руководствовался только личной мелкой мстительностью. Это было уже гадко. Но я убедился ещё кое в чём. Я убедился, что путь, который избрал Марков, совершенно неправилен, так как не такому ничтожеству, как он, бороться с вами. И потому я говорю, что Марков глуп до чрезвычайности.

— Иначе говоря, вы убедились, что без меня вам не добыть того, чего вы хотите, а потому и пришли ко мне? Ну что же, давайте говорить! Чего вы хотите?

— Но вы знаете, мадемуазель, что целью желаний России является соглашение со Швецией!

— Да? Ни более, ни менее? И в этом должна помочь вам я, которая от вас так натерпелась? И эту важную дипломатическую победу я должна обеспечить России ради прекрасных глаз ее государыни? Вы наивны, милейший полковник! Уж не думаете ли вы, что купили меня парой драгоценностей? Да у меня шкафы ломаются от них... Или, может быть, вы предложите мне денег за мою услугу?

— Нет, мадемуазель, это было бы действительно наивно! Кто же не знает, что у Аделаиды Гюс, этой истинной королевы Швеции, имеется все, чего она только может пожелать из земных благ! Но в то же время у вас есть кое-что, чего вы никак не можете добиться, и вот это «кое-что» явится наградой за содействие нам.

— А, так вы ставите мне условия? Это интересно! Послушаем!

— Да никаких условий, мадемуазель! То «кое-что», о котором говорю я, явится само собой логическим следствием вашей помощи. Чего вы желали бы сейчас больше всего на свете? Не скрывайте! Больше всего вы желали бы восторжествовать над Марковым, затоптать его в грязь. Теперь рассмотрим, что получится, если я добьюсь соглашения. Правительство скажет: «Зорич не дипломат, Марков — дипломат. Однако Марков в несколько лет не смог добиться того, чего добился Зорич в один день. Значит Марков — плуток, которого надо

в один день. Значит, Марков — дурак, которого надо метлой гнать от посольских мест». Наоборот, представьте себе, что я ничего не добьюсь. Тогда наше правительство скажет: «Марков был прав, от шведского короля нельзя ничего добиться, пока около него находится враждебная России Аделаида Гюс. Следовательно, хотя он и не добился ничего, но он действовал единственным способом, которым можно было достичь успеха!» Словом, мой успех ничего мне лично не даст, но зато вам он даст торжество над врагом. Таким образом, вы получите то, чего больше всего желаете, и вдобавок — полное право рассчитывать в случае нужды на нас.

Опять Адель внутренне вспыхнула. Прямота Зорича, убедительность его доводов сразили ее. Действительно, разве не прекрасно было бы доказать России, что она, Гюс, никогда не была против соглашения, что неуспех русских домогательств проистекал лишь из неумного поведения ее посла?

Но... Да, немалое «но» было тут... Ведь всего несколько дней тому назад она доказывала королю Густаву необходимость отклонить соглашение. Как же теперь ей ни с того, ни с сего действовать совершенно обратно?

— Я признаю, что вы правы, — сказала она. — Да, если бы вам удалось быстро добиться соглашения, это была бы резкая пощечина Маркову. Но я не сделаю шага

в этом направлении, если вы не докажете мне, что это соглашение нужно не только России, но и Швеции!

— О, это мне не трудно будет сделать. Россия, Англия и Швеция косо глядят друг на друга. Но двое всегда сильнее одного, и потому Россия должна вступить в союз со Швецией или Англией, чтобы как-нибудь Англия не спелась со Швецией против нее. По многим причинам Россия предпочитает союз со Швецией. Но наш посол в Лондоне уже сделал все шаги, и стоит мне потерпеть здесь неудачу, как я еду в Англию, и через месяц будет заключен союз с Лондоном. Следовательно, отказавшись вступить в союз с Россией, Швеция подпишет себе сама приговор. Россия занята сейчас югом, ей надо гарантировать себя с севера. Мы знаем, что Швеция не готова к войне. Поэтому, подписав соглашение с Англией, Россия сейчас же двинет войска в Финляндию, отхватит добрый кусок ее и заставит Швецию заключить мир на любых условиях, каких только пожелает победительница. Тогда Россия займется югом. Но Россия не хотела бы, как я уже сказал, союза с Англией. Вот почему она добивается союза со Швецией. В этом соглашении обоюдная выгода. И пусть у шведского короля имеется тысяча причин коситься на Россию, реальная политика требует заключения союза!

— Но я не знаю, удастся ли мне заставить его величество так быстро изменить мнение, сложившееся

уже давно.

— О, вам удастся все, чего бы вы ни захотели! Достаточно только посмотреть на вас, чтобы знать, какую силу вы представляете! — и, сказав этот комплимент, Зорич так посмотрел на Адель, что у молодой женщины на щеках выступил легкий румянец чувственного волнения.

В ней опять всколыхнулось сознание буржуазной серости ее теперешней жизни. Ничего острого, дразнящего... И вечно притворяться, вечно прикидываться влюбленной в этого скучного короля...

Адель встала, встал и Зорич. Долго глядели они друг на друга, и их молчаливые взгляды были красноречивее любого разговора. Наконец Адель сказала:

— Итак, ради пользы России вы уговариваете меня сделать то, что послужит к пользе Швеции? Но разве Зорич, добившись при помощи Гюс полезного для России, не извлечет из своего успеха выгоды лично для себя? Так что же получит лично для себя Гюс, если она поможет Зоричу?

— Но, дорогая мадемуазель, я уже говорил...

— Зорич, вы глупы! — сказала Адель, подходя к красавцу-сербу и обдавая его пламенным взглядом чувственных глаз. — Не собираетесь ли вы опять предлагать мне деньги или подарок? Вы нравитесь мне, и я хочу своей напалы за вслугу!

– Приказывайте! – страстно шепнул Зорич, наклоняясь и целуя руку Адели.

Она мимолетной лаской погладила его по щеке и сказала смеясь:

– Ну, хорошо! Помните, вы сами предоставили мне право назначать условия! Сегодня, в одиннадцать часов, я жду вас у себя, и тогда я поставлю вам свои требования! Ну, а теперь вот что. Через... – она взглянула на часы, – через час король должен быть у меня. Этого времени нам хватит, чтобы позавтракать, а потом вы сядете в экипаж и отправитесь кататься по городу. В течение этой вашей прогулки я подготовлю почву. Через полчаса вы вернетесь и обо всем переговорите у меня с королем.

– Вы – богиня! – пламенно воскликнул Зорич, снова целуя руку Адели.

IX

– Как вы думаете, милый Густав, кто у меня был? – спросила Адель, когда король явился к ней в назначенный час. – Никогда не догадаетесь! Зорич!

– Зорич? – удивился король. – Что ему было нужно?

– Представьте себе, он явился, чтобы передать мне от имени императрицы Екатерины вот эту шкатулку, в которой я нашла портрет ее величества и этот браслет!

– Неужели! Это очень мило со стороны моей кузины! Этот акт внимания к самой дорогой мне женщине во многом примиряет меня с императрицей! Гм... Я все более убеждаюсь, что ты совершенно права, когда говоришь, что России очень нужен союз с нами. Ну, чем нужнее он России, тем больше у нас оснований не спешить.

– Между прочим, дорогой Густав, Зорич очень рассчитывает переговорить с вами и...

– Да? Ишь ты, какой прыткий! Ну, если он этого хочет, пусть обратится к гофмаршалу и добивается аудиенции в установленном порядке. Только боюсь, что ему придется долго ждать ее.

– Этот путь Зоричу не подходит. Он не имеет официального поручения и...

– Не имеет? Тогда ему аудиенции не получить.

– Да, но видите ли, друг мой, Зорич доказал мне, что будет очень важно повидаться с вами частным образом, так как... Словом, я позволила ему через полчаса вернуться сюда. Я нашла, что эта «случайная» встреча будет удобнее всего.

Густав резко встал и посмотрел на Адель со смесью гнева и презрения.

– Как? – глухо сказал он. – Неужели и ты?.. Вот что значит женщина! Две-три безделушки, и она побеждена!

Адель не дала королю договорить. Вскочив в свою очередь со стула, она схватила Густава за руку и

подтащила его к большому, окованному железом шкафу, стоявшему в углу комнаты. Открыв этот шкаф, она сказала:

– Благоволите взглянуть сюда, ваше величество! Все полки этого шкафа уставлены подарками моего короля, которого я имела наивность считать своим другом... И если мной руководит только одна корысть, то как же эта ничтожная шкатулка могла перевесить в моих глазах все то, что я имею от вашего величества?

– Но, Адель, я...

– Молчите, ваше величество, и не смейте перебивать меня. Я требую от вас ответа: как вы осмелились кинуть мне такое грязное обвинение? И это – любовь? Или я в глазах вашего величества – только метресса, нечто вроде собаки, которую ласкают, когда пришел такой каприз, и которую бьют, когда она лезет не вовремя?

– Но, дорогая...

– Молчите, молчите! Все равно, ничего лучшего вы не скажете! Благодарю вас, ваше величество! Всего могла я ждать от вас за свою преданность, но такого обвинения... Довольно! Больше вы мне этого не скажете, ваше величество! Возвращаю вам ваши подарки и... прощайте! Аделаида Гюс может многое стерпеть от человека, которого она презирует, с которым ее связывает лишь необходимость, но... от вас...

Она очень искусно заплакала.

Бедный король окончательно потерялся.

— Но ты меня не так поняла, Адель! — с отчаянием воскликнул он, целуя ее руки. — Я просто хотел сказать, что ты чересчур мягкосердечна! Россия бесконечно оскорбляла тебя, но стоило тебе получить самый ничтожный знак внимания, как ты уже готова все простить!

— Да разве я когда-нибудь руководствовалась личными симпатиями? Когда я давала вашему величеству тот или иной совет, я думала только о пользе страны, король которой окружил меня лаской и заботой! Зорич сказал мне, что его правительство ничего не знало о подлых поступках Маркова, что, узнав, оно было возмущено... Может быть, вы думаете, что я поверила? Я знаю, что это говорится потому, что политика Маркова потерпела неудачу! Но Зорич сумел внушить мне сомнение в правильности моих взглядов на соглашение. И вот я подумала: «Я — слабая, глупая женщина. Но как знать? Может быть, король, переговорив с Зоричем, тоже увидит, что был введен в заблуждение?» И вот я решила устроить это неофициальное свидание...

— Адель, дорогая, ну, прости меня за неосторожное слово! — стал молить король, опустившись на колени и целуя руки плачущей комедиантки. — Я не думал обидеть тебя! Просто мне показалось странным... Ну скажи: чем

я могу вымолить твое прощение?

— Разве я могу долго сердиться на вас, Густав? — сказала Адель, бросая на короля такой взгляд, от которого у него в глазах поплыли зеленые круги. — Но на этот раз вы уже слишком обидели меня, и я прощу вас лишь на том условии, если вы дадите мне слово, что во всем, что я скажу вам по поводу соглашения, вы не усмотрите никаких эгоистических целей с моей стороны!

— Обещаю тебе это, дорогая! Только не сердись! Ты знаешь, я вспыльчив, несдержан, могу иной раз сказать то, чего вовсе не думаю.

— Хорошо, вы прощены, мой король! Но слушайте меня внимательно!

Адель вкратце рассказала Густаву все то, что сообщил Зорич. Когда она упомянула о проекте соглашения России с Англией, Густав не на шутку встревожился.

— Как? — воскликнул он, — ты говоришь, что в Лондоне все готово, и договор может быть подписан в любой момент? Но если это — правда, то это значительно меняет дело! Только правда ли это?

— Видите ли, Густав, Зорич пленил меня именно своей солдатской прямоотой. Он с того и начал, что не обучен дипломатическим вывертам и считает прямоту лучшей политикой. Но, конечно, где же мне было разобраться, хитрит он или нет! Вот поэтому-то я и

решила, что лучше всего вам самому поговорить с ним и что этому разговору следует произойти у меня.

— Дорогая моя! — с чувством сказал Густав. — Я опять повторяю, что небеса, должно быть, сильно благоволят ко мне, если послали мне такого друга, как ты!

И опять венценосный раб покорно склонился к ногам хитрой интриганки!

Зорич проговорил с королем не более часа и, поддержанный Гюс, при которой происходил их разговор, окончательно склонил Густава на сторону соглашения. Прелиминарный тайный договор был подписан, окончательная ратификация его должна была последовать при личном свидании Густава с Екатериной. Только место и время последнего не были окончательно выбраны. Густав не хотел ехать в Петербург сам; когда же Зорич сказал, что императрица готова приехать в Стокгольм, король просто испугался расходов, связанных с приемом русской государыни. Потому он предложил, чтобы встреча произошла где-нибудь на границе владений обоих государей. На этом пока и порешили.

Покончив с этим, торжествующий Зорич вернулся в посольский дом.

— Долго же вы, однако! — встретил его Марков.

— Долго? — Зорич весело расхохотался. — А по-

моему, я отделался необыкновенно быстро, если сумел в три часа сделать то, чего вы не могли добиться в три года! Прелиминарии подписан!

— Как? Вы виделись с королем?

— Ну да! Вы удивлены? Но, многоуважаемый мой, ведь я говорил вам, что вы взялись за дело не с того конца! Я подошел к нему с надлежащей стороны — и результат налицо! Вы повели войну против Гюс; это стоило очень дорого и вам, и России и доставило вам лично, много неприятных минут. Я же обошелся с дивной Аделаидой, как надлежит обращаться с хорошенькой женщиной; ни мне, ни России это ничего не стоило, а кроме того, доставит мне еще несколько приятных минут сегодня вечером!

— Как?... Вы...

— Да, да, многоуважаемый! Сегодня в одиннадцать часов вечера я должен явиться к Аделаиде Гюс, чтобы заплатить по счету. Никогда не думал, черт возьми, чтобы дипломатические успехи достигались такой приятной ценой!

Марков кое-как довел разговор до конца и потом, зеленея от злости, ушел к себе в кабинет. Как? Эта подлая змея все-таки восторжествует? Никогда! А тут еще этот мальчишка, этот проходимец, выскочка, собирается одним ударом поколебать все служебное положение его, Маркова? Нет, тысячу раз нет!

Марков усаживаясь в своем кабинете за писанием левой

Густав уселся в своем кабинете за писанием левой рукой какого-то таинственного послания, а затем оно было вручено не менее таинственно одному из тайных агентов, брат которого служил лакеем в королевском дворце.

Густав был очень удивлен, когда, сунув вечером около одиннадцати руку в карман за платком, нашел там какое-то письмо. Повертев его с недоумевающим видом перед глазами, он вскрыл конверт и прочел следующее:

«Как ты думаешь, слепой король, из чего сделана твоя корона? Из рогов, король, из рогов... из тех самых, которые наставляет тебе твоя добродетельная подруга! Загляни к ней ненароком сегодня после одиннадцати, и ты увидишь, в чем тайна быстрых дипломатических успехов красивого серба!».

— Лошадей! — крикнул король задыхаясь.

Через несколько минут он уже садился в экипаж, чтобы мчаться к дому Гюс. Он накроет изменницу, и тогда...

Но вот показалась решетка сада, сквозь зеленеющие ветви деревьев блеснул белый фасад дома. Новые чувства зашевелились в груди несчастного короля.

Можно ли верить всякому анонимному клеветнику? Можно ли верить, что нежная Адель променяет своего царственного друга на какого-то заезжего офицера?

Но почему же с такой точностью указано время?

Э, негодяй играет в прозрачную игру! Он знает

свойство человеческого сердца сохранять впечатление от всякого, даже недоказанного подозрения! Вот анонимный клеветник рассчитывает на это психологическое действие клеветы! Еще бы!.. Мало ли людей в Швеции, которые дорого дадут за возможность поссорить короля с его единственным верным другом?

И он будет играть им на руку? Никогда!

– Кучер, стой! Назад, домой!

Кучер повернул обратно, и венценосный раб очутился спиной к тому дому, где уставшая от добродетели куртизанка отдыхала в объятиях красавца-серба!

X

Было решено держать прелиминарное соглашение втайне, а потому Марков должен был оставаться пока на своем посту, так как его отзыв мог возбудить ненужные толки. Впрочем, после неудачной попытки расстроить дело соглашения Марков окончательно пал духом и теперь держал себя тише воды, ниже травы. Он примирился с мыслью, что ему не победить Гюс, и теперь старался лишь сохранить хоть остатки служебного влияния. Поэтому он изо всех сил хлопотал над довершением успеха Зорича.

Маркову надлежало установить с королем место и время его свидания с императрицей Екатериной. Первое

ему удалось — местом свидания был избран Фридрихсгам, маленькая крепость на границе шведской Финляндии, крайний пункт тогдашних русских владений. Но время свидания все откладывалось. Марков искренне хлопотал над назначением этого времени; он даже побывал у Адели и откровенно признался ей в своем поражении, но судьба была против него. Раза три время назначалось, и каждый раз что-нибудь случалось: то заболел сам Густав, то наследный принц. А когда свидание было окончательно решено, Густав нечаянно свалился с лошади и сломал себе руку. Срачивание осложнилось воспалительным процессом, свидание с императрицей Екатериной опять пришлось отложить!

Тем временем Адель поднималась все выше и выше в торжестве над посрамленными врагами. Никто уже не осмеливался поднимать голос против нее; на ее приемах не в редкость было встретить послов иностранных держав; высшие чины государства заискивали перед нею, а однажды к ней явился граф Шеффер. Он намекнул Адели, что она окажет большую услугу королеве, если попросит его величество сделать то-то и то-то. Словом, сама королева считалась с силою и значением Гюс!

И все-таки Адель не чувствовала себя вполне счастливой. С каждым днем ей было все труднее выдерживать ту добродетельную жизнь, которую ей

выдерживать ту добродетельную жизнь, которую она невольно приходилось вести. Объятия Зорича окончательно взволновали ее авантюрную кровь, и Гюс с трудом сдерживалась, чтобы не затеять какую-нибудь веселенькую интрижку.

Но именно теперь это было бы очень опасно. Она была на виду, и потому малейший неосторожный шаг мог погубить ее. А ведь, в сущности говоря, Адель к тому времени не успела еще достигнуть ничего такого существенного, что позволило бы ей рискнуть положением. Король исполнял ее малейшую прихоть, все ее желания исполнялись, но на руках она имела очень мало денег. Вместе с тем дело официального признания ее графиней Лильегорн двигалось тоже очень туго. Король придумал такой компромисс: в список лиц, которые должны были сопровождать его в Фридрихсгам, Гюс была занесена под именем госпожи Лильегорн. По возвращении в Стокгольм она должна была стать уже графиней Лильегорн. Но для этого надо было побывать сначала в Фридрихсгаме, а вот это-то как раз все время откладывалось и откладывалось!

Хоть бы этого добиться! Но Адель серьезно опасалась, что она не выдержит и сделает какую-нибудь глупость, не добившись даже этого!

Однажды, когда Адель сидела, объятая этими горестными думами, ей доложили, что ее желает видеть

Анкарстрем.

Анкарстрем! Опять вся кровь бурно взыграла в Гюс! Милый пажик! Как он умел любить! Правда, теперь он стал уже офицером, и его серьезность все возрастала. Но вот это-то и было самое забавное в его любви – смесь чувственного разгула с глубокой серьезностью, широкой страсти с девичьей стыдливостью... О, она попытается опять закружить его, опять увлечь своими чарами! Адель радостно выбежала ему навстречу и воскликнула:

– Анкарстрем! Наконец-то!.. Вы совсем забыли обо мне! И не совестно вам пренебрегать до такой степени старым другом?

Но уже первые слова его ответа заставили ее разочарованно вздрогнуть, а последующие – содрогнуться от негодования.

Да, он знает, что давно не был; но что поделаешь? У него много неприятностей, и голова совсем пошла кругом. Вот и теперь – если она, Адель, не выручит его, как добрый друг, то ему может прийтись очень плохо!

В чем дело? Дело в той самой любви, о которой он когда-то говорил ей. Он глубоко и бесповоротно полюбил Карлотту Басси, и она отвечает ему тем же. Они хотели пожениться, но его родственники, узнав об этом, решили просить короля Густава не допускать совершения этого брака. Тогда он, Анкарстрем, решил опередить их и подал сегодня прошение королю. Однако, если Адель не поддержит его ходатайства, то

его величество вряд ли разрешит своему офицеру жениться на танцовщице. Вот с этим и пришел он к Адели.

— Хорошо, друг мой, — ответила Гюс, — я сделаю все, что могу, и буду просить за вас короля. Но должна предупредить вас, что его величество очень нетерпим в вопросах о браке офицеров. Поэтому мне хотелось бы знать, что вы предпримете, если король откажет вам в согласии?

— Король властен распоряжаться моей судьбой лишь до тех пор, пока я ношу военный мундир! — мрачно ответил Анкарстрем. — Если же он мне откажет, я подам в отставку и увезу Карлотту к себе в имение. Там, в родовом замке, состоится наше венчание, которому уже никто не будет в силах помешать!

Ах, так? В тот момент, когда она, Адель, готова была все простить и опять раскрыть ему свои объятия, он не нашел ничего лучшего, как просить ее содействия при устройстве своего счастья с другой. Она, Адель, будет сгорать на медленном огне, довольствуясь опостылевшими ласками этого венценосного шута, а дрянь-девчонка, кичащаяся своей добродетелью, получит и любимого мужа, и богатство, и положение? Нет, не бывать этому!

«Браво, распутница!» — вспомнился ей возглас Анкарстрема.

Хорошо. «распутница» покажет себя!

В этот день король был настроен особенно милостиво. Вскоре после того, как он пришел к Адели, он показал ей какую-то бумагу и произнес:

— Представь себе, этот дурачок Анкарстрем хочет, во что бы то ни стало жениться! Обращается ко мне с просьбой о разрешении.

— И что вы решили, Густав? — спросила Адель, не отрываясь от вязанья.

— Да... видишь ли, милая моя, я думаю... отчего бы ему и не позволить? Карлотта Басси ведет себя изумительно, она — дочь офицера, дворянка. Конечно, прямо со сцены было бы не совсем удобно стать госпожой Анкарстрем; все-таки это — одна из древнейших шведских фамилий. Но Карлотта могла бы уехать на время куда-нибудь, а там... люди скоро забывают! Ну и пусть себе женится!

— Скажите, милый Густав, за что вы так не любите этого милого мальчика?

— Я? Не люблю его? Я не понимаю тебя, Адель!

— Ну, конечно! Только враг может желать ему этого брака!

— Но что же ты можешь иметь против?

— О, так много, что меня удивляет, как вы сами не видите этого! То, что Карлотта Басси — танцовщица, еще не так плохо; но что она — дочь заведомой потаскушки,

это уже никуда не годится. Бы говорите, что она ведет себя изумительно? Это значит, что госпожа Басси согласна продать себя не иначе, как за знатное имя! Добродетель для нее – лишь капитал для выгодной реализации! Что она не любит Анкарстрема, это очевидно. Ей известно, что все родственники Анкарстрема ополчились против этого брака. Следовательно, если Анкарстрем женится на ней, это поссорит его со всеми родными. Мало того, эти родные будут питать недобрые чувства к вам за то, что вы пошли против законного права близких мешать неопытному юноше портить себе жизнь. Если бы она любила Анкарстрема, то, зная все это, не настаивала бы на браке, а зажили бы они просто так, как живет много парочек. Но очень ей нужно думать о судьбе Анкарстрема! Ей просто важно выйти замуж, а потом... ну, потом она себя покажет! И Анкарстрем скоро увидит, что вся его жизнь испорчена.

– Но ты совершенно права, милая Адель! Как это не пришло мне самому в голову. Конечно, этот брак не принесет счастья самому Анкарстрему и только поссорит меня с его родными... непременно откажу ему и лично поговорю с ним повнушительнее!

– И вы думаете, что этого достаточно? Ну, так вы плохо знаете эту Басси! Ведь Анкарстрем был у меня сегодня утром. Оказывается, Карлотта уговорила его в случае вашего отказа подать в отставку и потом все-таки

обвенчаться! Хороша особа! Готова испортить всю карьеру юноше!

— Но это Бог знает что такое! Этого нельзя допустить! Что же мне делать, Адель?

— Надо сегодня же ночью посадить эту дрянь — итальянку на корабль и отправить куда-нибудь подальше! Анкарстрем побесится, а потом сам же будет благодарен вам. Но чтобы он не мог помешать, хорошо бы услать его с поручением в отдаленный город!

— Ты — умница, моя Адель! Да, ты совершенно права, я так и сделаю! Ах, Адель, что бы я делал без тебя?!

В тот же вечер Анкарстрем получил от своего полкового командира приказ отправиться с пакетом в одну из мелких крепостей. Юноша поспешил как можно скорее справиться с возложенным на него поручением, но по возвращении его поразила страшная весть: Карлотта вместе с матерью была схвачена, посажена на корабль и выслана неведомо куда как особа порочного поведения...

Анкарстрем сейчас же подал в отставку и, не дожидаясь окончания всех формальностей, уехал к себе в имение. С той поры в его сердце залегла глубокая ненависть к королю. Юношеская любовь к Карлотте забылась, Анкарстрем женился на особе своего круга и стал счастливым мужем и отцом, но ненависть к тирану-Густаву не только не изглаживалась с годами, а,

наоборот, все обострялась. И, в конце концов, она привела Анкарстрема к роковому вечеру 16 марта 1792 года, когда Густав пал, сраженный пулей бывшего жениха несчастной Карлотты Басси!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Платок погубил

I

Резвая лошадь быстро мчала легкий экипаж вдоль набережной. Вдруг кучер стремительно натянул вожжи; послышался чей-то вскрик, и Адель, испуганно высунувшаяся из экипажа, увидела, что резко остановившаяся лошадь поднялась на дыбы, а у самых ног ее лежит какой-то юноша. Вот-вот лошадь тяжело рухнет вперед и разможжит копытами голову несчастному...

Адель пронзительно вскрикнула, но юноша собрал всю энергию и выскочил из-под лошади. Однако силы сейчас же изменили ему, и юноша, покачнувшись, снова упал.

Адель выскочила из экипажа и подбежала к упавшему. Он был одет в костюм королевских «синих пажей», был очень молод, тонок, гибок, обладал

изящным девичьим лицом и парой хитрых, шельмовских, каких-то искушенных глаз. По его лбу тонкой струйкой текла кровь.

— Вы ранены? — спросила Адель, доставая платок и вытирая им кровь со лба.

Юноша вскинул на артистку вкрадчивый, томный, хитроватый взгляд и ответил:

— О, не беспокойтесь, пожалуйста, сударыня! Простая царапина... Но вы так добры!..

Новый взгляд был красноречивым продолжением недоговоренной фразы.

— Вы — паж короля? Как вас зовут?

— Ларс Гьортсберг, к вашим услугам!

— Ну, так вот что, милый мой Гьортсберг, попытайтесь встать и дойти с моей помощью до экипажа... Вот так, молодцом!.. Ну, а теперь крепче держитесь за мою руку и пойдем!

— Я мог бы дойти и один, сударыня, но... кто же откажется от счастья касаться вашей руки? — сказал паж, сопровождая свои слова самым умильным взглядом.

Адель расхохоталась.

— Однако вы из молодых да ранний.

— Сударыня, — томно ответил пажик, — в присутствии такой красоты, как ваша, можно или совсем потерять дар слова, или стать красноречивым, как поэт!

Адель снова рассмеялась. Ей становилось все веселее и легче на душе. Точно всю жизнь была она

знаком с этим забавным пажиком! Ведь еще мальчишка совсем, а как смотрит, как говорит! Должно быть, испорчен уже до последней степени. Как это забавно!

Они уселись в экипаж. Но не успели они отъехать и нескольких шагов, как Ларс вдруг сильно побледнел и откинулся в угол.

— Вам нехорошо? — испуганно спросила Адель.

— Нехорошо? — слабым голосом повторил он. — Как же мне может быть нехорошо, раз я с вами?

— Ах ты, дерзкий мальчишка! — смеясь воскликнула Адель, которую все больше и больше забавлял пажик. — Ну, погоди же, я отучу тебя болтать глупости! — и она шутя ударила его по левой щеке.

— Сударыня, — молящим тоном сказал Ларс, — окажите мне божескую услугу и ударьте теперь по правой тоже. А то я боюсь, что левая очень возгордится выпавшей на ее долю честью, так возгордится, что... вздуется от гордости!

— Нет, он неисправим! — засмеялась Адель. — Вот льстец! Так, значит, тебе хорошо со мной?

— И вы еще спрашиваете?

— Ну, так если ты не совсем глуп, то пойми мои слова: если ты хочешь, чтобы тебе было совсем хорошо, пусть тебе будет очень плохо! Если же тебе будет совсем хорошо, то... ничего хорошего не будет!

Лицо пажика вспыхнуло, глаза загорелись палостью. Жалным взором окинул он всю фигуру

склонившейся к нему Адели и вдруг, закрыв глаза, откинулся в угол экипажа и сказал слабым голосом:

— Ах, вот опять мне стало очень, очень плохо... Так плохо, что... — он приоткрыл правый глаз и уморительно подмигнул Адели, — что вам придется приютить меня у себя на несколько дней!

— Ты умен, мой мальчик! — ответила Адель, улыбаясь. — Ну, а если добродетель никогда не вознаграждается, то ум — почти всегда!

— Добродетель? — повторил Ларс и вдруг скорчил такую уморительную гримасу, что нельзя было удержаться от смеха. — Не объясните ли вы мне, что это такое? Я что-то слышал об этой редкой птице, только это было давно, и теперь совершенно не помню. Не правда ли, это — нечто вроде белой вороны?

Говоря это, он совсем близко прижался к Адели и вдруг, быстро оглянувшись по сторонам, обнял ее и страстно поцеловал в грудь.

— Не дури! — сказала Адель, отталкивая дерзкого мальчишку. — До дома недалеко, а впереди времени еще много! — Ларс сейчас же закрыл глаза и бессильно откинулся в угол.

Вскоре экипаж остановился у подъезда. Адель крикнула лакеев и приказала им внести Ларса на руках в маленькую комнату, бывшую поблизости от ее будуара. Там Ларса положили на диван, и Адель уселась писать

королю, чтобы сообщить о происшедшем несчастье. Она попросила прислать доктора и прибавила:

«Так как мне сказали, что Ларс Гьортсберг – один из любимейших пажей моего государя, то я сама буду ухаживать за пострадавшим».

Вскоре прибыл доктор, а за ним и сам Густав. Доктор тщательно осмотрел юношу и заявил, что хотя поранены лишь верхние покровы, но возможно, что испуг и сотрясение вызовут горячку. По крайней мере, слабость пострадавшего иначе совершенно необъяснима. Поэтому, если возможно, лучше бы юношу не переносить, а оставить здесь на несколько дней.

Конечно, Адель с готовностью заявила, что она согласна. Правда, это не так уже удобно, но ведь причиной несчастья были ее лошади; кроме того, раз Гьортсберг – любимый паж короля, то о чем же тут может быть речь?

Словом, дело устроилось ко всеобщему удовольствию. Правда, Густав оставался отчасти внакладе, но он не знал этого.

II

Болезнь Ларса Гьортсберга протекала так странно, что лейб-медик короля, знаменитый Аксель, положительно разводил руками. Лихорадочное состояние, даже бред при нормальном пульсе и

нормальной температуре — нет, ничего подобного старому Акрелю до сих пор видеть не приходилось!

Притворство? Но Акрель положительно не находил причин для сознательного притворства, а потому склонен был объяснить все нарушением психических отправления под влиянием ушиба и испуга. Так или иначе, но о «водворении пострадавшего на место жительства» вопрос не поднимался, и Ларс оставался на попечении «отзывчивой» Гюс.

Это был для Адели один из приятнейших периодов ее жизни. Совершенно открыто, почти не стесняясь, могла она вести хитрую и дерзкую интригу прямо на глазах у короля. Теперь ей было удивительно легко и радостно на душе. Ее жизнь уже не шла так размеренно буржуазно, как прежде: налицо были все элементы, необходимые для счастья, то есть богатый, доверчивый, но нелюбимый покровитель и юркий, забавный пажик, словно нарочно созданный для ответственной роли друга дома.

Да, Ларс Гьортсберг был в этом отношении на высоте своего призвания, и, на что уж Адель видала виды, даже она порой приходила в умиление от богатых задатков, сказывавшихся в этом полуребенке. Бывают плоды, которые еще в завязи подточены червем; снаружи они развиваются как будто нормально, но внутренне оказываются источенными еще в пору самого нежного расцвета. Таким плодом была душа Ларса.

Оставаясь с виду нежным ребенком, он обладал нравственным растлением зрелого человека, и только щельмовские огоньки в глазах иной раз выдавали, какие нечистые, извращенные помыслы, какой непроходимый слой чувственной грязи таится под этой внешней обманчивой чистотой.

А забавнее всего было то, что общество, захлебываясь, спешило расточать Адели похвалы за ее христианское милосердие. Насколько прежде все стремились приписывать ей несуществующих любовников, настолько теперь самый вздорный сплетник не решался сказать хоть слово в осуждение ее. Кто же мог подумать, что мальчик, еще не достигший полных шестнадцати лет, явится желанным другом сердца тридцатилетней женщины? (По крайней мере, Адель уверяла, будто ей тридцать лет, хотя в описываемую пору ей было уже тридцать девять).

Но в то же время странный процесс происходил в душе у Густава. Это был истинный человек оппозиции, вечно становившийся против господствующих течений. Когда все общество закидывало Адель грязью, Густав готов был воздвигнуть алтарь своей метрессе и всенародно поклоняться ей. Теперь же, когда общество примирилось, он начинал критически присматриваться к ней и порой ощущал нечто вроде разочарования. Он сам не мог дать себе отчета в том, что в сущности

творилось в его душе, и продолжал по инерции внешне относиться к ней так же, как и раньше. По-прежнему он приходил советоваться с Аделью о всяком политическом шаге, по-прежнему рабски склонялся перед ее мнением, по-прежнему являлся по вечерам читать ей свою трагедию «Эбба Браге», содержанием которой служила любовь предка Густава, короля Густава-Адольфа II, к представительнице знаменитого рода Браге. В этой лирической трагедии Густав изливал свои собственные мысли о том, что корона является не приятной прерогативой, а тяжелой обязанностью, мешающей королю пользоваться доступным всякому обыкновенному человеку счастьем. Роль Эббы Браге должна была играть Адель, и по инерции, повторяем, он воплощал в любви своего предка собственную любовь к Гюс. Но параллельно с этим смутное недовольство все накапливалось в его душе.

Густаву было странно признаться самому себе, что он ревновал Адель к этому мальчику Ларсу. Однажды, войдя невзначай в комнату, где лежал больной, он застал Адель склонившейся к юноше. Густаву показалось — хотя он не мог бы наверняка утверждать это, — что перед его приходом «милосердная сестра» целовала своего пациента. Но при его появлении Адель несколько не смутилась и только, улыбаясь, сделала ему рукой знак, чтобы он не шумел.

— Бедный мальчик все время был беспокоен, а

теперь наконец заснул! — шепотом объявила она. — Я люблю порой смотреть на него, когда он спит. Бедный ребенок! И подумать только, что у меня мог быть такой взрослый сын!

Это объяснение было как нельзя более естественным; оно рисовало Адель с самой лучшей стороны, выдавало внутреннее благородство ее помыслов. Густав с умилением поцеловал руку своей возлюбленной. Но в то же время он чувствовал, что предпочел бы не заставить такой сцены.

В следующий раз он вошел в комнату в тот момент, когда Адель, как показалось Густаву, страстно обнимала Ларса. Подойдя ближе, король увидел, что был неправ в своей подозрительности: юноша лежал в глубоком обмороке, и Адель подхватила его, чтобы отвести на диван. Оказалось, что Ларс сделал попытку пройтись по комнате, но эта попытка закончилась обмороком.

Опять Густав должен был признать, что его подозрительность не имела оснований, и опять таинственным путем эта подозрительность еще более укрепилась в нем!

Но всякая болезнь когда-нибудь кончается. Наконец выздоровел и Ларс Гьортсберг, и придворные дамы должны были признать, что болезнь пошла сильно на пользу юноше. Он еще более похорошел, в нем еще более усилилась своеобразная чувственная томность, производившая на женщин чарующее впечатление. В

результате в самом непродолжительном времени разыгрались две очень скандальные истории, и Густав пребольно выдрал пажа за ухо, пригрозив ему совсем прогнать его. Но внутренне он был доволен. Ревнивые сомнения замерли в его душе, и вечера, проводимые королем с Аделью, облеклись еще более интимной прелестью.

Так прошло лето, наступила осень, и надо было серьезно подумывать о поездке в Фридрихсгам, так как барон фон Ролькен, шведский посол, сменивший графа Поссе при петербургском дворе, довел до сведения Густава, что отношения с императрицей могут сильно осложниться, если король и впредь станет так беспричинно откладывать свидание. Пришлось перестать медлить. И вот русское правительство было извещено о дне, когда монархи России и Швеции могут встретиться для личных переговоров.

Фридрихсгам (или Фредериксгавн) – первоклассная крепость, предоставлявшая собой такой же сухопутный ключ к Петербургу, каким с моря является Кронштадт – вызывал в Густаве самые неприятные чувства, напоминая ему о былых, еще не отмщенных унижениях Швеции.

Это началось с того, когда Карл XII, не умея вовремя остановиться, принялся легкомысленно пазнить таких титанов, как Россия и ее Великий Петр

драппить таких гигантов, как Россия и ее Великий Царь. Ряд последовательных побед над русскими еще более вскружил голову этому королю-авантюристу. Но, когда – как то мог предвидеть всякий трезвый ум – армия Карла оказалась разгромленной, Швеция лишилась тринадцати городов, трехсот селений и двухсот замков, что было страшной потерей для такой бедной страны.

Желание реванша привело к новым потерям. Швеция не только не вернула прежнего, но была принуждена отказаться от Ингрии, Ливонии, Карелии, Эстонии, поступиться частью Финляндии и Выборгом. В общей сложности потери Швеции территориально выразились в полосе длиной свыше трехсот лье (1120 верст).

Под влиянием всего этого в Швеции, как нам уже приходилось упоминать, образовались две партии – «колпаков» и «шляп». «Колпаки» были русофилами, и это была партия мира. «Шляпы» держались Франции и представляли собою партию реванша. Когда у власти стали воинственные «шляпы», России опять пришлось взяться за оружие.

Война началась с победы русских у Вильманстранда и закончилась абоским миром (1743 г.), по которому к России отошли целые провинции и три первоклассных крепости: Нейшлот, Вильманstrand и Фредериксгавн (Фридрихсгам). Потеря последней крепости была особенно чувствительна; ведь Швеция традиционно

продолжала надеяться на отобрание Петербурга, а мы уже говорили, что Фридрихсгам был сухопутным ключом к русской столице. Уступив эту крепость, Швеция отнимала у себя значительный шанс на торжество в будущем. Вот почему Фридрихсгам вызывал в Густаве такие неприятные чувства.

Да, тяжело было на душе у короля, когда он ехал на это свидание! Все его существо страстно рвалось к бою, к отмщению, перед внутренними глазами короля проносились призраки героев, победивших вшестеро сильнейшего неприятеля (при Нарве десять тысяч шведов наголову разбили шестьдесят тысяч русских), а действительность заставляла его бездействовать. Впоследствии (в 1788 году), когда Густав без прямого объявления войны напал на Россию, он в следующих выражениях оповестил сенат о своих намерениях: «Я возьму Петербург и уничтожу там все памятники русской наглости, кроме памятника Петру Великому, который я увековечу тем, что прикажу высечь на пьедестале имя Густава!» И вот, тайно питая такие надежды, он должен был ехать на свидание с русской императрицей, убеждать ее в искренности своих дружественных чувств, уверять в твердости союзных отношений. У Густава было много недостатков, но ему нельзя отказать ни в честности, ни в прямоте; лгать, хотя бы из дипломатических соображений, обманывать, хотя бы ради блага страны, ему было бесконечно трудно.

Эта тяжесть, навалившаяся на его душу, еще более сблизила его с Аделью, ехавшей в его свите под именем госпожи Лильегорн. Никому из сопровождавших его лиц (в свите Густава были: граф Филипп Крейц, столь прославившийся впоследствии граф Густав Мориц Армфельд, барон Мунк, несколько офицеров и пажей, а среди последних, конечно, и Ларс Гьортсберг) не мог он открыть свою душу, ни с кем не мог говорить так откровенно, как с Аделью, знавшей все его планы, думы мечты и надежды. Ревнивые подозрения смолкли: не до них было теперь королю, и только человек-друг, а не красивая женщина был нужен ему в Гюс. Поэтому Густав радовался, что в эти тяжелые дни свидания Адель будет все время около него.

Однако это оказалось невозможным вследствие предусмотрительности императрицы Екатерины.

Государыня прибыла в Фридрихсгам в сопровождении графа Ивана Чернышева, графа Александра Безбородко, обер-шталмейстера князя Нарышкина, своего фаворита, красавца графа Ланского и шведского посланника при петербургском дворе барона Фридриха фон Ролькена. Среди роскошного цветника придворных дам выделялась своей меланхолической красотой Мария Девятова, двоюродная сестра Державина, и чисто мужским умом – княгиня Екатерина Дашкова.

Для пребывания обоих дворов в Фридрихсгаме

Екатерина приказала построить два дома; они были обставлены внутри с чисто азиатской роскошью и соединены между собой крытой галереей. В одном из этих домов должен был поселиться Густав со свитой, в другом – Екатерина, а галерея облегчала монархам возможность видеться друг с другом в любой момент.

Но когда Густав прибыл в назначенный ему дом, оказалось, что для Адели помещения не приготовлено. Густав страшно разобиделся и хотел во что бы то ни стало сейчас же повернуть обратно: раз государыня открыто помещает с собой Ланского, она могла отнестись с уважением и к пассии шведского короля. Напрасно граф Армфельд, ставший в последнее время одним из наиболее близких к Густаву лиц, указывал королю, что Ланской – граф, что фаворит императрицы имеет придворную должность, на основании которой и имеет право состоять в ее свите вне каких бы то ни было интимных отношений к государыне. Густав ничего и слышать не хотел, и понадобилось вмешательство самой Адели, чтобы как-нибудь успокоить расхорившегося короля. Но все-таки, открыто пренебрегая приличиями, Густав первым делом отправился подыскивать подходящее помещение для своей возлюбленной и не успокоился, пока таковое не было найдено и обставлено с надлежащей роскошью.

Только после этого Густав немного успокоился и

занялся приготовлениями к встрече с русской императрицей.

III

Екатерина не была бы истинной «Семирамидой севера», если бы ей не удалось быстро очаровать своего царственного гостя и рассеять его хмурое настроение духа, и как ни противился внутренне Густав ее чарам, он, как и все остальные, должен был поддаться им.

Все-то умела сказать Екатерина какую-нибудь любезность, у всех умела найти чувствительное место! Оказалось, что ей уже знаком первый акт трагедии «Эбба Браге», и она, сама писавшая для театра, рассыпалась в восторгах по поводу некоторых мест пьесы Густава, находя, что ему удалось возвыситься до чисто классических высот трагического. Графу Филиппу Крейцу, несравненно более гордившемуся своими поэтическими трудами, чем блестящими дипломатическими успехами, Екатерина указала на некоторые строки поэмы Крейца «Атис и Камилла», которые больше всего нравились ей. Графу Армфельду она сказала много любезного по поводу его славных предков, остановившись на генерале Карле Густаве, выказавшем поразительную храбрость в сражении Стар-Киро с корпусом Апраксина, во много раз превосходившем своею численностью его отряд.

Словом, с обычным искусством Великая Екатерина умела найти у каждого слабую струнку.

От нее Густав переходил к Безбородку и Чернышеву, с которыми лично вырабатывал детали соглашения. И тут хмурость шведского короля должна была рассеяться. Густав умел работать сам и ценил деловитость в других, а Безбородку и Чернышев были именно людьми, сразу снискавшими себе уважение серьезной, строгой деловитостью.

По вечерам Екатерина обыкновенно приглашала Густава на чашку чая, и незаметно текли часы в уютном салоне среди красавиц и умниц, среди веселых, тонких шуток и интересных, серьезных разговоров.

Из всех дам свиты императрицы Густава особенно очаровали Екатерина Дашкова и Мария Девятова.

Сорокалетняя Екатерина Илларионовна пленила Густава своим недюжинным умом. С ней было интересно поговорить, потому что эта женщина состояла в непосредственном общении со всеми великими умами того времени. И в результате Густав был так побежден ее широкой образованностью, что пожаловал ее званием члена новоучрежденной Стокгольмской академии наук.

Но еще более пленили его те минуты, когда ему удавалось поговорить с любимицей императрицы, Марией Девятовой. Густаву сообщили ее историю. Мария была выкрадена в детстве цыганами.^[5] потом

Мария была выкрадена в детстве цыганами, потом попала в гарем, который открыто держал властный временщик Потемкин. За строптивость последний упрятал Марию в сумасшедший дом, откуда ей удалось тайно бежать. Тогда Мария в мужском костюме поселилась под видом пажа у великого князя Павла Петровича, которого давно тайно любила. Но это не была любовь фавориток французского типа. Ровно ничего не искала Мария для себя, только счастье царственного друга преследовала она. По ее настоянию великий князь Павел Петрович женился, чего от него требовала мать. Затем многое пришлось перетерпеть Марии вследствие преследований Потемкина, пока истина не выплыла наружу. Тогда императрица взяла несчастную девушку к себе и окружила ее ласками и вниманием. Но в душе несчастной Марии продолжала жить неутешная грусть. Она не могла забыть любимого Павла и оставалась верной его памяти, избегая в то же время ради его пользы каких-либо сношений с ним. И вот эта-то неизбывная грусть придавала особенный меланхолический оттенок ее нежной красоте.

Густава трогали чистота и глубина ее самоотверженности, и сам добрый, чувствительный по природе, он чуть не со слезами думал, как несправедлива судьба, отказывая этой чудной девушке в праве на личное счастье. И чудаковатый король относился к ней, как к какой-то величайшей святыне.

Девятова отвечала тоже искренней симпатией на симпатию короля. Она знала, что, в сущности говоря, этот бедный король очень несчастен. Она знала, что его жена не любит и не уважает его, что любимая женщина нагло обманывает его, что дворянство и армия смотрят на него с тайным недружелюбием^[6], что остальные государи смеются над ним и что сама Екатерина, расточавшая ему ныне столько любезностей, оставаясь наедине со своими друзьями, на всякие лады издевается над своим новым союзником.

Между тем, по мнению Марии, и Густав тоже был достоин лучшей участи. Конечно, не Бог весть как был умен шведский король, но он был лишь именно чудаковат, и некоторые странности придавали ему порой вид какого-то Иванушки-дурачка. Между тем главной причиной было то, что Густав запоздал родиться. Родись он на сто лет раньше, это был бы величайший государь. Но теперь его душа рвалась к подвигам, а действительность в лице ослабевшей Швеции связывала ему руки.

На почве этой обоюдной симпатии у Густава и Марии при встречах возникали долгие разговоры, не раз затягивавшиеся до полуночи. И совсем иным, чем прежде, шел король после этих разговоров в дом, где жила «госпожа Лильегорн».

Целый день парад, дипломатических переговоров и работы утомляли Густава, и он хмуро и нехотя отвечал

Адели на ее расспросы о положении дел. К тому же теперь, после долгого наслаждения близостью прекрасной и чистой Марии, Адель начинала видеться ему совсем в ином свете. Он замечал, что ее молодость создана искусственно, что Адель вовсе не так натуральна, что в ее голосе, движениях, даже ласках чувствуется какая-то фальшивая струна. Однажды императрица, в расчеты которой вовсе не входило, чтобы влияние Гюс, слишком легко подкупаемой, упрочилось, нарочно обронила в разговоре тонко рассчитанную фразу, из которой явствовало, что Гюс действовала в этом деле далеко не бескорыстно. Еще очень недавно такая фраза заставила бы Густава вспыхнуть, ответить какой-нибудь резкостью, теперь же он равнодушно пропустил ее мимо ушей, с какой-то скорбью думая о том, что в поведении Адели действительно чувствуются предательство и измена. Словом, то отчуждение, которое началось в душе Густава еще год тому назад и сменилось кратковременной вспышкой доверия, теперь начинало пускать глубокие, мощные ростки. Только Густав сам не отдавал себе вполне ясного отчета в своих чувствах. Он объяснял это усталостью и думал, что по возвращении в Швецию все пойдет прежним чередом. Словом, он переживал то самое состояние, которое лучше всего сравнить с водой, замораживаемой при абсолютном спокойствии. Если ничто не нарушает этого покоя, то

спокойствия. Если ничто не нарушает этого покоя, то вода может охладиться до очень низкой температуры и все же оставаться в прежнем, жидком состоянии. Но достаточно малейшего толчка, достаточно бросить в воду камень, как она на глазах быстро начнет кристаллизоваться в лед. И душе Густава нужен был такой толчок, чтобы истинные чувства к Адели могли сразу выкристаллизоваться.

IV

Так прошла неделя, и наступил день отъезда. Оба монарха взаимно осыпали лиц свиты подарками, орденами и знаками милостивого внимания. Шведы получили кто портреты императрицы в бриллиантах, кто высшие русские ордена. Русские получили такие же портреты Густава с равным количеством бриллиантов равной величины и соответствующие ордена. Кроме того Екатерина преподнесла Густаву картину, изображавшую ее во время мирной беседы с ним. Эту картину писал знаменитый датский художник Гейер, специально выписанный для этого императрицей.

Утром в канун отъезда Густав зашел на минутку к Адели, чтобы предупредить ее, что не сможет в этот вечер побывать у нее, так как, наверное, он с императрицей засидится, а завтра предстоит ранний отъезд.

Адель посетовала, что «противные» дела совсем отняли у нее милого Густава, но внутренне осталась очень довольна. Сейчас же после ухода Густава шустрая Роза кинулась с записочкой Адели к Ларсу Гьортсбергу.

Но случилось так, что к вечеру у императрицы разразилась адская мигрень. Еще за парадным прощальным обедом она начала чувствовать легкое недомоганье, и последнее стало так быстро усиливаться, что Екатерина еле-еле досидела до конца. В десять часов, когда обед кончился, она извинилась и ушла к себе. Густав поговорил некоторое время с Чернышевым и Безбородко и тоже ушел. Он испытывал большую досаду. Ведь он так рассчитывал в этот вечер поговорить с Девятовой!

Угрюмо шел Густав по галерее, соединявшей оба дома. Чем наполнить пустоту вечера? Ему не хотелось ни говорить с кем-нибудь из дипломатов, ни читать, ни работать. И спать тоже еще было рано... Разве сыграть с Ларсом партию в шахматы?

Эта идея понравилась Густаву. Ларс был любимейшим из «garçons bleus»^[7] короля, и его бойкий, насмешливый ум часто разгонял морщины на лбу Густава.

Но в передней перед кабинетом короля находился другой паж.

— Где Ларс? — спросил Густав. — Разве не его лежничество сегодня.

— Нет, ваше величество, Гьортсберг сменит меня в двенадцать часов ночи.

Король недовольно повел плечом. И от этого приходилось отказаться! А именно сегодня ему хотелось легкой, беспритязательной беседы... Уж не пойти ли к Адели?

Король взглянул на часы и покачал головой: было уже начало двенадцатого... Но тут он выглянул в окно, и это окончательно решило его сомнения. Что за чудная, теплая ночь! И как ярко светит мечтательный, таинственный диск луны!

Густав накинул плащ и пошел к Адели, с наслаждением вдыхая солоноватый воздух, которым тянуло с нагретого моря. Озаряемый луной и окутанный зеленью, мирно спал маленький чистенький городок. Вдали, почти на самом краю города, в полосе яркого лунного света белел дом, где жила Адель. Вот кокетливая береза и утрюмая сосна, словно верные стражи, приникшие к окнам спальни. Но почему в этих окнах свет? Что же она делает, почему не спит?

Густав подошел поближе и остановился против окна. Легкий ветерок слабо колыхал плотную занавеску. Вдруг та откинулась, и в окне появилась Адель. Она была в очень откровенном «дезабилье», и как ни кратковременно было это явление, Густаву показалось, будто за нею виднеется какая-то стройная фигура, одетая

в расстегнутый голуооо мундир. Густав сделал шаг вперед, но занавеска сейчас же упала, и Адель скрылась. Тогда, не помня себя от бешенства, король бросился в дом.

Дверь подъезда была на крючке, но Густав так бешено ударился о нее, что крючок отлетел. Король кинулся вверх по лестнице, которая вела на второй этаж. Дверь спальни Адели тоже была заперта, и, когда Густав постучался, оттуда послышалось удивленное:

– Кто там?

– Это – я! Сейчас же откройте! – крикнул он задыхаясь.

Послышалось поспешное шлепанье туфель, щелкнул замок, и в открывшейся двери показалась встревоженная Адель.

– Это – вы, Густав? Что случилось? Почему...

Но король не дал ей договорить. Оттолкнув Гюс, он кинулся в комнату.

Спальня Адели состояла из двух комнат, отделенных друг от друга аркой. В первой из них, представлявшей нечто вроде будуара, стоял стол, уставленный остатками кушаний, пустыми бутылками и грязными тарелками. Приборов и стаканов было по два. Густав обнажил шпагу и кинулся в самую спальню. Тут он принялся с бешенством искать по всем углам, даже ткнул шпагой под кровать.

– Ваше величество, что с вами? Кого вы ищете? –

испуганно спросила Адель.

— Я ищу мерзавца, с которым ты только что ужинала!

— Но он, вероятно, уже спит, ваше величество! Господи, да никак вы заподозрили?.. Ваше величество! Часа два тому назад я ужинала здесь со своим секретарем, и уже никак не могла подумать, что Бьевр способен возбудить ревность вашего величества!

— С каких это пор Бьевр носит голубой мундир? Да, да! Не отпирайся, обманщица! Я сам видел, что здесь, в комнате, был кто-то в голубом мундире!

— В голубом? Но, ваше величество, вы видели вот это самое платье, которое брошено мною на стул!

Густав взглянул: действительно на стуле у окна лежало ярко-голубое платье.

Весь гнев короля сразу спал, сменившись чувством величайшего смущения и стыда. В самом деле, если бы здесь был кто-нибудь, ему не удалось бы скрыться незаметно: убегая, дружок Адели должен был натолкнуться на него.

Неужели необоснованная ревность вызвала обман чувств?

Густав был так смущен, что не знал, как ему выйти из этого глупого положения.

— Ах, Густав, Густав, — ласково и грустно сказала Адель, подходя к королю. — Как вы необузданны и как способны обидеть из-за малейших пустяков! Вы увидели

с улицы что-то голубое и уже решили, что я изменяю вам. Неужели же я дала вам основания подозревать меня? Но я даже и сердиться не могу... Ревность – сестра страстной любви.

– Адель, как мне искупить...

– Ну что вы, что вы, Густав! Ведь я уже сказала вам, что не могу сердиться на вас! У вас просто нервы развинтились от всех этих переговоров, вам надо отдохнуть! Вот вернемся мы с вами в наш Стокгольм и опять заживем по-старому! Ну, подите же ко мне! Дайте же мне обнять вас, дорогой! Положите свою усталую голову ко мне на грудь... Ах, вы мой ревнивец!..

Часа через два Густав вышел от Адели. Он сам не мог понять, что творилось с ним. Ведь только что он искренне обнимал женщину, а теперь... теперь опять в груди вставали сомнения... Адель доказала ему свою невинность, и все-таки он не был удовлетворен! Может быть, и в самом деле все это – просто нервы?

Размышляя об этом, Густав огибал угол дома. Но что это белеет на высоком заборе садика? Платок? Метка «Л. Г.»?

Ларс Гьортсберг!

Этот платок был тем самым толчком, от которого выкристаллизовались истинные чувства Густава. Завеса спала с его глаз. Теперь он все понял, теперь он знал, что эта женщина была эта Глос!

V

В первый момент Густав сделал движение, чтобы броситься обратно в дом, но тут же спохватился и презрительно повел плечами... К чему? Чтобы она опять проявила свою виртуозную способность лгать? Нет, ему нужна была уверенность, и ее даст ему сам Ларс... Негодяй-мальчишка!.. Но, впрочем, можно ли сердиться на этого полуребенка? Где же было незрелому юноше устоять против чар этой сирены, умевшей отуманить ум зрелых, опытных мужчин? Нет, Ларс не виноват!

Да и не все ли равно, как зовут того, с кем эта подлая змея насмеялась над своим благодетелем? Не он, так другой... И, вероятно, много было их, этих «других»!

«Но, Ларс должен все рассказать! Теперь он на дежурстве. Я застигну его врасплох и заставлю во всем признаться!» – решил король.

Войдя в свою прихожую, Густав был поражен странным запахом, стоявшим там. Это была смесь винного перегара с какими-то резкими, раздражающими, но знакомыми Густаву духами.

Король оглянулся по сторонам – в углу мирно похрапывал, развалившись в кресле, Ларс Гьортсберг.

Густав подошел поближе. Голубой мундир Ларса был неправильно застегнут; сразу было видно, что это делалось второпях... Да и этот запах тоже шел от него... Густав нагнулся к юноше: дыхание Ларса благоухало винным перегаром, а мундир издавал тот самый резкий аромат, который поразил Густава при входе.

Ну, конечно! Ведь это же любимые духи Адели! Так что же еще узнавать, что выпытывать? Разве и так не все ясно?

Но нет, Густав хотел знать. И, подойдя вплотную к юноше, он схватил его за плечи и резко встряхнул.

Ларс с трудом открыл глаза.

— Ларс! Где ты был до дежурства? — крикнул король.

Юноша сразу проснулся. Последние остатки сна и хмеля испарились из его головы. Он смертельно побледнел и с криком отчаяния кинулся королю в ноги.

— Встань, Ларс, — спокойно сказал Густав. — Я не сержусь на тебя и, если ты откровенно признаешься мне во всем, я по-прежнему оставлю тебя в своей милости. Но помни, я знаю все! Я только хочу слышать истину из твоих уст! Берегись же! Малейшее умолчание, малейшая ложь — и ты жестоко заплатишься! Ну, говори! Ты был у Гюс в тот момент, когда я подходил?

— Да, ваше величество.

— Гюс меня увидала?

— Да, ваше величество.

— Каким же образом ты скрылся?

– Через окно, ваше величество.

– Как? Через окно?

– Ну, да, ваше величество; мы рассчитали, что, пока вы будете огибать дом и подниматься по лестнице, я успею незаметно скрыться.

– Но ведь комната во втором этаже!

– У самого окна растёт береза.

– По которой ты и спустился? Понимаю! Затем ты, должно быть, пробежал через садик и перелез через забор? По крайней мере на одном из кольев я нашёл вот это! – и король кинул пажу платок. – Ну, а когда у вас с ней это началось?

– С того дня, когда на меня наехала лошадь госпожи Гюс.

– Но ведь ты был совсем болен!.. А, понимаю... То-то Аксель руками разводил, не понимая твоей болезни! Значит, это была комедия?

– Да, ваше величество!

– Ларс, Ларс! – сказал король, грустно покачивая головой. – Понимаешь ли ты, что ты сделал мне? Разве мало добра оказал я тебе? Нет выше порока, чем неблагодарность, Ларс... А это даже не неблагодарность; это – предательство! Я обещал не наказывать тебя и сдержу свое слово. Но я очень надеюсь, что ты на досуге обдумаешь свое поведение и поймешь, насколько оно мерзко. Я извиняю тебя только молодостью. Хотя, ведь молодость – лучшее время в

молодостью... Хотя... ведь молодость — лучшее время, в молодости человек бывает чище и добрее, а ты... ты вообще скверно ведешь себя! В твои годы пьянствовать, развратничать!.. Я обещал не наказывать тебя за прошлое, но помни: если от тебя когда-нибудь будет опять так пахнуть вином, как сейчас, я собственноручно высеку тебя. А теперь ступай!

— Ваше величество, простите! — крикнул Ларс, заливаясь слезами и падая на колени. — Верьте, государь, какой-то непонятный туман окутал мой мозг. Я сам не сознавал, что делаю...

— Я верю тебе, Ларс, — грустно сказал король, — по крайней мере, хочу верить... Да и где было тебе, мальчишке, втайне мечтающему о победах, устоять против чар этой женщины! Но пусть это будет тебе уроком на будущее время... Ступай к себе, пропись! Мне никого не нужно!

Густав прошел к себе в кабинет и уселся за письмо к Адели. Вот что он написал ей:

«Я знаю все! Платок, оставленный Вашим любовником на заборе, открыл мне глаза, а его признание подтвердило мои давнишние подозрения. Значит, Вы никогда не любили меня? Значит, все было одной рассчитанной комедией?

Я не буду тратить слова на упреки. Что значат упреки для такой женщины, как Вы? Поэтому перехожу к делу.

Никогда, пока я жив, не осмеливайтесь переступить шведскую границу. Можете оставаться в Фридрихсгаме, можете уезжать, куда угодно, но в Швецию Вам путь закрыт навсегда. Если Вы хотите взять что-либо из оставшегося в Стокгольме имущества, можете поручить это своему секретарю или кому-либо другому.

Уполномоченному Вами лицу будет выдано все, что принадлежит Вам.

Затем вот еще что. Не вздумайте именоваться, где бы то ни было графиней Лильегорн. Сам я уничтожаю данный мною Вам тайный патент и требую, чтобы Вы вручили его подателю сего. В случае же, если Вы откажетесь сделать это, я опубликую в газетах всей Европы, что авантюристка Гюс не имеет права пользоваться этим титулом. Прощайте навсегда! Густав».

Это письмо было послано Адели с одним из пажей рано утром. Прочитав его, Гюс истерически разрыдалась, но патент пажу все-таки вручила. Она понимала, что скандал, которым грозил король, был бы слишком опасен для нее.

Впрочем, слезы недолго лились из все еще прекрасных глаз Адели. Наплакавшись, она подошла к зеркалу, долго и тщательно рассматривала себя и потом воскликнула:

— Я все еще хороша, черт возьми! Ну, мое от меня не уйдет! Не он, так другой; на мой век дураков хватит...

Да, никакие беды не могли укротить эту

необузданную женщину. Но время уже делало свое: она не сознавала, что на этот раз платок действительно погубил ее!

VI

А теперь, милый читатель, я, Гаспар Тибо Лебеф де Бьевр, опять поведу рассказ от своего имени.

Я хочу рассказать тебе, как прошел для Адели переходный период, который начался для нее разрывом со шведским королем, а кончился возвращением во Францию. Этот период пестрит бесконечными приключениями, но они, в сущности, очень однообразны: вечно повторялась одна и та же история: Адель по легкомыслию упускала знатного покровителя ради какого-нибудь негодяя, и, если бы я стал подробно описывать все эти приключения, то лишь утомил бы тебя.

Но и упустить этот период нельзя. С одной стороны, он доказывает, что Адель действительно «погубил платок», с другой – лишь приключения этого периода могут объяснить, как совершился в душе Гюс тот переворот, который превратил ее из распутницы аристократического пошиба в кровавого революционного зверя.

Поэтому я расскажу тебе об этом переходном периоде в виде сжатой сухой хроники. Таким образом и

периоде в виде скачков, судяи аретина. таким образом и пробел будет восполнен, и я не рискую надоесть тебе.

Платок действительно «погубил» Адель. Ведь ко времени разрыва с Густавом Шведским ей было уже около сорока лет, а это – опасный возраст для женщины, все существование которой неразрывно связано с юностью тела. И как артистка, и как женщина, Адель отдала Швеции лучшую пору своего расцвета, когда ее обаяние достигло вершины могущества. Если бы она оставалась в Швеции, ее дальнейшее увядание не бросилось бы в глаза публике, привыкшей ценить любимую артистку; если бы она была честной подругой короля, упадок телесной красоты не посеял бы между ними охлаждения, так как король Густав был из тех мужчин, которые способны оставаться верными честной подруге до могилы. Адель, несмотря на увядание, прожила бы там в почете, холе и довольстве. Но она играла в опасную игру с пажиками, и это положило конец надежде на благополучие.

Правда, Адель все еще была очень красива, и никто не дал бы ей ее лет. Но даже искусно скрываемое увядание невольно чувствуется опытным мужчиной. Так самый жаркий осенний день неспособен дать нам иллюзию лета.

Да, Адель была еще красива, но теперь уже не могла рассчитывать на покровителя «первого сорта». Ей уже

нельзя было надеяться пленить второго Орлова или второго Густава. На первое время она еще могла привлечь второсортного почитателя, а с каждым лишним годом дело становилось все хуже. Впрочем, ей представлялась возможность привлечь еще одного монарха, но... Адель оставалась Аделью!

Итак, Адель решила искать счастья в новых местах. Но где? И вот мы разложили с ней карту и стали рассматривать ее. В Россию было лучше не соваться — там Адели никогда не везло, да и теперь, перевалив за пятьдесят лет, Екатерина стала проявлять большую строгость к другим. В Австрии царствовал Иосиф II, с которым шутки были плохи, прусский король Фридрих II стал под старость совсем полоумным в преследовании роскоши, во Франции начинались смуты и царила тревога. В Италии?.. Ну, там в счет шел только Фердинанд I (IV), король Обеих Сицилий, да и то он был настолько под башмаком своей супруги, энергичной дочери Марии Терезии, королевы Марии Каролины, что на него можно было махнуть рукой. Испания, помогавшая североамериканским колониям в их войне за независимость, была отвлечена военными действиями. Насчет денег в Испании было плохо! Англия? Но если на настроении лондонского общества мало отражалась несчастливая колониальная война, если разврат лондонцев к тому времени достиг небывалого размаха, то национальность Адели была

помехой ее успеху там: Англия была слишком раздражена на Францию за ее содействие мятежным американцам! Нет, об Англии и думать было нечего...

Но куда же тогда кинуться? В Турцию разве? Но в Турции царили слишком жестокие нравы. Женщина там была на положении котенка, которого не грех и украсть, если он понравился. Уж на что собака считается привычным объектом жестокого обращения, но в Турции собаке жилось несравненно вольготнее, чем женщине. В глазах турок собака была священным животным, а женщина – тоже животным, но отнюдь не священным. Ударить собаку – грех, бить женщину – богоугодное дело. Ну, а за измену один конец: либо просто голову долой, либо в мешок да и в воду! Нет, Турция была неподходящей страной для Аделаиды Гюс.

Так куда же ехать?

И вдруг мы оба сразу расхохотались. Мы засматривались на дальние страны, а то, что близко, упускали из вида. А Дания? А Христиан VII? Да ведь это – просто клад для Адели!

Еще бы! Желая захватить власть как можно полнее в свои руки, королева-мать умышленно спаивала короля-сына и сводила его с красивыми женщинами. Христиан VII был уже несколько лет припадочным полу идиотом. Это ли – не желанная добыча для преславной Аделаиды Гюс?!

Итак, было решено ехать в Копенгаген. Куда мы с Аделью и отправились.

Устроив Адель, я должен был съездить в Стокгольм, чтобы взять там оставшиеся ценности. Еще перед отъездом я убедился, что Адель на верной дороге. Возвращаясь обратно, я ждал, что она уже пристроена. И что же? Вдруг я нахожу у нее какого-то немолодого мужчину, грязного, дурно одетого, страшно наплого, который именовал ее: «Эй ты, милая моя... как тебя там?»

Это был француз-парикмахер Лельевр, неизвестными путями попавший во французскую труппу актером, но очень быстро отставленный оттуда из-за полнейшей неспособности. Он жил уже месяца два в Копенгагене, был должен, что называется, вдоль и поперек, решительно никуда не мог пристроиться и существовал лишь смутной надеждой на счастливую случайность. Эта счастливая случайность проявилась для него в сумасшедшей Аделаиде Гюс, которая ради Лельевра отказалась от представившейся ей возможности стать подругой Христиана VII.

Любовь? Нет, любви тут не было! Вернее сказать, Адель нашла в Лельевре человека под пару себе, пожалуй, даже своего господина, и это так заинтересовало ее, что она пустилась на авантюру с ним.

Пейзанте на картинке было представлено себе

действительно, трудно было представить себе более порочное, в корне испорченное существо, чем этот Лельевр! Наглый, грубый, льстивый, жестокий, трусливый, вороватый, беспринципный, к тому же еще – пьяница и картежник, он представлял собой истинный идеал первейшего негодяя.

Его знакомство с Гюс произошло так. К Адели в номер гостиницы зашел знакомый актер из местной французской труппы. Поговорив, они спустились поужинать в общий зал. Здесь к актеру подошел какой-то вертлявый, наглый субъект; не дожидаясь приглашения и не обращая внимания на явное недружелюбие, он преспокойно подсел к столу, принялся, как ни в чем не бывало, болтать, наел, напил и затем ушел, не сказав ни слова благодарности и предоставляя заплатить за себя невольным компаньонам. На следующий день он подошел к Адели, как старый знакомый, и сумел пленить ее своей беззаветной наглостью. На следующий день они уже поселились вместе на положении супружеской пары.

У Адели денег было очень немного, у Лельевра их и вовсе не было. Правда, у меня были небольшие деньги, скопленные в течение службы у Гюс, но я твердо решил не давать ничего на удовлетворение барских замашек господина Лельевра, с которым, кстати сказать, сразу встал во враждебные отношения.

Началось это с того, что однажды, когда Лельевр

при мне замахнулся на Адель, я схватил негодя за руку и торжественно обещал переломать ему все кости, если он еще раз позволит себе нечто подобное. К моему удивлению, Адель тигрицей накинулась на меня. Никто, дескать, не смеет становиться «между мужем и женой», а тем более я, обязанный Адели полным повиновением. Лельевру очень понравилось это, и в следующий раз он позволил себе гнусную выходку лично против меня. Но тут уж ему пришлось много хуже. Я взял его за шиворот, поднял, как щенка, на воздух и торжественно поклялся разmozжить ему голову о стену, если он попытается когда-либо повторить свою выходку. Адель попыталась вмешаться, но я не менее твердо заявил ей, что не могу признать за ее правами на меня такое расширенное толкование; если же она вздумает настаивать на том, что я должен быть лакеем при господине Лельевре, то я предпочту нарушить клятву и уйти.

Так и пошла у нас жизнь. Лельевр пьянствовал, задавал Адели трепку и проживал ее деньги. Когда же деньгам пришел конец, в ход были пущены драгоценности.

Однажды, разбираясь в драгоценностях Адели и выискивая для ликвидации что-нибудь, чего не было бы особенно жалко, я обнаружил, что футляр с ценным бриллиантовым парюром исчез. Я сообщил об этом Адели, и мы стали ждать возвращения Лельевра, чтобы расспросить его. Но Лельевр не показывался три дня,

затем пришел пьяный и злой. Адель кинулась на него с упреками, он же схватил ее за волосы и принялся таскать по полу, охаживая собачьим арапником. Мне с трудом удалось вырвать несчастную женщину из рук озверевшего негодяя.

На другой день я опять имел серьезный разговор с Аделью, и на этот раз она вняла моим доводам. Нельзя так беззаботно бросаться драгоценностями — вместе с туалетами они слишком важны для сценического успеха. Да и не наготовишься парюров для Лельевра, который способен проиграть в карты или прокутить с женщинами самого низкого разбора любое состояние.

И вот я и Адель тщательно разобрали все, что у нее еще оставалось. Значительная часть драгоценностей была заперта и вручена мне на хранение, остальные я ликвидировал и выручил достаточно денег, чтобы без лишней прожить месяца три-четыре. Но для Лельевра это было слишком ничтожно. Сначала он стал выманивать деньги у Адели нежностями, потом — побоями, когда же и это не помогло, он не остановился перед покушением на убийство.

Услыхав крик Адели, я высадил дверь в ее спальню и обнаружил негодяя. На следующий день я сказал Адели, что Лельевр, по моему мнению, едва ли примирится с выпавшим на его долю сухим пайком, весьма вероятно, повторит свою попытку; никто не может гарантировать меня и Адель от попытки Лельевра

может гарантировать меня и Адель от попытки Лельевра отравить нас, чтобы завладеть драгоценностями, кроме того, не всегда же я окажусь в решительный момент поблизости. Нет, если Адель дорожит жизнью, она должна бросить Лельевра!

Адель очень дорожила жизнью, и — это было летом 1785 года — вечером, когда Лельевр по обыкновению ушел в один из притонов, мы оба бежали тайком на корабль, и тот отвез нас в Гамбург.

VII

Вольный и древний город Гамбург был как нельзя более подходящим местом для поисков счастья: город богатейших купцов, отличавшихся к тому же довольно свободными нравами.

Основание Гамбурга относится к эпохе Карла Великого, который счел нужным возвести здесь крепостицу. Но крайне выгодное географическое положение сделало уже в XII столетии Гамбург первоклассным, торговым городом. Действительно, трудно нарочно придумать более выгодное местоположение! Хотя Гамбург лежит за сто верст от впадения Эльбы в Северное море, но устье реки так широко и удобно, что морские суда, свободно подходя почти к самому городу, находят здесь великолепную гавань. Поощряя торговое развитие города, императоры

даровали Гамбургу ряд привилегий, и уже исстари гамбуржцы не знали таможенных стеснений: товары имели свободный ввоз. При таких условиях народонаселение Гамбурга все возрастало и богатело, и в Гамбурге путем исторического подбора родился совершенно своеобразный тип купца — ловкого, оборотистого, энергичного, образованного, свободолюбивого и гордого, как дворянин. Ну, а сношения с дикарями^[8] приучили гамбуржцев не быть особенно щепетильными в вопросах морали. Адель была все еще очень хороша и могла пленить какого-нибудь из этих богачей.

Да, Адель все еще была очень хороша, с этим надо было согласиться! Ведь порочная жизнь несравненно более способствует процветанию красоты, чем жизнь сурового, честного труда. В Аделины годы порядочная женщина кажется старухой, а знаменитая Гюс выглядела совсем молоденькой.

Но годы все же брали свое, и ужасная жизнь, которую вела Адель с Лельевром, не прошла без следа для нее. Сначала надо было изгладить эти следы. И вот на первых порах мы зажили в Гамбурге тихой, мирной жизнью. Все наши заботы были сосредоточены на том, чтобы выхолить красоту Адели: как добросовестный раб, я содействовал даже тому, чему не сочувствовал.

Но все это требовало денег. И вот из заветного

ящичка исчезла еще пара драгоценностей. Когда Адель решила выйти на арену, для приобретения необходимых туалетов пришлось снова обратиться к ящичку.

Свои победы Адель начала с маскарада, где пленила какого-то податливого старичка. Он оказался довольно большой шишкой: это был граф Бернсторф, датский министр, не раз бывавший в фаворе и не раз подвергавшийся опале. Бернсторф приехал в Гамбург по делам своего покойного дяди, Иоганна Бернсторфа, того самого, которого Фридрих Великий называл «датским оракулом». Будучи в немилости, граф Иоганн уехал в Гамбург, где и умер. Между прочим, будучи редчайшим гуманистом своего времени^[9], он в своем завещании оставил очень много на благотворительность. Не были забыты и гамбургские бедняки. Последним обстоятельством и был вызван приезд графа Андрея.

Адель сильно пленила Бернсторфа, но... платок действительно погубил ее! Ее прелести ныне не было достаточно, чтобы заставить графа забыть о своем имени, ранге и семейном положении. Бернсторф отдал дань старческой похотливости тем, что задержался в Гамбурге на целую неделю дольше, чем было нужно, но затем спокойно уехал, даже не подумав взять с собой в Данию Адель. А ведь, рассчитывая на его пленение, Адель успела наделать безумных долгов!

И вот нам опять пришлось бежать под покровом

ночи и тумана.

Я не раз пытался образумить Адель, но мои попытки были тщетны.

Теперь мы перебрались в вольный город Любек. Там подвизалась бродячая французская труппа, дававшая свои представления в каком-то деревянном бараке. Ее дела шли очень плохо, но труппа не унывала: это были люди, способные весело смеяться на тощий желудок, готовые любить по капризу, пренебрегая выгодой, или играть перед пустым залом, если придет минута вдохновения.

Адель столковалась с ними. Было решено, что она станет играть не за плату, а за установленную часть валового сбора. Из заветного ящичка извлекли еще пару драгоценностей, затем я обошел влиятельных сотрудников местных газет, имел краткий, но убедительный разговор с начальником местной пайки клакеров. В результате выступление Адели стало истинным триумфом, и убогий деревянный барак превратился в место встречи самой богатой и фешенебельной публики Любека.

На короткое время звезда Адели опять возшла. У нее в уборной теснились поклонники, и опять в нашем доме воцарилось полное довольство.

Среди этих поклонников был один, который занял первое место в милости Адели. Для этого у него были

все данные: дон Мигуэль де Мантиквейра, бразилец родом, был юн, красив, пылок, щедр и, как казалось, богат. Он прибыл в Любек с грузом туземных товаров и распродал их с большой выгодой. На вырученные деньги он хотел приобрести европейских товаров, имевших большой сбыт в Бразилии. Но эти деньги после знакомства с Аделью получили совсем другое – менее целесообразное – назначение: они целиком ушли на удовлетворение ее хищных appetитов.

Кончились деньги, и любовь Адели кончилась. Об этом она самым хладнокровным образом объявила дону Мигуэлю, гримируясь в своей уборной к предстоящему выходу. Бразилец молил, грозил, проклинал, ползал у ног – Адель лишь смеялась в ответ. Тогда он крикнул, что покончит с собой. Адель хладнокровно заметила, что это было бы для него лучше всего. Тогда дон Мигуэль выхватил из кармана пистолет, приставил его к виску и спустил курок. Грянул выстрел, которым положительно разmozжило голову несчастному. При этом в лицо Адели брызнуло мозгом.

– Фу, свинья! – ворчливо сказала она, вытирая лицо. – Не мог отойти подальше! Вот изволь перегримировываться!

Но перегримировываться ей не пришлось. Товарищи-актеры были так возмущены происшедшим, что предпочли отказаться от заведомых выгод, лишь бы не иметь дела с Аделью. Публике были возвращены

не имели дома с садом. Трупные осы и вездесущие деньги, Адели было объявлено, что труппа исключает ее из своей среды. И опять все пошло насмарку!

Мы уехали в третий вольный город – Бремен. Здесь Адель встретила с другой бродячей труппой (в то время в редком немецком городе не гастролировали французские актеры), встала во главе ее и направилась в турне по разным городам. Дела шли не блестяще, иногда мы почти голодали, и ящик с драгоценностями опустел совсем. Дошел черед и до моих сбережений. Наконец, когда мы прибыли в Кассель, у нас уже не оставалось никаких ресурсов.

VIII

Кассель был в то время резиденцией ландграфов Гессен-Кассельских. Впоследствии он сыграл известную историческую роль в качестве столицы Вестфальского королевства, основанного Наполеоном для своего брата Джерома (Иеронима) в 1807 и кончившего свое существование в 1813 году. Но в это время, не чая грядущих событий, кассельцы вкушали мир и наслаждались искусствами под скипетром ландграфа Вильгельма IX.

Имя Аделаиды Гюс не могло быть неизвестным при дворе такого мецената, как Вильгельм. Поэтому труппе был оказан блестящий прием, и ряд спектаклей

превратился в сплошной триумф. Опять расцвели надежды Адели. Но у ландграфа была умная жена, и это спасло Вильгельма от паучьих лап гетеры. Ландграфиня Вильгельмина Каролина, урожденная принцесса датская, самым решительным образом предложила Адели на выбор: остаться здесь и рисковать скандалом или... получить переводное письмо на крупленькую сумму к франкфуртскому банкиру ландграфини. Адель имела полное основание предпочесть последнее, и мы двинулись далее.

Тем временем на нашей родине разыгрывались страшные, великие события. Народ, изголодавшийся, замученный, истерзанный, не захотел более выносить ярмо аристократического засилья. Поднялась буря, которую уже нельзя было затушить ничем. Министерство Людовика XVI пыталось осуществить теперь те реформы, которые уже давно должны были быть проведены. Но с одной стороны их усилия парализовались сопротивлением аристократии и духовенства, а с другой — при теперешних обстоятельствах народ, почуяв свою силу, не был расположен довольствоваться жалкой подачкой, которую ему хотели кинуть. Вся почва тряслась во Франции, взрыв был неминуем, неотвратим.

И вот одно за другим стали доходить страшные известия. Генеральные Штаты, созванные в 1789 году

королем для урегулирования дел в королевстве, отказались разойтись, когда этого потребовало правительство, почуявшее опасность в настроении депутатов. 17 июня они самовольно превратились в Национальное Собрание. 14 июля народ взял приступом и разрушил Бастилию – государственную тюрьму, державшую в своих стенах массу жертв тирании. 4 августа Национальное Собрание опубликовало «Декларацию прав человека», твердо устанавливавшую незыблемые основы свободы, братства и равенства.

Король Людовик XVI, его двор и аристократия трепетали. Король уже был фактическим пленником в руках нации. Кровавое море надвигалось на знать. Шатко держались на плечах головы тех, кто ряд столетий играл головами народа. Наступил час расплаты.

1790 год застал нас на пути в Цвейнбрюкен, где правил известный своим распутством герцог Карл II. Адель жадно прислушивалась теперь к рассказам о творившемся на родине, и ее глаза вспыхивали злобным блеском, когда она узнавала о все ширившемся неистовстве парижской черни. Кровью пахло от этих рассказов, и ноздри Адели широко раздувались, словно улавливая этот возбуждающий, пряный запах. И с какой страстью говорила она о том, что надо бить, давить, крушить тиранов.

Конечно. это было нелогично: вель Адель всю

жизнь цвела милостью этих «тиранов», и женщины, подобные ей, сыграли немалую роль в создании ненормальных социальных условий.

Но, во-первых, Адель была женщиной, а от женщины не приходится требовать логики. Во-вторых, в ней главным образом говорила личная злоба на этих тиранов, которые не хотят позволить любовнице обманывать себя. Будь Адель в этот момент обожаемой подругой хотя бы того же Густава Шведского, она громила бы «подлую чернь, осмелившуюся восстать на законного монарха». Но она была отвергнута, она старела, не успев как следует использовать свое бывшее очарование. Кого же винить? Себя? Женщина на это неспособна. И вот Адель обрушивалась каскадами страстных речей на аристократию и «тиранов». Но это все-таки не мешало ей ехать ко двору герцога Карла II.

IX

Пфальцграфу и герцогу Цвейбрюкенскому Карлу II было в то время сорок четыре года, из которых тридцать были прожиты в непрерывном угождении плотским капризам. Его отец, пфальцграф Фридрих, и дядя, пфальцграф Христиан, также были любителями женщин; таким же был и младший брат Карла, принц Максимилиан Иосиф.

Ооа ората были женаты, что, разумеется, не мешало им жить в свое удовольствие. Но в последние годы в Цвейбрюкене было плохо насчет эффектных женщин. Достойные братцы начали уже скучать, как вдруг появилась Гюс.

Как? Аделаида Гюс? Та самая, которая... У Гюс было слишком славное боевое прошлое, чтобы это «которая» не сопровождалось достаточно длинным послужным списком. И нужно ли удивляться, что оба братца одновременно пленились Аделью.

Правда, ей было в то время уже сорок шесть лет. Но я же говорил, что Адель сохранилась на диво. Братцы не знали истинного возраста Адели, а ведь немецкая пословица, гласящая «чего я не знаю, то меня не касается», глубоко права. И герцог Карл, и принц Максимилиан начали наперебой добиваться благоволения Адели.

Это было не так уж трудно. Каждый из соперников быстро достиг желаемых результатов, но каждый при этом был уверен, что счастливицом является только он.

Случай открыл им глаза. Произошла резкая сцена, но добродушие взяло верх.

– Слушай-ка, брат, – сказал герцог, – не хватает еще, чтобы мы поссорились из-за первой встречной подлой твари. Вот еще! Конечно, общинное владение мне не по вкусу, но почему бы нам не предоставить высказаться судьбе? Давай разыграем Гюс в карты!

Принц согласился, братья уселись за экартэ. Герцог проиграл, судьба указывала, что единоличным хозяином прелестной девицы Гюс быть принцу Максимилиану.

Итак, Адель стала подругой принца Максимилиана. Описывать ее времяпровождение в Цвейбрюкене – значит повторить то, что мне уже не раз приходилось говорить: на склоне пятого десятка Адель не стала благоразумнее. К тому же она быстро увядала. И вот однажды – это было в 1792 году – принц сказал ей, пожевывая:

– Кстати, милая моя, не находишь ли ты, что тебе пора на покой?

– Что такое? – крикнула Адель, вскакивая.

– Ну, да... Я нахожу, что ты уже выслужила срок действительной службы и тебе пора в запас. Ангел мой, не вечно же тебе цвести и побеждать! Я недавно разговорился с маркизом ле Ретиф де Ла Бретон. Он рассказывал мне о том, как маркиза де Помпадур ловким шагом избавилась от твоего соперничества. Маркиз уверяет, что он был тогда молоденьким офицером. Господи! Да ведь и Помпадур умерла уже двадцать восемь лет! Значит, тебе никак не меньше пятидесяти теперь, ну, а это – такой возраст, когда женщине подобает думать о душе...

– Негодяй! – закричала Адель, замахиваясь на принца. – Оскорблять беззащитную женщину?

— Что такое? — завизжал перетрусивший принц. — Вы позволяете себе наносить оскорбление принцу крови?

Но Адель развоевалась и безжалостно туфлей отхлестала принца крови по щекам. Еле-еле убежал принц Максимилиан от рассвирепевшей мегеры.

Но не прошло и часа, как явился офицер с пятью солдатами. Без всяких дальних разговоров Адель и меня посадили в экипаж и отправили в путь. Мне хоть позволили захватить свои вещи, а Адель выслали, в чем она была. На границе владений нас ссадили и предоставили нашей судьбе.

Куда было деваться? Что предпринять? Адель должна была сознаться, что ее звезда закатилась. Она была стара, без средств, без друзей, ее роль на жизненной сцене кончилась.

Кое-как добрались мы до ближайшей харчевни и там стали обсуждать свое положение. Одно оставалось нам — вернуться во Францию.

— Да, во Францию! — мрачно сказала Адель, и ее глаза засверкали злобным огоньком. — Кровавый пир царит там теперь, и на этом пиру найдется место и мне! Я упыюсь кровью этих засильников, вырву их внутренности и обмотаю себе шею этим ценным трофеем. Смерть тиранам! Смерть оскорбителям народа!

О-о-о! Все свои счета сведу теперь я с ними!

Мы направились во Францию. Труден был наш путь. Денег у нас почти не было, и не раз нам приходилось преодолевать большие юнцы пешком, пробираясь Христовым именем. Изредка удавалось разыскать остатки бродячей труппы, и с ней Адель устраивала представления. Но это бывало нечасто, денег приносило мало... Да, труден был наш путь на родину, особенно труден после стольких годов праздности.

Чем ближе мы подвигались к Франции, тем мрачнее и страшнее становились вести, долетавшие до нас. Король Людовик вздумал бежать от взбунтовавшегося народа, его поймали, отвезли обратно в Париж; тут народ признал его лишенным сана за измену нации. Король с семьей был заключен в тюрьму. Это было началом страшного эпилога тиранической трагедии, столько веков уже терзавшей Францию.

Наконец, после мучительного странствования мы добрались до Парижа. Этим кончился переходный период жизни Адели и начался последний – пожалуй, самый страшный – этап ее.

А теперь, милый читатель, я опять отстраняю себя до поры до времени и опять поведу в третьем лице речь о страшных приключениях этой женщины, к которой меня, как каторжника к ядру, приковала злая судьба. В отдельных частях этой правдивой рукописи под

названиями «Кровавый пир» и «На обломках трона» я завершу возложенную мною на себя задачу – описание «Приключений девицы Гюс».

notes

Примечания

1

Иоганн Анкарстрем 16 марта 1792 года нанес шведскому королю Густаву III смертельную рану, выстрелив в него из пистолета на костюмированном балу в опере. Причины, толкнувшие Анкарстрема на этот шаг, были как политического (ограничение королем власти знати), так и личного характера. С ними читатели этого романа познакомятся из дальнейшего.

2

Экстерриториальность (или внеземленность) – право коронованных особ и их представителей (посланников и вообще членов посольств) во время пребывания на чужой территории не подлежит действию местных законов и властей. На основании

действия местных законов и властей. На основании этого права неприкосновенностью пользуется не только личность посланника, но и дом, занимаемый посольством. В прежнее время (до конца XVII века) изъятию из ведомства местной власти подлежал весь квартал, где обитал посланник, что вело ко многим неудобствам и даже опасностям, а потому «право квартала» мало-помалу исчезло. Однако долгое время вопрос о границах применимости понятия внеземленности оставался спорным, и нередко из-за него происходили обострения международных отношений.

3

Людовик XVI был сыном дофина Людовика, сына короля Людовика XV и Марии Лещинской. После смерти отца (в 1765 г.) и он стал дофином (наследником) Франции, а в 1774 г., после смерти короля-деда – королем.

4

«Пить чай». Каламбур в том, что по-французски говорят: «братъ чай», и таким образом фраза получает двоякий смысл: герцог привык ежедневно пить чай, или, может быть,...

или... иметь дрюгэ.

5

Богатая приключениями и в высшей степени интересная жизнь Марии Девятовой подробно описана в романе Эттингера «Аталла России», издание А. А. Каспари.

6

Когда в 1788 г. Густав выступил против России, исход кампании обернулся неблагоприятно для Швеции главным образом потому, что армия отказалась повиноваться королю, действовавшему, якобы, против блага и воли нации.

7

Дословно «голубой слуга». Так назывались (по цвету присвоенного мундира) личные пажи Густава.

8

Гамбургцы одни из первых увлеклись колониальным делом. Не имея военного флота, они тем

колонизальным делом. Не имея военного флота, они, тем не менее, вели обширные сношения с дикарями, повсюду устраивая свои фактории и плантации.

9

Граф Иоганн Бернсторф первый из датских помещиков отпустил своих крестьян на волю, его племянник, граф Андрей, о котором идет речь, подготовил законодательное уничтожение крепостного права в Дании. Оба они в свое время были датскими министрами и много сделали для поднятия просвещения и развития наук.